

Александр Питкин

Чему улыбается Джоконда?

16+

Александр Питкин
Чему улыбается Джоконда?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66993808

SelfPub; 2021

Аннотация

Книга раскрывает метаморфозы человека из провинции и достигшего высоких позиций в обществе.

Содержание

Предисловие	6
Глава первая. Костромские провинции	7
Семейные праздники	7
Огни большого города	16
Царь-рыба	20
Глава вторая. Добро пожаловать в Сибирь!	26
Первое потрясение	26
Отцовские университеты	30
Беспокойная дворняжка	33
Последний звонок	35
Глава третья. На тропе романтики	39
Куда пойти, куда податься?	39
Тарзан и его шуточки	41
Спорщик	47
Улыбка Джоконды	50
Глава четвёртая. Ленинградская рапсодия	54
Легендарная 34-СД	54
Орден за услуги	69
Вишенка на торте	79
Чай по-татарски	82
Полет на аэроплане	88
Неисправный телевизор	91
Цирковая гостиница	95

«Бобер»	98
Совершенно секретно	103
Перемен! Мы ждем перемен!	108
Знакомство с границей	118
Командировка в Пекин	131
Глава пятая. Казусы взрослой жизни	136
На скорость не влияет	136
Не имей сто рублей, а имей сто друзей	140
Засада	144
Земляки	147
Топорная работа	152
Нашествие насекомых	155
Норковая шляпка	157
Золотые руки	161
«Крот»	163
Дураков нет	167
Туалетный вопрос	169
Константиныч	174
Инь и ян	177
Глава шестая. Взгляд из Эпохи перемен в Эпоху застоя	181
Нравы семидесятых и восьмидесятых	181
Сезонно-полевые работы	188
Охрана общественного порядка	191
«Губит людей не пиво, губит людей вода!»	196
«Не дай вам бог жить в эпоху перемен!»	201

Александр Питкин

Чему улыбается Джоконда?

Предисловие

Меня с юных лет интересовала загадочная улыбка «Монны Лизы». Учёные по всему миру спорят о том, что она может означать. Кто-то видит в ней признаки счастья, кто-то называет холодной и отстранённой, а есть те, кто считает, будто Джоконда улыбается хитро или мудро. Одним словом, сколько экспертов, столько и мнений. Сейчас, когда я прожил значительную часть отпущенного мне земного бытия, я могу сделать свой личный вывод.

Гений её создателя, Леонардо да Винчи, был настолько проницателен, что на многие века вперёд выразил философское мировоззрение на нашу земную жизнь. Он как-бы призывает нас смотреть на бытие наше именно так, как его Джоконда – с улыбкой. Иногда эта улыбка сквозь слёзы, иногда сквозь обиды, несправедливости прочие неурядицы в нашей жизни.

В этой маленькой книжице я публикую эпизоды из своей жизни, некоторые из них без улыбки Монны Лизы – ну никак не объяснить, и тем более понять.

Глава первая.

Костромские провинции

Семейные праздники

«Хлеба и зрелищ!» – так звучали запросы некогда великого римского народа. В Древнем Риме действительно практиковались бесплатные раздачи зерна гражданам. Кроме того, политики покупали популярность в народе, проводя за свой счет цирковые игры: гладиаторские бои и прочие зрелищные мероприятия.

Во времена моего детства, никто не раздавал нам зерна или прочих ватрушек, у власти не было стимула быть популярной, она (власть) в октябре 1917 года прибрала всю власть к большевицким рукам, после чего пользовалась ей без оглядки на народ. Её представители считали, коль она, власть народная, то она-то уж знает, чего надо народу. Ну а тот, кто недоволен её действиями, либо отщепенец, или враг народа. С этим контингентом разговор простой – кайло в руки и на строительство «Беломорканала» или другой народно-хозяйственной стройки. Страна с необъятными просторами, места всем хватит, ну а баландой государство разговорчивых обеспечит.

Не спросив у народа, хочет ли он отказаться от вековых традиций или не имеет такого желания, в одночасье все праздники религиозные и прочие, которые отмечали веками на Руси были – упразднили. Зато учредили новые: вместо Рождества Новый Год, 8 марта – Женщинам мимозы, детям мороженое! 1 мая – Праздник труда и 7 ноября – веселись народ, прославляй парию большевиков! «Мир! Труд! Май» и «Слава КПСС!» – эти лозунги пафосно звучали с высоких трибун. Можете не сомневаться, и я там был, мёд-пиво пил, по усам текло... иногда и в рот перепало. Можно и на демонстрацию сходить, на свежем воздухе размяться, кто плакат несет, тот отгул к отпуску получит. Красота! Наш народ выпить не дурак, и новые праздники отмечал, а то как же под холодец с чесночком, под салат «Оливье» да под запотевшую водочку «Столичную» за четыре рубля двенадцать копеек, кто откажется. К тому же, если по радио звучит знакомая, ненавязчивая песенка, на музыку Алябьева «Соловей мой соловей, голосистый соловей...», так это вообще полный кайф. Однако и от старых привычек не отказались граждане страны недоразвитого социализма, особенно в сельской местности. Праздновали неофициально, но от души, с размахом, чисто по-русски. Какой праздник без гармошки, чапушек и пляски. Самогон лился рекой, правда для начала ставили на стол казенную водку, под сургучом (бутылки запечатывали пробкой из картона и её заливали сургучом), а уж потом, когда гостей торкнуло, выставляли четвертинки с

мутноватым, но очень крепким напитком собственного приготовления с фирменным названием самогон. Под деревенскую закуску: квашеную капусту, солёные огурчики, белые грузди в сметане, сало солёное и копчёное тонкими ломтиками, да мало ли чего в погребе для этого случая припасено. А на плите яичница-глазунья на шкварках скворчит, пальчики оближешь. Ну как тут не выпить? Выпивали немалое, народ-то закаленный. Редкая гулянка обходилась без потасовки, а то как же, кто-то приревновал залёточку, кто-то косо посмотрел, а некоторые чисто из спортивного интереса, кровь взыграла, а как ей не выиграть, коль в ней градусов уйма. Ничего, ничего, ничего, наутро огуречным рассолом освежатся, колодезной водицей умоются и протрезвеют, крякнут от удовольствия и на работу. Будет о чём до следующей гулянки вспоминать и подшучивать над обиженными.

В раннем детстве запомнились мне летние престольные праздники, такие как Троица, Ильин день, Казанская, Смоленская – так упрощенно их называли в народе. У каждой деревни был свой, один из вышеперечисленных, и мы приезжали погостить, например, в Хлябишино к маминой сестре Любе на Казанскую, в Бажино к тётке Олимпиаде на Смоленскую, а в Никулино к отцовской родне на Ильин день.

Когда мы жили в Брантовке, мои родители обычно посещали все эти праздники. Расстояние от Брантовки до деревень было километров двадцать, если добираться по узкоколейной железной дороге, построенной для вывоза древесины

с лесозаготовительных пунктов, затем километров пять пешком по лесным просекам и тропинкам. Второй путь был через районный центр Мантурово, но он был раза в три длиннее и на перекладных, очень неудобно. Мне нравилось путешествие по узкоколейке, в маленьком вагончике для доставки рабочих на лесосеки. Вагончик прицепляли к маленькому паровозу под названием «Овечка». Он громко шипел, выпуская клубы пара из стальных ноздрей, оставлял за собой шлейф дыма с искрами, его трясло и кидало из стороны в сторону, но он уверенно, со скоростью двадцать километров в час, летел к заветной цели. За окном дремучий лес, в вагоне звучат весёлые шутки работяг, играющих в карты или домино. Чем не экзотика? Ну, прямо тебе, – Голливуд! Главное, впереди желанные встречи с бабушкой-ладушкой, двоюродными братьями и сёстрами. Все они нам искренне рады. Как принято – обнимашки и обмен подарками.

Застолья проходили весело, песни-пляски и, конечно, частушки. Дядя Лёша доставал гармошку, игриво перебирая клавиши на тальянке, делал вступление. Гости для разогрева распевались народными песнями, типа:

Вот кто-то с горочки спустился,
Наверно, милый мой идет.
На нем защитна гимнастерка,
Она с ума меня сведет.

Затем, напевшись вдоволь, какая-нибудь молодуха выбежала на середину комнаты и начинала дробить чечётку, за-

водить мужиков, приглашая к состязанию. Ну уж тут, как всегда, отличался удалью наш отец, равных ему в частушках не было. Мама была стеснительной, частушек не пела, плясала по принуждению, вела себя скромно, а вот её сестра, тётя Маруся, давала прикурить партнёрам. Частушки у неё были хлёсткие, что называется с перчиком, она за словом в карман не лезла. Тётушка упрекала нашу маму: «Ну Лизка, если бы мне твой Витька достался, в нашем доме „дым бы стоял коромыслом“, а уж сколько горшков было битых, страшно даже представить!» Дядя Лёша, старший брат отца и муж тёти Маруси, был шёлковый, прямая противоположность отца. Дядюшка, когда выпивал больше нормы, обычно говорил: «Спать старуха, спать!», а отец, если был во хмелю, его тянуло на подвиги.

Нас, ребятишек, в праздники размещали отдельно, или на кухне, или в маленькой комнате, где был накрыт стол с детскими яствами и напитками. Из напитков запомнилось сладкое свекольное сусло, классная штука! Как только заиграет гармошка, мы, наперегонки, толкая друг дружку, спешим занять место поудобнее на русской печке или на полатях. С высоты всё видно, наблюдай, запоминай, смейся вдоволь! Старики перемещались из-за стола на лавки, вдоль печки, грели спины, совмещая приятное с полезным. Бывало, какой-нибудь дедок не вытерпит, вспомнит молодость, выскочит на середину комнаты, топнет ногой в подшитом валенке по деревянному полу и давай беззубым ртом выдавать перла: «А

штё вы девки не любили, когда был я молодой, а топеря моя харя обросла вся бородой». Затем шла матерная припевка, которая варьировалась в зависимости от партнёрши. Девки смеялись, отвечали тем же самым и по тому же месту. Когда дед, запыхавшийся, раскрасневшийся устраивался на лавке рядом с бабкой, та, шпыняла его в бок локтем приговаривая: «Ишь, чего выдумал, леший. Попробуй, старый хрен, жаловаться ночью, что у тебя спина болит! Я те натру её крапивой-то!»

Наплясавшись вдоволь, гурьбой шли по деревне и опять с песнями. Из соседних домов присоединялись празднующие соседи, вместе шли на живописный берег реки Унжи, там гуляния продолжались дотемна. Для нас, пацанов, отец устраивал состязания: кто быстрее добежит до старого дуба и обратно, кто дальше прыгнет или дольше продержится на бревне. Таких развлечений он знал великое множество, дети любили его.

Что касается официальных советских праздников, то запомнились только майские. Их праздновали в парке, специально оборудованном для массовых гуляний жителей поселка Октябрьский. Собирались, вскладчину накрывали поляну, как сейчас говорят, и веселились на природе под звуки духового оркестра и концерта местной самодеятельности. Рождество не помню, чтобы отмечали, а вот Новый год – святое дело, семейный праздник в узком кругу, естественно, с ёлкой.

Больше всего мне запомнились дни подготовки к встрече Нового года. Примерно за неделю до праздника, мама доставала заветный сундучок отцовской работы, в котором хранились всякие материалы для поделок. Раскладывала на круглом столе в большой комнате, под абажуром, все содержимое. Мы усаживались вокруг стола в ожидании своего задания. Она брала кипенно-белую кальку, складывала ее в несколько слоев и показывала, что надо сделать, чтобы получилась снежинка. Развернув образец, выполненный ею, мы восхищались. Преступали к выполнению задания. Мама просила творчески подходить к изготовлению снежинок. Она говорила: «В природе не бывает одинаковых, они только на первый взгляд похожие, но если присмотреться внимательно, то увидите, что каждая из них неповторима». Изготовленные снежинки нанизывали на нитку длиной с полметра, чередуя снежинку с кусочком белоснежной пушистой ваты. Затем под потолком натягивали нитки попрочнее и крепили к ним наши гирлянды. Получался сказочный снегопад. Самые красивые снежинки разных размеров клеили на окна и стены. Комната превращалась в сказочный дворец Снежной королевы.

На следующий день отец привозил из леса душистую, двухметровую красавицу-елку. Устанавливал ее в кадучку с песком, закрепляя распорками. Мы, под руководством мамы, продолжали заниматься изготовлением украшений, теперь уже и для елки. Из цветной бумаги клеили цепочки и

флажки. Из фольги вырезали фигурки рыбок и птичек, делали петельки для закрепления их на елке. Из ваты мастерили шарики, украшая их мелко нарезанными звездочками из фольги от чайных упаковок.

Отец давал нам огромные кедровые шишки с раскрытой чешуей. Чешуйки мы раскрасили золотистой акварелью, и получались чудные украшения. Главное, все делали сообща и своими руками. Потому отношение к елке было не только как к украшению, а как к живому существу. Елка стояла, как правило, до Старого Нового года. Мы ее поливали, чтобы она не осыпалась. Были случаи, когда елка начинала выпускать свежие салатные лапки. Выбрасывать ее было жалко, и мы держали ее дома еще пару недель, наслаждаясь зимней метаморфозой.

Дни рождения или именины родителей не отложились в памяти. Застолья были, но по какому поводу конкретно я не запомнил. Хорошо помню, предки помпезно отмечали моё пятнадцатилетие, собралось много родственников и соседей. Отец подарил мне наручные часы марки «Сура» в позолоченном квадратном корпусе с секундной стрелкой. Запомнился ещё один подарок – брюки ярко-зеленого цвета, размера на три больше, так сказать, на вырост, а скорее всего у кого-то завалились без нужды, а тут подходящий случай, можно подарить и на халяву выпить. Хорошо, что они не подошли мне по размеру, а то ходил бы как клоун в цирке. Часы первое время носил на руке так, чтобы все могли ви-

деть. На уроке ребята наперебой спрашивали, сколько осталось до звонка, я с гордостью информировал. Эта возня надоела учителям, меня вызвали в кабинет директора, Владимир Александрович посмотрел мои часы, восхищенно сказал: «Да! Штука не из дешёвых, приятно, наверное, такие иметь, но ты постарайся этим не бравировать, будь скромнее, а то придется попросить твоего отца побеседовать с тобой». Намёк я сразу понял и придерживался совета, ну хотя-бы во время уроков. Директора понять было можно, его ежемесячный оклад с надбавками не превышал двухсот рублей, а отец в ту пору, зарабатывал до восьмисот рублей в месяц. Но и работа была каторжная – по двенадцать часов в сутки валить лес. До войны такую работу выполняли в основном заключенные, а в Хрущёвскую оттепель шестидесятых вербовали вольнонаёмных за длинный рубль.

Огни большого города

Мне было лет семь или восемь, когда мы с отцом возвращались из гостей от его старшего брата Алексея. Дядя Леша со своей семьёй жили в районном центре Мантурово, в девятом микрорайоне на Луговой улице в частном доме. Это был жилой массив, состоящий из казенных двухэтажных кирпичных домов и частного сектора из деревянных построек. Он располагался рядом с фанерной фабрикой на берегу реки Унжа. От дома дядюшки до железнодорожного вокзала было километров пять или шесть. Минут пятнадцать мы постояли на безлюдной автобусной остановке, вечерняя октябрьская прохлада забиралась под одежду. Я начал пританцовывать, пытаюсь согреться. Автобусы ходили редко, не придерживаясь расписания и мы решили на вокзал идти пешком по фабричным подъездным железнодорожным путям. Так было значительно короче, чем по шоссе. Прыгая по шпалам, я согрелся и приставал к отцу с глупыми вопросами, беспорядочно приходящими на ум. Отец был в хорошем настроении (после стопки на посошок) и с удовольствием отвечал на мои почемушки.

Шагая по шпалам, я любовался своими новенькими ботинками, которые в Мантурово купил мне отец. Купил специально для посещения школы, чтобы хватило хотя бы на сезон. «После уроков можно и в старых болтаться», – говори-

вала мама. Но старые изрядно износились, и отец разрешил их выбросить прямо у магазина в урну для мусора. Я с удовольствием это сделал и теперь обновлял их, шагая по шпалам. Пройдя половину пути заметил, что в начале шпалы были уложены аккуратно, с одинаковыми расстояниями, передвигаться по ним было легко и приятно, а затем, почему-то, идти стало неудобно и небезопасно, встречались участки с разными промежутками между шпал и к тому же не всегда полностью засыпанными щебнем. Я спросил у отца, почему такая разница. Он объяснил, мол, разные рабочие строили, первые делали на совесть, а вторые работники, так себе, торопились, хотели больше денег заработать. У вас в классе, наверное, тоже, кто-то пишет ровно, красиво, а другие как кура лапой. Я сразу представил тетрадь отличницы Татьяны Паперной и свои каракули. Доходчиво, я намёк понял, но развивать тему не решился. Затем он, помолчав, добавил, что мой дед ему так говорил: «То, что ты сделаешь работу быстро – все забудут, а то, что сделал её халтурно – будут видеть постоянно и вспоминать тебя недобрым словом». Эту дедовскую поговорку я запомнил навсегда, и когда торопился что-то сделать побыстрее, а за мной такой грешок водился, всегда её вспоминал и старался не ударить в грязь лицом. С сожалением должен отметить, что не всегда это удавалось, но я старался, иногда по несколько раз приходилось переделывать уже сделанную работу, исправлять свои огрехи.

Сумерки сгущались, на фиолетово-синем небосклоне чет-

ко нарисовалась луна и звёзды, которые россыпью накрыли нас чудным куполом. Это явление – преобразование дневно-го неба в ночное – всегда восхищало мой детский ум. Днём небо казалось прозрачным и бесконечным, и вдруг с наступлением ночи Землю словно волшебным колпаком накрывает невидимая рука великана. Множество загадочно мерцающих звезд притягивали мой взор и манили вглубь Вселенной.

Помню в третьем классе в библиотеке взял учебник астрономии для старших классов и с интересом листал его, пытаясь понять устройство Вселенной. Для меня было открытием, что Луна не светит, а всего лишь отражает солнечный свет. Много всего интересного узнал я из того учебника, довольно сложного для моего нежного возраста. Когда принес вернуть книгу, библиотекарьша, расплывшись в улыбке, спросила: «Ты никак решил экстерном школьные экзамены сдать и получить аттестат зрелости? Только не забудь сначала исправь двойку по русскому за последнюю контрольную работу». «Ну вот, – подумал я, – опять подрезали крылья „гордой птице по имени Мечта“ и опустили на грешную землю». Выслушав сарказм библиотекарьши, покраснел и что-то невнятно пробурчал себе под нос. Я-то, глупый, ожидал похвалы, а получил насмешку. После такой беседы пропало желание посещать это школьное книгохранилище и записался в районную библиотеку.

Завороженный звёздным небом, шёл, задрал голову вверх, иногда спотыкался, но не мог оторваться от такой красоты.

Вдруг, впереди вспыхнули яркие огни, ореол света растянулся по горизонту на несколько километров. Я остановился и с любопытством рассматривал иллюминацию. Отец, заметив мой удивленный взгляд, сказал, что это включили освещение в центре города и у привокзальной площади. В Брантовке, где мы жили, улицы не освещались и для меня это световое явление выглядело необычно и даже фантастично. Я принялся восхищаться и произносил эмоциональные эпитеты по этому поводу. «Пап, смотри как красиво, это же целое море огней», – не унимался я. Отец на мои восхищения сказал: «Это, сынок, ещё не море. Учись, и ты увидишь настоящее море огней, в сотни раз больше этого».

Тогда мне трудно было поверить и осознать его предсказание. Но слова его навсегда отпечатались в моей памяти. Когда я выучился, жил в Ленинграде, возвращаясь из очередной командировки ночным рейсом аэрофлота, всегда вспоминал их и отца. Под крылом лайнера город на Неве купался в миллионах огней великолепной подсветки. Это действительно выглядело как настоящее море огней. А сколько таких иллюминаций пришлось повидать, приземляясь в аэропортах Франкфурта-на-Майне, Париже, Мадриде и даже в далёком Пекине, да мало ли ещё было ночных полётов в моей беспокойной жизни.

Царь-рыба

В Брантовке, где мы жили до 1963 года, поблизости приличной реки не было, если быть до конца честным, то и неприличной тоже не было. В километре от центра поселка, за клубом в ложбине, протекала речушка шириной пару метров, со странным названием Портомойка. Правда вода в ней была идеально чистая, были видны стайки мальков и прочей живности на дне. В этой речке-ручье водились пескари и мелкие рыбешки типа гольянов, окуней и щурят. Пацаны рыбачили на ней, пескарей на удочку, а щурят-карандашей бельевой корзиной, загоняя их боталом. Фирменных снастей у нас в «Сельпо»¹ не завозили, наверное, считали: нет реки – не будет и спроса на сомнительный товар. Юные рыбаки обходились, как смекалка сработает, вместо лески использовали конский волос или капроновые нитки, тайком конфискованные у родителей. Крючки мастерили из булавок и тонких гвоздей, поплавки из винных бутылочных пробок. Вот уж чего было вдоволь, так это металла для грузил. В паровозном депо мы брали тормозные бухты колёсных пар и выплавляли на костре из них баббит – сплав свинца с оловом и из этого сплава отливали грузила и кстати биты для игры на металлические деньги – «Чикку».

На настоящую рыбалку меня однажды взял с собой отец.

¹ Так назывались магазины системы сельской потребительской кооперации.

В выходной, с друзьями из депо, собрав настоящие взрослые снасти мы отправились на рыбалку с ночёвкой. До ближайшей приличной речки Кондоба, мы добирались по узкоколейной железной дороге на облегчённой дрезине с ручным приводом. Речка небольшая – всего шестьдесят пять километров длиной, шириной от пяти до пятнадцати метров, петляет по Костромским лесам, а затем впадает в реку Унжа, которая является притоком макушки Волги.

Прибыв к месту рыбалки, мы приготовили шалаш для ночлега и развели костёр. Затем размотав снасти пошли на промысел. Ловили рыбу сеткой с мелкой ячейкой, снасть называлась почему-то «курицей». Две рамы, сколоченные из реек, размером полтора метра в высоту, на два метра в длину, были обтянуты капроновой сеткой, рамы между собой соединялись брезентовой полосой. Трое мужчин, двое из них держали передние стороны рам, третий держал хвостовую часть. Раскрывая треугольником снасть как можно шире, медленно продвигались, один по центру реки, другой вдоль берега. Четвертый участником боталом пугал рыбу загоняя ее в треугольник. Пройдя метров тридцать, впереди идущие сходились, соединяя плотно рамки. Рыба, попавшая во внутрь рамок, вместе с нехитрой снастью вытаскивалась на берег, раскрывали «курицу», как книгу, и я собирал улов в корзину. Места были глухие, безлюдные, рыба водилась непуганая. Каждый заход приносил богатый улов. Мелочь выбрасывали обратно в воду. После третьего захода решили,

что на сегодня достаточно. Все вымокли до нитки, выглядели как мокрые курицы, кстати и снасть, потому, наверное, обзывали курицей. В корзине трепыхались стрелообразные щурята, весом с полкилограмма, желтоперые окуни, колючие, сопливые ерши и красноперые сороги. Такой крупной рыбы и в таком количестве мне еще не приходилось видеть ранее. Я внимательно рассматривал еще живую добычу, перекладывая ее с места на место, любуясь её раскраской. Переодевшись в сухую одежду, компаньоны занялись каждый своим делом. Кто-то чистил рыбу для уха, кто-то развешивал снасти на просушку, кто-то чистил крупную рыбу для завтрашней делёжки. Все были при деле.

Вскоре ароматная уха была готова, на свежем, пропитанном лесными ароматами воздухе, аппетит был отменный. Под увлекательные разговоры взрослых время летело не заметно. Солнце уже скрылось за верхушками деревьев, спустились сумерки. Птичий гомон постепенно стихал, только изредка ухал филин, готовясь к ночной охоте, да ещё какая-то беззаботная птаха пела на одной ноте свою незатейливую песенку.

Дядя Паша Орлянский достал свой фирменный спиннинг, проверил его на пригодность и, глядя в мою сторону, сказал: «Ну что, Санёк, пойдём на настоящую рыбалку?» Я с готовностью встал, взял корзину и с нетерпением дожидался, когда соберется дядя Паша. Он окинул меня критическим взглядом и сказал: «Корзину оставь, мелочь мы брать не бу-

дем, а крупную в коробке из-под спичек принесем». Я стоял и растерянно моргал глазами, соображая, шутит ли дядя или как? Все засмеялись, разогретые ста граммами и наваристой ухой, друзья были в отличном настроении.

Мы шли вдоль берега, в речке иногда слышались всплески играющей или удирающей от щуки мелкой рыбешки. Наконец мы остановились у небольшой заводи, дядя Паша выбрал позицию поудобнее и начал забрасывать блесну к противоположному берегу. На крючок цеплялись пучки зелёных водорослей или почерневшие ветки от затонувших кустарников. Дядя Паша закинул с десятков раз блесну, и, в очередной раз сняв с крючка почерневшую корягу, пошутил: «Попалась рыбка, деревянная, без глаз!» Помолчав, добавил, что это не та заводь, где водится щука и мы пошли дальше. Пройдя метров двести перед нами открылась прекрасная живописная заводь. Над гладью воды начинал подниматься туман. С третьего заброса нам повезло. Спиннинг резко дернулся, согнулся дугой бамбуковый его конец, затем резко расправился, леска ослабла. Дядя Паша плавно крутил катушку не давая ослабить натяжение лески. Я с замиранием сердца наблюдал за его работой. Не оборачиваясь в мою сторону, он попросил подать сачок, и стал приближаться к кромке берега. Он подвел рыбу к самому берегу, быстро взял подсачник. Катушка спиннинга вдруг взвыла, громко затрещала, он бросил сачок и стал подтягивать добычу к берегу. Рыба сопротивлялась, то выпрыгивая поверх воды и показывая

своё упругое, пятнистое тело зеленовато-стального отлива, то металась в разные стороны пытаясь вырваться на свободу. Выбрав подходящий момент, дядя Паша резко наклонился, схватил сачок и ловким движением подвел его под бьющееся тело добычи. Вытащив на берег сачок со щукой, весом более пяти килограммов, мы вдвоем навалились на неё, стараясь прижать к траве.

Когда щука успокоилась, вытирая пот с лица, дядя Паша, подмигнув мне и пошутил: «Ну Саня, давай коробок, будем добычу укладывать». Щука заглотила блесну так, что пришлось отстегнуть поводок и нести её на свежесрезанной палке из черёмухи, продетой через жабры.

Довольный удачным уловом дядя Паша сказал: «Запомни, Саша, мою примету: если бы взяли корзину под рыбу, ничего бы не поймали, проверено годами». Я, не спуская глаз с хищной головы щуки, утвердительно кивнул головой, хотя не понимал взаимосвязи.

На привале мужики готовились на ночлег, но, увидев нашу добычу, оживились, зацокали языками. Отец, подержав трофей в руках, сказал, что для такой речки, как Кондоба, это царь-рыба, такую «курицей» не поймать, она прорвет сетку насквозь. Щуку почистили, извлекли блесну и внутрь набили крапивы, чтобы она не протухла за ночь. Я не мог успокоиться и долго сидел, разглядывая царь-рыбу. Решил заглянуть ей в пасть, посмотреть на острые зубы. Потом решил пощупать пальцем бесчисленное количество мелких

зубов, расположенных в несколько рядов. Засунув палец в пасть, я с ужасом понял, что обратно мне его не вытащить, пасть, словно живая, цепко держала мой указательный палец. Я жалобно попросил отца помочь мне. Общими усилиями извлекли мой бедный палец и, громко хохоча, сказали, что я прошёл крещение для начинающего рыбака. Они успокаивали меня, объясняя, что в детстве все из них прошли через это испытание. Всю ночь мне снилась царь-рыба.

На следующий день рыбалка была менее удачной. Попадалась в основном мелочь, по мнению взрослых, я же так не считал. Теперь я представлял, что такое настоящая рыбалка. Будет чем похвастаться перед сверстниками.

Погода портилась, заморосил дождик, и мы начали собираться домой. Собрали снасти, навели порядок с костром и убрав мусор за собой приступили к делёжке улова. Разложили среднюю и крупную рыбу на четыре кучки, мелочь отдали мне. Меня поставили спиной к разложенным кучкам и дядя Паша, указывая на одну из них спрашивал меня: «Кому этот улов?» Я по очереди называл имена, и каждый укладывал свою долю в рюкзак. У нас с отцом получился самый большой улов, если считать по хвостам. И еще для меня было непонятно, почему щука дяди Паши досталась дяде Пете? Дома, когда раскладывали рыбу по мискам, я высказал свои соображения несправедливой делёжки, на что отец ответил: «В артели неважно кто поймал добычу, жребий всех уравнил».

Глава вторая. Добро пожаловать в Сибирь!

Первое потрясение

Заканчивался очередной учебный год. Шестой класс позади, а летние каникулы впереди. Последние уроки высиживали с таким трудом, словами не передать. Тянуло на природу, на речку Чукшу. Лед по ней уже прошел, можно на рыбалку с ночёвкой. Многие собирались поехать к бабушкам в деревни, подальше от родительских нравоучений и мелких поручений, попить парного молока, но главное – свобода. Гуляй до утра, на речке у костра уху вари, картошку запекай, байки трави.

В нашем классе училась девчонка по фамилии Шевцова, а звали Люба. Ну полная тезка героини из «Молодой Гвардии» по повести А. А. Фадеева. Девочка не по годам развитая. Чуть ниже меня ростом, я же стоял в шеренге на уроке физкультуры всегда первый. В шестом мы еще были пионерами, и алый галстук на форменном платье Любки, выглядел странно для ее комплекции. Жила она с мамой и сожителем мамыши, на хуторе за железнодорожным переездом, у самого подножия Лысой горы. Хутор имел два названия. Одно

из них – БАМ, поскольку в нем жили строители магистрали Тайшет – Братск – Лена. Другое, неофициальное, – Ноль двенадцатая – это номер колонии, в которой сидели политические заключенные и под конвоем строили магистраль.

Любка жаловалась нам, что ждет не дождется, когда наконец-то уедет к бабушке в деревню.

«А то этот, мамин придурок, задолбал меня!» – с горечью в голосе говорила она. Мы с ней дружили и иногда провожали до хутора.

«Он меня называет дьяволом в юбке, бандеровец недобитый! Мама, как дура, привязалась к нему, на мои жалобы ноль внимания, скорее бы к бабушке!» – с грустью в голосе продолжала она пенять на свою судьбу. Васька предложил: «Давай мы ему темную устроим, ноги переломаем?» «И не думайте даже, он бывший уголовник, пырнет заточкой в печеньку и в Зермокане утопит», – пугала нас подружка.

Вот и долгожданные каникулы, наслаждаемся природой и свободой, отдыхаем кто где. Недели через две «сарафанное радио» ужасную новость принесло: «Любку Шевцову, задушил бывший зэк». Бегом к Ваське, выяснить обстановку, он уже подробную информацию собрал, поскольку жил на улице Щорса, значительно ближе к Ноль двенадцатой, чем я. Оказывается, в день отъезда Любаши к бабушке, эта мразь, сожитель Любиной матери, на работу не пошел, прикинулся больным. Мать с Любой попрощалась и ушла на работу. А эта недобитая скотина изнасиловал Любу, задушил ее, за-

копал в загоне для свиней, закидал кучей навоза. Спокойно спал и жрал у Любкиной матери. Примерно недели через полторы, после работы, мать пошла покормить свиней и загнать их на ночь в хлев. Когда она зашла в загон, увидела душераздирающую картину. Свиньи раскопали труп и частично обглодали его. Описывать картину, увиденного матерью, не стану и не потому, что не знаю, а потому, что хочу уберечь психику читателей. На открытом заседании суда все это в подробностях оглашалось, а мы с Васькой не пропустили ни одного заседания. Зал плакал, не стыдясь слабости, мужчины и мы, подростки, тайно смахивали слезы.

Когда эта тварь вышла посмотреть, почему долго не возвращается сожительница и, увидев растерзанный труп, все понял и бросился в бега. Любкина мать, убитая горем, успела на попутке добраться до милиции и рассказать о случившемся. Под ружье подняли все имеющиеся силовые структуры Чуны и вызвали из Тайшета взвод автоматчиков с овчарками. Прочесали все окрестности. Поймали беглеца в заброшенном карьере, километрах в пятнадцати от поселка.

Когда его доставляли на суд, от чёрного воронка до входа в клуб организовали заграждение из взвода солдат, чтобы это чудовище не разорвали своими руками жители, не дожидаясь суда. У многих в хозяйственных сумках были припасены бульжники возмездья. Учитывая бандеровское прошлое и содеянное с Любой, суд приговорил его к высшей мере наказания – расстрелу. И слава богу, что для таких мразей в те

годы была расстрельная статья. Это было мое первое потрясение на грешной земле.

Отцовские университеты

Отец наш был философ по своей природе. Поскольку родился он в 1931 году и в десять лет остался без отца, то хлебнул горя выше крыши. Он жизнь учил не по учебникам, а потому и в нашем воспитании придерживался строгих правил. Когда я сказал ему, что записался в секцию штанги, которую ведет директор школы, он только ухмыльнулся и сказал: «Завтра у нас выходной, так что с утра займемся разминкой перед секцией».

Утром отец заявил: «Надевай тренировочный костюм, пойдем на разминку. Инвентарь я приготовил, пока ты нежился в кровати».

Действительно, во дворе нас ждали новенькие, с высокими бортами, добротные сколоченные носилки. Я все понял, пошел корректировать гардероб. Достал кирзовые сапоги из-под лавки, намотал портянки поплотней. Взял рукавицы-верхонки для защиты ладоней от кровавых мозолей – и вперед. Отец уже нагрузил носилки прошлогодним навозом, с горкой. Раз, два, взяли! Картофельное поле соток пятнадцать. Гуляй, не хочу.

До обеда половину не унавозили. Пот градом, руки саднит, в коленках дрожь. Тренируйся бабка, тренируйся дедка... Вот это разминка! Хорошо мать пришла, к столу зовет. Рассупонился, зачерпнул ковш колодезной водицы и залпом

выпил. Маме сказал, что пойду полежу. Есть не хочется. Проснулся часа через три, мышцы болят, мозоли водянистые саднят. Перекусил. Вышел на крыльцо, смотрю отец с мамой разминаются. Оделся, пошел мать подменить. Закончили работу. Пацаны свистят, гулять зовут. Я им кричу, что уже нагулялся всласть, с меня хватит на сегодня! Поужинал и спать завалился. Завтра в школу.

Утром мать с трудом разбудила. Умылся. Мама миску наваристых щей поставила. Щи горяченьные, аппетитные, отрезал ломоть хлеба и покрошил его в миску, чтобы не обжигаться. Навернул миску тюри, организм ожил. Кровь разогрелась. Взял портфель и на улицу. Солнышко светит, птички поют, в животе тепло. Вдохнул полной грудью бальзамного воздуха, голова приятно закружилась. И жизнь хороша, и жить хорошо. Смотрю, соседка Нинка из параллельного класса в школу идет, она в середине улицы Пушкина жила. Ишь, коза, как вышагивает. Портфельчиком помахивает, бедрами покачивает. Цок, цок, цок по дорожке! Ну я те сейчас устрою, танцы на воде! Нашу улицу от Нового поселка, где школа стояла, перелесок отделял, шириной с полкилометра. Наперерез по тайной тропинке обгоняю ее, меня не заметно, кругом плотные кустарники. Сижу в засаде, в кустах у дороги. Идет, мурлычет песенки себе под нос. Выскакиваю из кустов. Визг! Закрывается портфелем. Сообразив, что это я, отпускает в мой адрес банальный комплимент:

– Дурак! Напугал!

Я, в свою очередь, парирую:

– Чего пугаться-то, я не Серый волк, да и ты не Красная шапочка!

Сквитались, идем, болтаем о пустяках. Вдруг она спрашивает:

– Ты чё, вчера навоз таскал?

Я, растерянно:

– А чё, пахнет?

– Да нет. Гулять вчера не пришел, ребята сказывали, что тебя батя эксплуатировал.

– А ну его, скорей бы школу закончить. Уеду в Братск, а лучше в Иркутск. Там Байкал. Устроюсь рыбаком.

– Ну и зря, рыбой пропахнешь.

– Рыбой, не навозом же!

– Хрен редьки не слаще. Я тоже после восьмого, как паспорт и аттестат получу, сразу слиняю из Чуны. Вчера полдня в подвале просидела. Руки как у Золушки, не отмыть. Картошку перебирали да ростки обламывали.

Вот и школа. «Пока, пока!» Разбежались по своим классам.

Беспокойная дворняжка

В конце августа поспела брусника. Отец Володи Полозова работал водителем на американском грузовике марки «Студебеккер». Предложил желающим из костромской диаспоры Нового поселка съездить на Зермокан за брусникой. Эти старые вырубki он обследовал ранее и высмотрел там огромный брусничник.

Рано утром в субботу народ собрался у грузовика. У каждого на спине огромный, ведра на три, горбовик, так называли кузовок из фанеры. В руках бельевые корзины из ивовых прутьев. «А чё мелочиться, чай в Сибири живем». Расселись на скамейках в кузове, поехали. Едем, а за машиной Вовкина дворняжка бежит, язык на сторону. Сорвалась с привязи. Решили, что устанет и вернется домой. До места километров тридцать. Студебеккер едет ходко, пыль столбом. Потеряли из виду собаку.

Приехали на место. Ягод видимо-невидимо. Крупная, спелая и сочная. Народ разбежался и давай доить. Кто руками, а кто комбайн захватил из дома. Вот и дно покрыло, такую ягоду и собирать приятно. Часа через три собрались перекусить. Кто-то крикнул: «Глядите, Найда прибежала!» И правда, бежит радостная, хвостом, как пропеллером, крутит. Подбежала к хозяину, облизала. Вовка сердитым голосом поругал её за необдуманный поступок, но потом, раздоб-

рившись, потрепал по загривку. Наивная, язык высунула, радостная, хвостом виляет, на передние лапы припадает и преданно в глаза хозяину заглядывает. Как бы взглядом отвечает Володе: «Ругай меня, сколько хочешь, а я без тебя жить не могу». Устала, улеглась в тени отдыхать. Пошли дальше наполнять кузова. Вдруг дымком потянуло. Опытные мужики забеспокоились. Ноздрями, словно крыльями зашевелили, принохиваются. Лесные пожары в это время года не редкость в Сибири. Ветер со стороны дороги. Мужики командуют двигаться к машине. Идем, нам навстречу дым сгущается. Повернули правее, в сторону болота. Женщины начали волноваться, жалобно причитают. Намочили из фляжек платки и нос ими прикрыли. Уже бежим. Вдалеке треск от пожара, стало слышно, как пламя пожирает верхушки сосен и вековых кедров. Мечемся в панике, ищем проход к дороге. Найда то убежит, то вернется, трется о Вовкину ногу. Дядя Паша воробей стрелянный, всю войну в танке прошел. Командует сыну: «Иди за Найдой, а мы вслед за тобой». Бежим, Найда в болото, и мы за ней. Вывела на дорогу.

Слава Богу! Спасены! Быстро в машину и домой. Найду в кузов на почетное место. Каждый норовит погладить, сует ей кусок недоеденной колбасы или сыра. Вот тебе и дворняга, маленькая собачка, но с большим сердцем!

Последний звонок

Прозвенел последний звонок! Ребята младших классов разъехались по пионерским лагерям и бабушкиным дачам. Здравствуй, лето! Счастливая пора для школьников. И только мы – восьмиклассники и десятиклассники – засели писать шпаргалки. Нам предстояло попотеть! Выпускные экзамены!

В это лето 1967 года отцу дали двухмесячный отпуск, положенный по КЗОТ, как работнику с вредными условиями труда. Моя семья собрала наряды и подарки для многочисленных родственников и укатила на родину в костромские просторы. Меня оставили на хозяйстве и готовиться к экзаменам. Мама предусмотрительно попросила соседку, тетю Ганю, присмотреть за коровой-кормилицей.

Свобода и погода пьянили мой не окрепший разум, хотелось петь, гулять, ходить в кино и на танцы. Но судьба в очередной раз взяла меня под локоток и настойчиво привела к дружку моему Юрке Петухову. Его мать была учительница младших классов, у нее учились мои сестренки. Узнав, что я один, она приложила все силы, чтобы я не отвлекал ее сыночка на всякие глупости. Забросив все прочие дела, принялась готовить нас к экзаменам. Ну и конечно, кормила и одновременно точила наши мозги о будущем образовании.

Кто же в 16 лет серьезно воспринимает старческие настав-

ления почти сорокалетних родителей? Однако от занятий не удавалось избавиться, к тому же в голове иногда проскальзывала предательская мыслишка, а что, если не сдать? Конечно, тогда сбудется отцовское напутствие пред отъездом в отпуск. Оно было сурово, как приговор – «не сдашь экзамены, пойдешь лес валить, нам молодежь нужна!» Я промолчал, но подумал – «ну уж фигушки, лучше вы к нам». На экзаменах с Юркой сели за одну парту. По математике я помогал ему, он подсказывал мне по русскому.

После сдачи экзаменов за восемь классов и получив свидетельство об образовании, возник вопрос: куда дальше? Мой дружок, одноклассник Юрка Петухов, мечтал поступить в мореходку в торговый флот. Он мечтал заработать много денег, сшить замшевый кошелек и набить его купюрами. Побывать в разных странах, закупить шмоток и, приехав на побывку в Чуну, снять ресторан, пригласить весь наш класс и удивить всех за его счет. Мечта его реализовалась, я к тому времени учился в Ленинграде, приехать не смог, но мой младший брат присутствовал вместо меня на том пиру и рассказывал с восхищением, как круто все было!

Юркины уговоры меня не убедили, он уехал в Благовещенск поступать в мореходное училище, я оставался в Чуне на распутье. В это время в Чуну приехал на каникулы брат Любы Кочетовой, которая дружила с моим дружком Колькой Усовым. У нас образовалась веселая компашка. Вечерние прогулки, танцы, походы в кино и т. п. Володя, брат Лю-

бы, окончил первый курс речного училища. Морская форма сидела на нем идеально! Блестели якоря и шевроны. Тельняшка манила взоры девочек. Гюйс шикарно окаймлял его загорелое лицо. А какая походка? Это было выше наших сил, и мы с Николаем собрали необходимые документы и заказными письмами отправили их в училище. Недели через три нам пришел ответ на гербовой бумаге с круглой печатью. Нам сообщали о зачислении в училище с 1 сентября 1967 г. Володя нас инструктировал, как добраться, как себя вести с окружающим народом, и прочие тонкости жизни вне родительского дома. Это было полезно. Сам Володя учился на моториста речных судов и после каникул проходил практику на пароходе до конца навигации.

Родители вернулись из Костромы. Я показал вызов в училище. Гербовая печать убедительно подействовала на отца. Он крякнул и сказал, что придется валить лес без молодого поколения. Мама запричитала: «Да на кого же ты нас?..» Отец резко оборвал ее причитания, сказав: «Не на войну, чай, провожаем, а ума набираться!»

Проводы на вокзале проходили оживленно. Коля выглядел как жених, в черном добротном костюме с большим чемоданом. Мой спортивный, выдавший виды лыжный костюм и спортивная сумка не гармонировали с ним. В царские времена меня бы приняли за денщика Николая. Слава Богу, прошли те времена. Уезжали мы втроем, с нами отбывала Колина подружка Люба (сестра Володи морячка). Она закон-

чила семь классов и собиралась в восьмой. Но любовь Любаши к Николаю была настолько велика, что, разругавшись вдребезги с родителями, она решила продолжать образование в Томске, и жить у тети. Тетя работала завучем в школе, куда и устроила Любашу. Кроме тети, там же, в Томске, жила семья её дяди. Ехали в плацкартном вагоне. Грудь распирало от чувства свободы! Болтали, шутили, веселились. Беззаботная юность, все впереди

Глава третья. На тропе романтики

Куда пойти, куда податься?

Романтика столь же необходима юным,
как сказки – детям.

И столь же необходима взрослым,
как детские болезни.

В те далекие семидесятые годы прошлого столетия при отсутствии Интернета и ограниченной сети информационных источников типа телевидения и радио особенно в населенных пунктах, удаленных от областных центров, сведения об учебных заведениях граждане Страны советов узнавали из специальных справочников об учебных заведениях в СССР. В этих толстых книгах сведения были сухими и скучными, и потому чаще всего абитуриенты выбирали будущую альма-матер благодаря сарафанному радио. Так случилось и со мной, нас с моим приятелем Николаем Усовым надумил поступить в речное училище в Томске брат Николаевой подруги Любаши. Володя, так звали Любкиного брата-морячка, там учился и приехал в Чуну к родителям на каникулы. Красивая форма речного флота и увлекательные рассказы Володи определили наш выбор учебного заведения после окончания восьмого класса.

В последних числах августа 1967 года мы с Николаем прибыли в речное училище первыми. Училище располагалось в затоне Самусь, в тридцати километрах от Томска. Мой приятель мой не выдержал испытания на чужбине и сбежал на следующий день домой к родителям. Я остался один в комнате, терпеливо дожидаясь моих сокурсников.

Постепенно стали прибывать мелкими группами будущие курсанты. Было интересно наблюдать как формируется наша группа. Парни прибывали со всех концов нашей необъятной Родины. Анатолий Саламатин из окрестностей Одессы, его избрали старостой группы и сразу приклеили прозвище Одесса, так и называли его до конца учебы, он не возражал и носил это звание с гордостью. Два землячка, Пётр Скопинов и Анатолий Урбанович, прибыли из солнечной Мордовии. Много ребят было с Алтайского края, один из них приехал из Горной Шории, из очень малочисленной этнической группы, внешне был похож на китайца, ему тоже припечатали прозвище Мао, так он, в конце концов, стал отзываться на присвоенное прозвище и никогда не обижался. Большая группа ребят прибыла из Кемеровской области из разных населенных пунктов.

Среди прибывших были интересные, оригинальные личности и даже встречались весьма экзотичные персоны. Вот об этих необычных представителях нашей группы я и продолжу своё повествование.

Тарзан и его шуточки

Как звали этого гиганта, прибывшего с Кузбасса из шахтерского городка, я уже не помню. Не запомнил, наверное, потому что, когда он протиснулся в дверной проем нашей комнаты в общежитии, и, заполнив ее своей фигурой на четверть объема (во всяком случае, нам с моим соседом по комнате, так показалось), мы сразу на свой страх и риск окрестили его Тарзаном. Ростом он был под два метра, сложен пропорционально, широк в плечах, довольно упитан. Как выяснилось позже, весил юноша почти сто пятьдесят килограммов. За время пути к месту назначения оброс щетиной цвета воронового крыла, которая покрывала значительную часть лица. Прическа была короткая, волосы того же цвета, что и щетина на лице.

Знакомство было весьма необычным. Мы, как кролики в берлоге у медведя, молча наблюдали за его движениями, не решаясь приступить с расспросами, которые обычно обрушивали на вновь прибывших. Тарзан, несмотря на его габариты и угрожающий внешний вид, оказался весьма подвижным, легок в движениях и, к нашему удивлению, компанейским парнем. Первым завел дружелюбный разговор. Занял свободную кровать у окна. Кровать была коротка для его роста, и он с легкостью выломал железные прутья панцирной кровати, освободив место для ног.

Одновременно с Тарзаном прибыл его земляк, полная противоположность гиганту. Его звали Володя, мелкий парнишка, чуть выше полутора метров, с серьёзным выражением на лице. Аккуратный и рассудительный малый. Держался он с достоинством без суеты, несмотря на свои габариты, особенно на фоне гиганта-земляка. Как водится, противоположности притягиваются друг к другу, так и в дружбе Тарзана и Володи наблюдалась полная идиллия. Володя занял кровать рядом с земляком. Теперь наша комната была укомплектована.

Кроме меня, четвертым жильцом был мой тезка Сашка Лукин, парень из Анжеро-Судженска. Красавцем его не назовёшь, но было в нем какая-то чертовщинка, за что любят юные девушки нашего брата. Весьма скрытная личность, вечно куда-то уходил, иногда с ночёвкой. Ему тоже дали прозвище Дон Жуан. Он слыл завоевателем девичьих сердец и не только сердец. Был случай, когда мы работали на полях подшефного совхоза на уборке картофеля, так Дон Жуан умудрился после полевых работ замутить роман одновременно с шестнадцатилетней школьницей и её тридцатипятилетней мамашей. На танцах он познакомился с юной особой, проводил ее до дома. Дом девушки находился в рабочем посёлке, километрах в семи от деревни, в которой мы работали и квартировались. Была ранняя осень, темнело рано, шел мелкий дождик, дорогу развезло, и его оставили ночевать. Мать юной Джульетты работала медицинской сестрой в пси-

хдиспансере, была не замужем. Накормив танцоров котлетами, заботливо принесенными из кухни лечебницы, дочурку мамаша отправила спать в детскую комнату, а жениха устроила на ночлег в своей светёлке, во избежание греха. Однако то, что считается грехом для дочурки, отнюдь не является грехом для молодой разведённой мамашы. Ночь была бурной! На следующий трудовой день производительность труда при сборке картофеля у Дон Жуана резко снизилась, и мы подтрунивали над ним по этому поводу. Особенно любопытные среди нас выпытывали подробности ночного похождения, он неохотно поделился, и мы, развесив уши, слушали его, удивлялись и тайно завидовали.

Вернувшись в училище после совхозных работ неутомимый бабник взялся за охмурение прекрасной половины женского населения. Самусьские девчонки парочками прохаживались под окнами нашей общаги, вызывая на прогулку сердцеда. Когда девчачьи возгласы надоедали нам, Тарзан открывал окно и, скорчив устрашающую физиономию, предлагал свою кандидатуру для прогулки вместо Дон Жуана. Возмутительницы спокойствия, как правило с возгласами возмущения, ретировались восвояси.

После уборки урожая, перед учебными занятиями нам устроили банный день, выдали новенькое бельё и обмундирование. Тарзану, с его габаритами, подобрать форменную одежду не удалось. Самый большой размер трещал по швам на его могучей фигуре. Пришлось шить на заказ. Нужно от-

дать ему должное, он честно на протяжении двух лет носил сшитую для него форму, вплоть до выпускных экзаменов, в отличие от нас. Мы носили форму (особенно на втором году учебы) только в необходимых случаях, то есть на занятиях в аудиториях и при общем построении. В свободное время предпочитали штатское, более демократичное и свободное облачение, типа свитеров.

Тарзан был парнем с юмором, вечно подшучивал над одноклассниками. Народ на его колкие шуточки не обижался, попробуй обижаться на полтора центнера живого веса, укомплектованного пудовыми кулаками-гирями. Вечером, после занятий, лёжа на кровати он любил читать газеты вслух. Особенно местные издания типа «Томские вести» или многотиражку «Речник», предпочитая раздел «Районные новости». Обязательно комментировал прочтённую статью. Его политинформацию собрались послушать курсанты из других комнат. Бывали жаркие дискуссии о событиях в мире, на речном флоте и, естественно, в нашем районе.

Однажды в комнате собрались завсегдаитаи. Володя принес из красного уголка свежие газеты и передал Тарзану. Тот, как обычно, с выражением начал читать передовые статьи «Комсомолки». Затем, отложив в сторону центральное издание, принялся за чтение районной многотиражки. Осветив трудовые подвиги передовиков района, перешел к чтению новостей. Прочтя несколько заметок, продолжал:

«Вчера в реке Томи, у дебаркадера, было обнаружено тело

молодой девушки. Тело истлело, но кое-что – цело. Патологоанатомы пытаются установить личность погибшей. Следственная группа приглашает молодых людей для опознания личности. За оказание помощи в опознании личности погибшей, установлено вознаграждение в размере пятидесяти рублей».

Тарзан, помолчав, аккуратно сложил газету, положил на тумбочку, затем с серьёзным выражением на лице многозначительно сказал: «Да! Вот она судьба-сука, крутит нами как ей вздумается. Жаль девчонку». Слушатели безмолвно моргали глазами, как бы соглашаясь с Тарзаном. Потом, не сговариваясь, почему-то, повернули головы в сторону дамского угодника. Дон Жуан под пристальными, вопросительными взглядами принялся судорожно трясти ногой и нервно ёрзать на кровати.

Тарзан, глядя в его сторону, серьёзно сказал: «Ну что, Санёк, попытай счастье, это по твоей части. Чем чёрт не шутит, вдруг опознаешь, ведь кое-что цело и пятьдесят рублей твои, такие деньжищи на дороге не валяются».

Сердцеед что-то невнятно промычал, достал из тумбочки пачку с сигаретами-гвоздиками «Дымок» и молча вышел из комнаты. Какое-то время все сидели молча, глядя в сторону Тарзана. Тот, в свою очередь, лыбился, с трудом сдерживая себя, чтобы не расхохотаться. Володя взял газету, бегло пробежался по разделу «Новости» и, не обнаружив последнего текста, принялся хохотать. Потом успокоился и изрёк: «Ну,

земля, разыграл комедию!» Народ сообразил в чём прикол и принялся дружно ржать. Когда Дон Жуан вернулся, ребята уже разбежались по своим комнатам, где продолжали хихикать над шуткой. Сашка взял газету и, просмотрев её, сообразил, что его разыграли. Бросив многотиражку, он выразительно постучал костяшками, сложенных в кулак пальцев по голове, глядя в сторону Тарзана, гневно выдавил из себя: «Клоун!» Тарзан дружелюбно улыбался, поглаживая себя по животу.

После новогодних каникул я переехал в другую, более спокойную комнату. Причиной переезда была моя учеба на вечернем отделении Новосибирского техникума. Мне требовалась более тихая обстановка для выполнения домашних заданий. Иногда я заходил на посиделки, чтобы расслабиться и от души посмеяться в кругу моих бывших соседей.

Спорщик

Мои наблюдения за многие годы жизни, позволяют сказать, что в каждом коллективе найдется индивидуум – спорщик. Особенно ярко они выделяются в юном возрасте. Один из таких представителей оказался и в речном училище, скажу больше – в нашей комнате общежития, в которую я переехал после новогодних каникул, покинув общество Тарзана.

Новый сосед спорил по поводу и без, ради интереса спортивного и материального, да и просто из любви к искусству. Спорил на деньги и сигареты, на лакомства из родительских посылок, в общем на все. Любимым блюдом у него был компот из сухофруктов, на него он делал ставки чаще всего, иногда выигрывал. Однажды он вынудил и меня на спор. Предметом спора стала банальная фраза из кинофильма «Фантомас», который демонстрировался в то время. Я высказал свою версию, он свою, как положено в таких случаях, спор разбил свидетель – наш сосед по комнате Сергей. Пришлось сходить на «Фантомаса» еще раз, оплатив билет свидетелю. В результате я проиграл свой компот и ждал случая, когда рассчитаться. На другие напитки, типа какао или кисель, спорщик не соглашался. Наконец в субботу на обед подали долгожданный напиток. Мы закончили есть второе, и я подвинул свой стакан с компотом Юрке. Сначала он расправился со своей порцией затем, довольный, подмигнув мне,

поднес к губам мой компот, но вдруг, как ужаленный, отдернул руку со стаканом от лица и поставил его на стол, возмущенно заявив, что в компоте муха. Показал стакан свидетелю спора. Сергей взял стакан, вилкой вытащил муху на свою тарелку, и вернул компот Юрке, со словами: «Пей, она же дохлая». Спорщик вскочил из-за стола и быстро удалился. Серега протянул мне свой стакан, взял себе проспороженный и безо всякой брезгливости опорожнил содержимое. Я отказался от его пожертвования, сказав, что спор должен быть по-честному. Серега громко расхохотался, взял с тарелки муху, положил в карман, сказав: «Хозяин – барин. Наше дело – предложить, а ваше – отказаться». Допил компот из своего стакана, крякнул с наслаждением, и мы пошли переваривать субботний обед.

По дороге я спросил его: «Слушай, Серый, зачем ты дохлаю муху в кармане носишь?» Он опять принялся хохотать, насмеявшись вдоль, сказал: «Это непростая муха, это японская мушка, на такую мушку мой батя хариусов на перекатах ловит, попросил выслать ему домой с десятков. Девять штук я ему отослал, а десятую на наживку оставил. Давно хотел спорщика Юрку на неё поймать, вот случай и представился». Теперь мы хохотали вдвоем до самого общежития.

Юрка лежал на кровати, отвернувшись к стене. Услышав наше веселье, не поворачиваясь, пробурчал недовольным тоном: «Чего ржете? Компот все равно за тобой!» Я огрызнулся в его сторону: «Твой компот остался в столовой, я к нему

не прикасался, спроси у свидетеля». Мы с Сергеем растянулись на кроватях, продолжая смеяться. Юрка встал, и, уходя, произнес: «А ну вас. Придурки!» Больше я с Юркой не спорил, а он, почему-то, к компоту охладел.

Улыбка Джоконды

В речное училище приехали четверо земляков из небольшого городка в Кемеровской области, Анжеро-Судженска. Двое из них имели проблемы с внешним видом, все лицо Архипова Феди было покрыто фурункулами. Очевидно, были проблемы с обменом веществ, так как врачи ничем не могли помочь, лицо его выглядело как жуткое месиво. Его земляк Валера Попов был маленького роста, пухленький и с постоянной улыбочкой, как у Джоконды на картине Леонардо да Винчи.

Как выяснилось, в детстве его лягнула лошадь, угодила копытом в лицо. Хирурги заштопали раны, с возрастом, швы зарубцевались удачно и стали не очень заметными, но перебитый нерв не восстановился. Проявились проблемы с выражением лица. Когда он был серьезен, физиономия обретала загадочную улыбку, но стоило ему улыбнуться от души, как окружающих охватывал ужас, особенно тех, кто был не знаком с ним. Верхняя губа у него, выворачивалась трубочкой прямо под нос, оголяя крупные зубы, со щелями между, как у юной Аллы Пугачёвой, и верхнюю десну. Нижняя губа начинала лихорадочно дергаться вверх и вниз. Описать реальную картину моего таланта недостаточно, это надо было видеть.

Зная свои особенности, Валера старался не улыбаться, и

тем более не смеяться. Земляков поселили в одной комнате. Среди них был любитель острых ощущений – Володя по кличке Бобик, фамилию не помню. Володя был живчиком, всюду совал свой нос, всегда задирался. Драться умел, этого у него не отнимешь. Если мы шли на танцы в соседнюю школу или клуб и в компании оказался Бобик, знай, без драки не обойдется. Еще у него было хобби: собирал вырезки из журналов, в основном портреты артисток, да и просто симпатичных девушек. Чемодан у него был обклеен смазливymi мордашками, как внутри, так и снаружи. Ему этого показалось мало, где-то достал лист ватмана, формата А0 и весь обклеил портретами в своем стиле. Там были певицы и артистки, и даже чемпионка мира по фигурному катанию среди одиночек в короткой балетной юбочке и на коньках. Всю эту красоту, он повесил вместо ковра на стену у своей кровати. У меня до сих пор хранится фотография этой девичьей мозаики.

Раз в месяц директор училища Василий Иосифович Гоздан (за глаза мы звали его Васька-сиплый, у него были проблемы с голосовыми связками) делал контрольный обход спальных корпусов. В его свиту входили иногда преподаватели. Однажды вечером, когда курсантам делать было нечего, такая комиссия ввалилась в комнату земляков. Все лежали на кроватях в полосатых тельняшках и травили анекдоты. Первым заметил высокую комиссию Бобик, вскочил с кровати, заправляя тельняшку внутрь флотских брюк. Осталь-

ные лениво поднимались, не зная, как себя держать в таком присутствии. Директор обвел комнату своим пронизательным взглядом и уставился на стенгазету, потом повернулся к Володе и спросил: «Твое искусство?» Володька кивком подтвердил и добавил: «А что? Посмотрите, кругом морды одна страшнее другой, так хотя бы на портреты девчонок посмотреть, настроение поднять». Директор не дал Бобику договорить и нервно приказал ему: «Пригласи старосту и комсорга».

Мы (я был комсорг) с Толей, старостой группы, вошли в комнату, вопросительно глядя на директора. Тот задает нам вопрос: «Вы видели эту порнографию?» Оба молча пожимали плечами, переступая с ноги на ногу, глядели то на картинку, которые на наш вкус даже на эротику не дотягивали, то на директора. Васька-сиплый продолжает: «Вы что здесь, рукоблудием занимаетесь?» Повернувшись в сторону Валеры, переключился на него: «А ты, чего лыбишься, словно Монна Лиза?» Валера не выдержал и непроизвольно сделал свою фирменную, настоящую улыбку. У директора медленно поползли брови вверх, а рот слегка приоткрылся. «Что с ним?» – окончательным осипшим, еле слышным голосом, спросил он Бобика. Тот не растерялся и говорит: «Когда Валеру ругают, у него припадочки начинаются, это с детства у него. Лошадь напугала». Валерку, от такой дерзкой речи дружка, действительно начало трясти от смеха. Директор резко направился на выход, бросив мне и старосте на ходу:

«Снимите это безобразие и вызовите срочно врача!» Мы рапортовали: «Есть! Не волнуйтесь, Василий Иосифович, всё будет исполнено!»

Глава четвёртая.

Ленинградская рапсодия

Легендарная 34-СД

В Ленинградском сварочно-машиностроительном техникуме, куда я поступил учиться в сентябре 1969 года, была сформирована специальная группа из выпускников средних школ и абитуриентов, сдавших вступительные экзамены в вуз, но не прошедших по конкурсу. Выпускникам средней школы надо было сдавать три экзамена. Абитуриентов, не прошедших по конкурсу в высшее учебное заведение, зачисляли без экзаменов, но при наличии справки вуза, в которой указывались баллы по сданным предметам.

На собеседовании у директора техникума Чикунова Александра Ивановича я выложил перед ним все мои бумаги об образовании: аттестат с отличием об окончании речного училища в Томске, академическую справку о завершении двух курсов Новосибирского речного техникума и справку из Кораблестроительного института о сданных вступительных экзаменах. Александр Иванович, просмотрев моё досье, пригласил заведующего учебной частью Сурина Клавдия Ивановича и спросил его куда определить меня. За-

вуч посчитал часы пройденных дисциплин в академической справке и предложил на выбор два варианта: либо на третий курс, сдав экзамен по металловедению или в экспериментальную группу без экзаменов. Подумав, я выбрал второй вариант. В дальнейшем убедился, что выбор был правильным.

Группе присвоили номер 34-СД, последние две буквы обозначали сварщики-десятиклассники. Состав группы заметно отличался от остальной массы учащихся, поступивших после восьмилетней школы. Выделялись мы не только внешним видом, но и интеллектом. Наша группа всегда занимала призовые места в различных конкурсах и соревнованиях. Да и отношение преподавателей к нам было на вы.

Учёба в техникуме резко отличалась от учёбы в речном училище. Там курсанты жили в общежитии единой семьёй двадцать четыре часа в сутки, девять месяцев в году. Каждый был на виду, о каждом было всё известно. В техникуме студенты общались только в процессе учебного дня, затем разбегались по своим квартирам, кто-то снимал угол, другие жили у своих родителей в Ленинграде, или его пригородах, поскольку техникум общежития не имел. В училище коллектив был исключительно мужской, в техникуме – пятьдесят на пятьдесят, юноши и девушки. Иногородних было процентов двадцать, потому содержать общежитие было не рентабельно.

Когда начался учебный процесс, и все собрались, в оче-

редной раз мне не удалось отсидеться в тени – на первом же собрании группы избрали старостой. Чем уж я провинился перед богом, не знаю, но почему-то в училище на первом же собрании избрали комсоргом, и вот опять всё повторилось. Время подтвердило, что так будет всегда. Комсоргом избрали Машу Мелконян, хотя-бы в этом мне повезло, уж лучше организационно-хозяйственными делами заниматься, нежели организационно идеологическими.

Учебный процесс шёл своим чередом. Преподавательский коллектив был подобран на высшем уровне. Многие из них ранее читали лекции в вузах. По учебнику нашего преподавателя, Думова Семёна Исааковича, «Электродуговая сварка» учились не только студенты профильных техникумов, но и институтов. А вот с преподавателем по «Контактной сварке» нам не повезло. Не помню, как его звали, он был такой аморфный, что трудно себе представить, как он устроился преподавателем. Одет неопрятно, брюки пузырями, пиджак покроя тридцатых годов, жёванный, цвет не определить. Внешне он был похож на Эльдара Рязанова, особенно когда тот играл роль участника собрания в собственной кинокомедии «Гараж», где проспал всё собрание, прислонившись к чучелу бегемота. В аудитории у нашего феномена чучела бегемота не было, но это не мешало ему дремать. Перед началом лекции он просил дежурного раздать каждому студенту, затёртый от времени картонный планшет с чертежом электрической схемы контактной сварочной установки и го-

ворил: «Держайте! На зачёте проверю ваше усердие». Электрические схемы – чёрт ногу сломит. Затем он усаживался удобнее в кресле и спокойно закрывал глаза, дремал до звонка. Упаси боже, потревожить его дурацким вопросом!

Однажды принципиальная Маша Мелконян, комсорг группы и стипендиат Ленинского комсомола, спросила: «Почему вы не объясняете нам выданные схемы?» Горе-лектор на полном серьёзе ответил: «А зачем? Всё равно вы ничего не поймёте, может быть, они вам вообще не пригодятся по жизни. На работе вас научат чему надо». На экзаменах он тоже дремал. Оценки ставил по принципу: кто меньше вопросов задавал, тому трояк обеспечен железно, можешь вообще ничего не отвечать. Четвёрки ставил редко, а пятёрки только тем, кто тушью переводил на кальку чертежи электрических схем контактных сварочных установок для его личных целей.

Наступил час расплаты – экзамены. Тюфяк, так мы окрестили его, Марьям припомнил, выслушал её подробный ответ по всем пунктам билета и задал дополнительный вопрос: «Как поведёт себя реле Р-18 при коротком замыкании сети?» Мария зависла, несмотря на то, что по его предмету выучила всё от корки до корки. Он взял зачетку и вклеил ей четвёрку. Другой бы радовался, а Маша рыдала от обиды. Кроме обиды был у неё и меркантильный интерес – стипендия Ленинского комсомола присуждалась раз в четыре года круглым отличникам, выполняющим общественные нагрузки и

составляла пятьдесят рублей в месяц. Для примера – повышенная, для остальных отличников, была двадцать пять, а простая, для прочих, двадцать рублей. Так что терять половину дохода Марьям не хотела и заявила парторгу техникума Степанову Вениамину Геннадьевичу, что готова в его присутствии пересдать злополучный предмет. Парторг пристыдил узурпатора, объяснив ему, что этой выходкой он испортит репутацию не только Маше, но и коллективу в целом. Против парторга не попрёшь, себе дороже. Слава богу предмет этот длился один семестр.

Куратором в группу назначили Александра Сергеевича Зеликсона. Он преподавал предмет «Автоматизация сборочно-сварочных работ». Ему было лет сорок пять, или немного больше. Личность оригинальная, занятия вёл интересно, внеклассной работой занимался увлечённо, постоянно организовывал творческие вечеринки с танцами и без таковых, старался сплотить разношёрстный коллектив группы. Это у него неплохо получалось.

Первая парочка – Николай Скобелев из Сестрорецка и Катя Шевченко из Гатчины – вступили в законный брак уже к концу первого года обучения. Мы шутили по этому поводу: «Парень с севера окольцевал девушку с юга».

Мы с Валентиной Фомичевой расписались спустя год. Так что вечеринки не прошли даром. Иногда эти посиделки превращались в дискуссионный клуб. Спорили о жизненных проблемах и казусах. Горячим спорщиком всегда выступал

мой вологодский друг Володя Павлов. Его даже в шутку прозвали Поперечной пилой, чтобы ему не сказали, он всегда норовил перечить оппоненту. На одном из подобных собраний кто-то по-доброму пошутил над вологодским произношением Володи. Дружок мой завелся не на шутку и с энтузиазмом принялся доказывать, что вологодская речь самая правильная. Как пишется, так и произносится, не то, что москвичи – пишут корова и произносят кАрова. Классный папа, так в своих студенческих кругах мы звали Зеликсона, с улыбкой ему парировал: «Володя, я должен тебя огорчить, самая правильная речь у Левитана. А прочие многочисленные наречия, вологодские, костромские, новгородские и другие диалекты используются непосредственно в тех регионах, где они культивировались веками». Володя не ожидал такого оборота и слегка завис. Я решил вмешаться в диалог и возразил: «На мой взгляд, Игорь Кирилов – эталон русского произношения». – «Вы правы, Александр, просто мы люди разных поколений, я вырос в эпоху радиовещания, а ваше поколение живёт в эпоху телевидения, поэтому у нас разные кумиры. Ваши дети и внуки будут жить в эпоху глобальной информационной сети. У них сформируется своё представление о родном языке, отличное от нашего. В прошлом году американцы провели эксперимент: компьютеры, находящиеся за пятьсот километров друг от друга, обменялись информацией. «Один на территории Стэндфордского университета, другой – в Калифорнийском университете в Лос-

Анджелесе», – сказал Александр Сергеевич, затем продолжал: – Тебе, Володя, да и всем вам, я бы рекомендовал больше читать книжек разных, не только технических. Технические обеспечат вам кусок хлеба, а вот прочие – для души. Советую почитать рассказы твоего земляка Гиляровского, очень занимательная проза. Больше читайте мемуаров, они хотя и скучные, суховатые бывают, но весьма полезные для развития ума и кругозора. Особенно занятно выбрать двух авторов одного периода жизни с противоположными взглядами. Из современников полезно почитать рассказы Солженицына в журнале «Новый мир» и в «Литературной газете». Для периода тех лет разговоры на подобные темы были смелым поступком со стороны куратора. Нам нравились его политинформации, и мы с интересом посещали эти не всегда трезвые вечеринки.

Было у нас одно мероприятие, в котором наш Классный папа не учувствовал. Двадцать третьего числа каждого месяца, в день выплаты стипендии, мы бронировали зал в пивном баре «Дубок», который размещался на противоположной стороне Измайловского проспекта, прямо напротив техникума. Группа в полном составе шла веселиться, испить пивка. Бар размещался в подвальном помещении, дневной свет пробивался сквозь узкие окна под потолком. Нас это не волновало, хватало света от низко висевших светильников-тарелок над длинным дубовым столом. В тесноте, да не в обиде, мы рассаживались плотно друг к другу на дубовых

скамьях вокруг стола, на котором красовалась батарея гра-
нёных кружек с пивом. Горячих закусок в баре не было. Со-
леные сушки, соленые ржаные сухарики, кусочки копчёной
скумбрии, сырная тарелка или замороженные чипсы – вот
и всё меню. Две последние закуски предпочитали девушки.
За стойкой бара звучала тихая музыка, но она была чисто
фоном и в начале застолья её еще слышно было, но после
третьей кружки пива, народ горячился, перебивая друг дру-
га, рассказывали анекдоты и всяческие небылицы. До тан-
цев и прочих щенячьих нежностей дело не доходило, пив-
ной бар – не место для любителей танцев. Выпитое количе-
ство пива не только ударяло по мозгам, но и давило на мо-
чевой пузырь. Для этих целей в баре был предусмотрен ори-
гинальный мужской туалет – длинный бетонный жёлоб в по-
лу вдоль всей стены, на которой кто-то из посетителей жир-
ным шрифтом начертил: «Сюда не зарастёт народная тро-
па – допей быстрее пиво и вернись сюда!» Кабинок с уни-
тазами не было, да и зачем, в бар не поесть ходят, а пивка
попить. Для девушек предусматривали пару закрытых каби-
нок. Посетительниц слабого пола не так уж много в подоб-
ных заведениях. Не каждая вытерпит обстановку подгуляв-
ших мужчин в сплошной дымовой завесе, сквозь которую
нередко услышишь крепкие выражения. Мы посещали бар
днём, рабочий класс ещё стоял у станка, потому среди по-
сетителей были в основном студенты близлежащих институ-
тов и обстановка была более культурная. Однако после тре-

тёй кружки уже начинались приколы антиподов. В нашей группе учился паренёк с улицы Шкапина, Володя Телешев. Странная личность, язвительный, пренебрежительно разговаривал, как с нами, так и с преподавателями. На красном потном лице блуждала ехидная улыбочка. Народ с ним общался неохотно, ожидая от него очередной колкости, но на пивные застолья он посещал регулярно. Первую половину сидел молча, набирал градус, посасывая пиво. Примерно после пятой порции, его тянуло на подвиги, и он порывался читать стихи собственного сочинения. Манерой исполнения косил под Маяковского. Помню отрывок из его творчества, звучал он приблизительно так:

В альма-матер наш красно-каменный

Набрали народец злопамятный.

Эх, послать бы вас к едрёной матери,

Что б вы нервы мои не тратили!

Дальше по тексту в таком же духе. Мой друг, Володя Павлов, на дух не переносил бредятину своего тёзки и обязательно вставлял ему шпильку. Начиналась словесная перепалка. Девушки с нежными натурами, как правило, исчезали до начала подобных баталий.

Но среди них была одна стойкая казачка Татьяна Маркова. Характер у неё был – ух, зашибу! Она уходила из бара с последними, самыми стойкими, ребятами. Должен же кто-то завтра рассказать, чем закончились перепалка, нежной половине группы.

В тот раз она поддержала Павлова, сказав Телешеву что-то язвительно-острое.

У Телешева на лице вспыхнул нездоровый румянец. Помолчав с минуту, поэт вытер пот носовым платком, вытащил из широких штанин очередную эпиграмму, касательно Татьяны:

Тебе, зубрилке сопромата,

Я с радостью дарю

Букет из гадостей и мата!

Татьяна, недолго думая, бумерангом парировала:

Садись Володя, не потей,

Допей скорее пиво и сходи отлей!

Подобное стихоблудие могло продолжаться долго, нам становилось скучно, и мы покидали питейное заведение.

На следующий год осенью пришли повестки из военкоматов мужской половине нашей группы, пора отдавать гражданский долг, послужить в Советской Армии. Нескольким из нас удалось получить отсрочку до окончания техникума, но семерым забрали лбы.

Мы провожали их с помпой, и было на столах вино и пиво, и были на глазах у девушек слёзы. Колю Скобелева тоже забрали в солдаты, а молодая его жена Катя, сидела весь вечер грустная и не отпускала рекрута ни на шаг от себя.

После ухода ребят в армию в группе первое время было грустно. Моего вологодского дружка Володю Павлова тоже забрали. С кем-то надо было общаться по интересам, не так-

то это просто, как кажется на первый взгляд. Ко мне пытался навязаться в друзья паренёк по фамилии Юлкин Юра, в группе его называли Юю. Мне он показался странным. Женоподобный тип, тонкий голосок, манерная речь с ужимками, охами и вздохами. Походка тоже женственная – мелкими шажками с вихлянием попой. Как-то раз мне довелось побывать у него на квартире, жил он на Васильевском острове, в коммунальной квартире у одинокой его тёти преклонных лет. Мы перекусили у него, чем бог послал и сели делать урок по начертательной геометрии. Для Юю этот предмет был недоступен, как созвездие Андромеды. Я сначала пытался объяснить ему порядок построения объёмных предметов в пространстве. Сидит, вздыхает, уставился на меня томными глазами и хлопает ресницами. Я не выдержал, плюнул в сердцах, рассчитал и начертил его задание, так было проще. Он в знак благодарности попытался погладить мою руку, типа «спасибо, дружок!» Я рос и воспитывался не в тактильной семье, и мне от его нежностей и ужимок стало до тошноты неприятно. Встал, собрав свои конспекты, пошёл к выходу. Он засеменял, провожая меня, и продолжал клянчить, чтобы я остался поболтать пару часиков. Я безапелляционно заявил, что живу далеко и мне пора восвояси. Осадок от общения был неприятный. В то время я мало что знал о метаморфозах гомосексуальных личностей. Слышал о них отрывочные сведения. В училище таких пренебрежительно называли педерастами. Я считал, что это явление культиви-

руется только в тюремных обществах. Выходя из подъезда его дома, я громко выругался, произнося в адрес моего однокурсника позорное слово: «Педераст!», – и быстрыми шагами пошёл к остановке трамвая. Проходивший мимо мужчина, оглянулся на меня с вопрошающим взглядом, я крикнул ему: «Это не про вас, товарищ! Идите спокойно к намеченной цели». Мужчина огрызнулся: «То-то, а то смотри у меня!»

После этой встречи я избегал общения с Юю. К слову сказать, долго он не задержался в техникуме. Провалив три важных экзамена: по сопромату, начертательной геометрии и деталям машин, он был отчислен за неуспеваемость. Дальнейшая его судьба мне не известна.

Как-то много лет спустя смотрел по телевидению ток-шоу и услышал знакомый голос, пригляделся внимательней на экран. Журналист Сергей Соседов задавал вопрос кому-то из участников шоу. Я поразился – журналист внешним сходством, голосом и манерами – он был точная копия Юю. «Вот так двойник!» – подумал я.

После весеннего призыва 1970 года мужская половина резко сократилась, но в группу постепенно стали приходить ребята, отслужившие в армии. Первым пришёл Родичев Саша, за ним Иванов Валера. Они с трудом вписывались в сложившийся коллектив. Особенно трудно было найти контакт с Валерой, как-то подозрительно-скромно он вёл себя ввремя наших вечеринок.

В конце концов, с другом я определился, им стал Толя Шестаков из города Чудово Новгородской области. Это где-то между Ленинградом и Москвой. Городок имел большое сходство с Чуной, численность населения примерно пятнадцать тысяч в обоих, и градообразующие предприятия похожи. В Чудово – спичечная фабрика, у нас в Чуне – деревообрабатывающий комбинат. Да и названия похожие. Наши интересы тоже совпадали: Толик занимался лёгкой атлетикой, я бегал кроссы.

Толя серьёзно тренировался бегом на спринтерских дистанциях, имел первый взрослый разряд. Он познакомил меня с его тренером, после собеседования он рекомендовал продолжать совершенствоваться на средних и длинных дистанциях, километровые и трехкилометровые. В манеже под руководством теперь общего нашего тренера я значительно улучшил свои результаты и уже на следующий год весной выступал за сборную команду техникума, а позднее и в городских соревнованиях за Ленинский район.

Преподавателем физкультуры у нас в техникуме был Амиров Александр Шахназарович. Известный в городе человек, заслуженный учитель, мастер спорта по борьбе самбо, тренер женской сборной Ленинграда по баскетболу, бронзовый медалист чемпионата СССР, заслуженный тренер России по борьбе самбо. В спортзале держал нас всегда в тонусе. Слабаки его не любили, он заставлял парней отжиматься от пола по пятнадцать раз. Не каждому это удавалось, он считал

это всё от лени, и того, кто не выполнял этой нормы, или халтурил, прогибая живот до пола, со всего размаха ударял теннисным мячом по мягкому месту. Место хоть и мягкое, но чувствительное. «Непедагогично», – скажете вы, может быть, но результат был налицо. Кто отжимался более пятнадцати раз, ставил в журнал отлично, кто менее десяти раз, тому двойку. Я некоторое время занимался у него в секции баскетбола.

После развала Советского Союза нувориши обанкротили завод подъёмно-транспортного оборудования (ПТО им. Кирова). Завод размещался на Обводном канале, между Балтийским и Варшавским вокзалами, местечко лакомое. Этот завод был базовым предприятием для сварочно-машиностроительного техникума.

После банкротства завода в 1992 году закрылся и техникум. Амиров сумел сохранить здание на Измайловском проспекте дом 27, перепрофилировав его под спортивный колледж.

За полвека тренерской карьеры Александр Амиров вырастил более двадцати мастеров спорта, а секретов тренировочного процесса накопил столько, что едва смог уместить на книжных страницах. «Приводя себя в движение» – это нелегкий путь до звания мастера спорта Советского Союза, ласкового прозвища дядя Шура и даже история о бронзовых медалях первенства России по баскетболу среди женских ко-

МАНД.

Орден за услуги

После окончания техникума стоял вопрос о дальнейшем образовании. Выбор институтов в Ленинграде был огромный. Только по моей базовой специальности три института: Кораблестроительный, Ленинградский политехнический институт имени М. И. Калинина и Северо-западный заочный политехнический институт (СЗПИ). Садиться за парту вместе с выпускниками школ желание отсутствовало, надо было зарабатывать на жизнь. Поэтому оставался выбор только из институтов, имеющих вечернюю форму обучения, без отрыва от производства. Все три упомянутых выше института имели вечернюю форму обучения. Политех им. Калинина был расположен очень далеко от дома и работы, Карабелка (ЛКИ) рядом, но специализация на факультете далека от танкостроительной, которая была на моей работе. Всё складывалось в пользу СЗПИ. Первый год работы после окончания техникума был занят длительными командировками на Уралвагонзавод в Нижнем Тагиле, поэтому поступление в вуз пришлось отложить до следующего 1973 года.

На следующий год, собрав документы, я приехал в приемную комиссию на улицу Халтурина (ныне Миллионная), дом 5. Там ознакомились с моими дипломами, характеристиками и сказали, что мне, обладателю красного диплома техникума, надо сдать только два экзамена из четырёх. Сочине-

ние и любой из трёх оставшихся, на мой выбор. Я, разумеется, выбрал математику. Девушка это отметила в своём журнале и рекомендовала записаться на подготовительные курсы: «Школу закончили вы давненько, многое подзабыли, а на курсах вас будут натаскивать по экзаменационным билетам прошлого года, но это неважно, суть та же, только в другой обёртке». Совет дельный, подумал я и записался.

Подготовительные курсы размещались в школе по улице Антоненко, в трех шагах от Мариинского дворца, где размещался Ленгорсовет, то есть исполнительная власть города (ныне Законодательное собрание Санкт-Петербурга). Поскольку мне предстояло сдавать два предмета, то я посещал курсы два раза в неделю. Свободного времени было достаточно, я записался на платные курсы английского языка, которые проводились в доме культуры им. К. Маркса у Варшавского вокзала, в шаговой доступности от моего дома. Английским решил заняться чисто для общего развития. В перспективе рассчитывал заняться написанием и защитой кандидатской диссертации по специальности, для чего выписал журнал «Сварка» на английском языке. Купил в Гостином дворе набор пластинок и пособие по изучению английского под редакцией Р. Диксона. Он же и озвучивал уроки на пластинках. Преподавателем был мужчина лет сорока, закончивший факультет военных переводчиков, фанат группы «Битлз». Каждое занятие начиналось с прослушивания знаменитого шлягера «Let it be». Многому он нас не научил, но

произношение поставил грамотно. Много лет спустя, когда я занялся английским более серьёзно и по работе общался с коллегами из англоязычных стран, они по этому поводу делали мне комплементы.

До экзаменов было ещё далеко, в нашем отделе № 4 была корпоративная вечеринка по поводу Международного женского дня (8 Марта). Торжество проходило в ресторане «Тройка» на Загородном проспекте, не далеко от Пяти угло».

В разгаре веселья, когда «Рислинг» играл в крови, мы с Тамарой Золотарь, коллегой из нашей группы, танцевали танго и беседовали под звуки оркестра. Она поинтересовалась, чем я занимаю свободное время после работы. Я решил выпендриться и ответил по-английски, что посещаю курсы английского. Она вздернула удивлённо брови и спросила: «Ты шутишь, зачем тебе английский в нашей особо режимной конторе? Он тебе никогда не пригодится!» Я не стал объяснять ей, что выписал на Главпочтамте американский журнал «Сварка» (Welding Journal) и собираюсь читать его в подлиннике. С серьёзной миной начал плести кружева, что хочу поступать в МГИМО (Московский институт международных отношений). Тамара так и ахнула, услышав мой лукавый ответ. Тогда ещё не употребляли американское «вау!». Хотя её возглас по смыслу означал то же самое удивление. Она растерянно спросила: «А кто же будет оформлять стенгазету?» Помолчав, с грустью добавила: «И Новый год без

Снегурочки будет скучным...» Была такая глупость в моей биографии: на новогодней вечеринке в отделе я нарядилась Снегурочкой, наругав щеки, Людмила Букина сплела для меня косу до поясницы, толщиной с руку, из льняных жгутов для сшивания документации. Костюмы нам одолжил подшефный детский сад. В результате получилась не просто Снегурочка, а дивный персик! Деда Мороза играла Татьяна Родина, её тоже разукрасили соответственно роли. Бороду и усы смастерили из той же бечёвки, что и косу. Росточком Дед Мороз – метр с кепкой рядом со Снегурочкой, ростом метр восемьдесят три, парочка выглядела – ой, не развяжись-ка мой пупок! Всё-таки главный прикол состоял из экспромтов, в виде шуточек-прибауточек или эпиграмм на сотрудников отдела. Особенно уморительно звучали производственные эпизоды в юморной упаковке. Суть их всем была известна, а посмеяться над сослуживцем – милое дело.

Сценки мы с Татьяной репетировали тайно в актовом зале. Никто не ожидал от нас такой прыти, знала только Люда Буки, она выступала в роли ведущей. Вечер удался, народ держался за животы от смеха. Валентина Васильевна Заводова от смеха начала икать, она была весьма впечатлительной женщиной. Долго сотрудники четвёртого отдела вспоминали Новый 1973 год.

На следующий день после торжества в ресторане «Тройка» неугомонная Тамара по большому секрету рассказала подружке новость о моём поступлении в МГИМО. У её по-

дружки тоже были доверительные приятельницы и полетела тайна по всему секретному институту. Дошли слухи и до начальника отдела Стефана Никитича Мартыновского. Он прикинул в уме, что может потерять перспективного сотрудника, и поручил своему заместителю Честновой Татьяне Михайловне предпринять все необходимые меры для предотвращения необдуманного поступка молодым специалистом.

Несколькими днями позже в обеденный перерыв я, как и все сотрудники, пошёл перекусить. Собственной столовой в главном офисе на Невском проспекте, 70 не было, ходили в близлежащие пельменные, сосисочные, блинные и прочие закусочные, каковых на Невском было достаточно. В этот раз я решил подкрепиться сосисками с яичницей на углу улицы Рубинштейна и Невского проспекта. Встал в очередь, заказал яичницу-глазунью из трех яиц и три сосиски, ну и конечно какао с пончиками. Меня в кафе знали, и повар спросила: «Как обычно?», что означало, что желток должен быть жидким наполовину. Я подтвердил кивком и пошёл искать свободное место. Увидел – в углу кафе засобирались две девушки, убирая за собой использованную посуду. Не дожидаясь, когда уборщица вытрет стол, быстренько занял место. Повариха сообщила: «Яичница из трёх готова!» Я забрал фирменное блюдо и начал наводить порядок на столе. Решил начать с сосисок, только ткнул сосиску в бок вилкой, как услышал знакомый голос: «Саша, я могу с вами трапезничать?» Поднимаю глаза, мать честная!

Татьяна Михайловна собственной персоной. Ну, думаю: «Обед накрылся медным тазом!» Утвердительно отвечаю: «Конечно, Татьяна Михайловна, присаживайтесь пожалуйста». Сам же скоренько перекладываю вилку из правой руки в левую, а нож беру в правую, как учила нас преподаватель эстетического воспитания в речном училище.

Татьяна Михайловна заказала обед скромнее – сырники со сметаной и кофе со сливками. Сидим беседуем на нейтральные темы, о погоде, о природе, глянь со стороны – ну вылитые англичане. Ножом отрезаю небольшой кусочек сосиски, отправляю в рот и медленно, с закрытым ртом, тщательно пережёвываю содержимое, а сам про себя думаю: «Как же я буду с этой жидко-желтковой яичницей справляться? Не оставлять же её несъеденной! Сидел бы сейчас с какой ни будь незнакомой тёткой, давно бы всё уплёл и какао пил, закусывая пончиками». Но делать нечего, сосиски приговорил,двигаю тарелку с трёхглазой возмутительницей спокойствия к себе поближе. Начинаю потихоньку отрезать твердые фракции белка и отправлять в рот. Обкорнал одно яйцо как мог, чтобы жидкую серединку разом в рот, и баста. Аккуратно подцепил на вилку, и так же бережно поднёс к раскрытому рту. В этот ответственный момент Татьяна Михайловна вкрадчивым голосом задаёт мне вопрос: «Саша, а какие у вас планы на будущее?» От такого вопроса моя левая рука дрогнула, и по закону бутерброда яичница с вилки соскользнула и, перевернувшись в полёте, смачно шлёпнулась

на своих подружек в тарелке. Жидкое на жидкое – брызги в сторону! На белоснежной кофточке Татьяны Михайловны появлюсь пятно размером с трёхкопеечную монету. Минута молчания. Начинаю извиняться. Потерпевшая достала из дамской сумочки бумажную салфетку (в кафе того времени салфеток на столах не полагалось), удалила, как могла, кляксу, затем, посыпав пятно солью, сказала: «Ничего страшного, в химчистке справятся, не обращай внимания и расправляйся с коварным блюдом, как тебе привычнее, мы не на приёме у английской королевы». «Мудрые слова», – подумал я и, взяв вилку в правую руку, быстренько разделался с остатками яичницы. Она в это время сняла брошку, скрепляющую воротник кофточки, и украшением прикрыла пятно. «Недурно, – отметил я для себя, – вот вам и орден на грудь, за удачно проведенную операцию».

Разговор на этом не закончился, не дождавшись моего ответа о планах на будущее, она выдала мне следующий монолог: «Ходят слухи, что вы собираетесь поступать в МГИМО. Мой вам совет: выбросите эту идею из головы. Вы просто потратите зря время, во-первых, без крутых связей туда не надеетесь поступить, даже не всякому выпускнику-медалисту выпадает это счастье. Учатся там, в основном, дети, чьи родители трудятся в дипломатическом корпусе. Во-вторых, если каким-то чудом вам удастся поступить и даже получить диплом этого престижного вуза, можете не надеяться, что вас пошлют на работу в США, Англию или Францию. Этих

мест ждут десятилетиями особо приближенные выпускники. Мой зять закончил это заведение, его отправили на три года в Монголию, а затем уже пять лет дышит африканским зноем. Вам это надо?» Я попытался успокоить Татьяну Михайловну, сказав, что слухи беспочвенные, просто на веселее разыграл Тамару Золотарь и больше ничего. Татьяна Михайловна недоверчиво спросила: «А курсы английского?» На что я рассмеялся и объяснил, что выписываю журнал «Сварка» на английском языке, и вообще уже сдал документы в СЗПИ и хожу по вечерам на подготовительные курсы. Она облегченно вздохнула, посмотрев на часики в золотом корпусе, и с лукавой улыбкой сказала: «Ох, и всыплет нам Стефан Никитич! Мы уже на полчаса задержались после обеда». Сама же выглядела довольной, несмотря на испорченную кофточку, всё же выполнила поручение шефа.

После такого разворота дел, в знак примирения шеф направил меня на месячные курсы повышения квалификации в Институт сварки им. Академика Патона в Киев. «Значит, шутить иногда полезно?» – собирая чемодан в командировку, подумал я.

В институт я поступил в 1973 году, успешно сдав экзамены, благодаря подготовительным курсам. Как-то встретил в коридоре института моего однокашника по техникуму Валеру Иванова. Оказалось, он поступил годом раньше, сразу после окончания техникума. Работал на кораблестроительном заводе «Северные верфи» в лаборатории сварки.

В техникуме мы общались с ним редко, он всегда ходил задумчивый, в компании сидел молчком, как говорится в народе – себе на уме. Потому разговор не клеился. Теперь в Политехе мы изредка встречались в перерывах при переходе из аудитории в аудиторию, кивали друг другу и не более. Встретились с ним последний раз в декабре 1978 года на защите дипломов. Я экстерном сдал зачеты и экзамены по всем предметам и, сэкономив год, догнал моего коллегу по группе 34-СД. Благополучно сдав государственный экзамен и защитив дипломную работу на отлично, получил диплом инженера-механика. Он тоже с гордостью держал в руках новенький диплом инженера, предусмотрительно открыл с лацкана пиджака поплавков выпускника ЛСМТ и приколот на его место вузовский эмалированный ромбик. В этот торжественный день он был более разговорчивым и даже похвастался, что его уже назначили начальником лаборатории сварочных работ. Я поздравил его сразу с двумя событиями и предложил обмыть дипломы, опустив в стакан с водкой нагрудный знак отличия высшего учебного отделения. Он согласился, но сразу же предупредил, что водку не употребляет и готов обмыть в шампанском. Ну что же, пойдём погусарим! В рюмочной мы взяли по бокалу шампанского и шоколадку, опустили эмалированные ромбики в бокалы, звонко чокнулись и выпали сладковатую шипучку. Поболтав минут десять, я сказал Валере: «Ты, как знаешь, а я коньячком свой диплом сполосну. Он того стоит!» Товарищ Иванов, поду-

мал и сказал: «Давай, ты прав, не каждый день дипломы получаем». Коньячок под шашлычок пошёл гораздо приятнее и разговор из ручейка превращался в бурную речку. Я тоже похвастался, что уже год как руковожу группой проектировщиков. Так вот, оказывается, где скрывался ключик к сердцу скованного человека! Веселые и довольные мы шли на остановку трамвая номер два. На улице зима, а у нас на душе – ласковый май!

Вишенка на торте

Полученные навыки по рисованию в школьном кружке пригодились в дальнейшей жизни. В речном училище оформлял стенгазеты и дембельские фотоальбомы, в техникуме четырехцветной, шариковой ручкой творил чудеса, оформляя конспекты лекций, сопровождая их наглядными рисунками и схемами. Куратор группы А. С. Зеликсон частенько демонстрировал мой конспект в других группах.

Когда пришел работать в проектный институт, мои склонности к искусству сразу же вычислили. А было это так: в нашей группе работала выпускница Политеха, Тамара Золотарь, она просила каждого вновь прибывшего сотрудника нарисовать для ее коллекции лягушку. Не знаю точно, с какой целью Тома это делала, то ли для определения характера новичка, то ли выясняла его художественные способности, тайна осталась за семью замками. В её коллекции было несколько десятков рисунков этих бесхвостых земноводных красавиц. Получив от меня придурковато-пучеглазого лягушонка, она громко на весь отдел объявила: «Теперь я точно знаю, кто будет оформлять нашу отдельческую стенгазету!» Отшутиться от первого общественного поручения не удалось, и я на протяжении пяти лет с лёгкой руки Тамары занимался общественно-полезным творчеством. Объявления и стенды с информацией, праздничные оформления отдела к Новому

году, Международному женскому дню (8 Марта), Седьмому ноября, все это было в зоне моих обязанностей. Народ платил благодарным восхищением, и я с удовольствием этим занимался.

Случались и казусы, связанные с моим искусством. Один из них хорошо помню. В годы застоя вся страна наблюдала за стремительным движением к победе нашей сборной команды по хоккею. «Красная машина», так называли нашу сборную канадцы и американцы, громила всех, не обращая внимания на авторитеты. Во время матчей город был пуст, да что там город, вся страна от Калининграда до Владивостока после рабочего дня стремились скорее к телевизору. В трудовых коллективах разговоры только о хоккее. Даже в нашей семье равнодушная к спорту теща Павла Дмитриевна знала всех игроков по фамилии. В один из таких турниров сделал таблицу результатов чемпионата мира по хоккею. Слева по вертикали перечислил все команды-участницы и в верхней графе, по горизонтали, то же самое. Получилась решётка с пустыми окнами, в которых проставлялись результаты игры. Например, выбираем команду СССР по вертикали и при совмещении команды Канады по горизонтали, в совмещенном окне ставим результат. Счёт забитых и пропущенных шайб в таблице рисовал тот, кто первым приходил на работу. В то памятное утро первым пришёл Сашка Виноградов. Он достал фирменный «Паркер» с золотым пером, поставил счёт в окне «СССР – Швеция», и, улыбаясь, закрутил колпачок

подарочной авторучки и сел на рабочее место. Сотрудники постепенно появлялись и подходили сразу к таблице. Когда я пришёл в отдел, у таблицы стояло человек десять, они громко смеялись, что-то обсуждали. Подхожу к ним, смотрю в таблицу, о ужас! В горизонтальной шапке таблицы, в графе Швеция написано «Шфеция», кавычки синими чернилами нарисовал тёзка. Я снял ватман, достал гуашь, выбрал подходящее перо «Рондо» и решал, как бы изящнее исправить огрехи. Народ забеспокоился моими действиями, принялся выяснять, что же я собираюсь сделать? Пришлось объяснить, что хочу подправить опечатку. Все наперебой стали возмущаться, мол, никакая вовсе не опечатка, а так задумано. Кто-то даже сострил: «Отсель грозить мы будем шведу, на зло надменному соседу». Подошёл Виноградов и заявил: «Сая, не порти кайф, все скандинавы по-русски произносят это слово именно так. При наличии кавычек буква Ф смотрится как вишенка на торте!» Под напором хоккейных фанатов пришлось повесить таблицу на прежнее место без исправлений. Волнение не стихало, обсуждали эпизоды вчерашней игры. Всюду звучало: «Наши вырвали победу на последней минуте, со счётом 3: 2 надрали шведам холки!» Сарафанное радио разнесло прикол по институту, и некоторые любопытные из смежных отделов приходили посмотреть вишенку на торте.

Чай по-татарски

Группа специалистов проектного института в июле 1975 года вылетела в Волгоград. Цель командировки – разработка проекта цеха по производству специальных изделий для оборонной промышленности на заводе «Баррикады». Команда из одиннадцати человек под руководством главного инженера проекта Раздобрева Андрея Федоровича. С нашего четвертого отдела трое. Я – старший инженер по сварочным работам (самый младший, двадцать четыре года), Гизатуллин Абрек Зенатович – (тридцати четырех лет), руководитель бригады по окрасочным работам и Шеховцев Николай Николаевич – (сорока четырех лет от роду), главный специалист по сборочно-монтажным работам.

Разместили в центральной гостинице «Волгоград». Нас троих – в трехместный номер. Ребят из третьего и пятого отделов – в четырехместный. С нами были три женщины, им тоже дали трехместный номер. Андрей Федорович поехал на заводскую квартиру, рядом с проходной завода. От центра города до завода ходил скоростной трамвай. Езды минут сорок. Нормально, бывало и хуже. Работали на площадях нашего филиала, который размещался на территории завода. Тоже удобно, чайком угостят, помогут, чем богаты. Так-что работа шла продуктивно.

Выходной день, завод не работает. По привычке просну-

лись как обычно, сначала утренний моцион. Спускаемся в буфет, взяли по полстакана сметаны, яичницу-глазунью и какао. Обсуждаем за завтраком, чем бы заняться. Абрек сразу сказал: «Я интересную книгу захватил с собой, буду читать. Город я весь протопал в прошлые командировки». Мы переглянулись с Ник-Ник (так мы звали Николая Николаевича в неофициальной обстановке). Я предложил прогуляться по набережной Волги. Николай сомневался, пожимал плечами. Абрек насаждает на него: «Коля, сходи, по Волге на теплоходе прокатитесь. Пивка попьете». Ключевая фраза «пивка попьете» рассеяла Колины сомнения. Идем в номер, собираемся. Легкие костюмы и хорошее настроение, вот и все сборы. Я в те годы увлекался рисунком. Беру блокнот для эскизов и карандаш чешской фирмы Koh-I-Noor 3M с резинкой на конце. Фотоаппарат на шею – и вперёд.

Идем по набережной, свежим ветерком с реки обдувает. Красота! Теплоходы у причала, шныряют рыбаки на моторных лодках. Подходим к пристани, открытое кафе, мужики пивком балуются, воблу шелушат. Коля подобрел, слюной давится. Взяли по большой кружке и по вобле. Пиво пенистое, прохладное, неразбавленное, что редко встретишь. Сидим, пьем пиво, на душе невесомость. Спрашиваю Николая: «Ну как, по воде или по суше продолжим нашу экскурсию?» Коля говорит, что ему все равно. Пошли по указателям к знаменитому дому Павлова. Потоптались вокруг развалин. Из школьных учебников истории знакомо все до слез. Идем

в сторону Мамаева кургана, Родину-мать смотреть. Высо-
ченная, наверное, из Берлина видно? Пусть помнят потом-
ки Сталинградскую битву. Поднялись на площадку с вечным
огнем, пионеры несут почетное дежурство. Алые галстуки
ветер колышет, лица юные, но серьёзные – трогательно! Вхо-
дим внутрь музейного комплекса. Звучит тихая скорбная
мелодия. Мурашки по спине. На плитах из полированного
гранита золотыми буквами высечены имена погибших за-
щитников Сталинграда. Сколько их здесь похоронено? А
сколько детей сиротами, а жен вдовами остались? А горя ма-
теринского и отцовского, никакой меркой не измерить. Нет,
пусть, чтобы ни говорили доморощенные либералы, а памят-
ники, подобные этому, должны стоять.

Присели на скамейку, Ник-Ник портсигар достал, заку-
рил. Я блокнотик вытащил и карандаш. Карандашом в вытя-
нутой руке определяю пропорции скульптуры. Высота, ши-
рина, углы положения рук и меча возмездия. Как в кружке
рисования учили. Коля кольца дыма пускает, как паровоз.
Курилка, блин! Я контрольные точки отметил, оси размечаю.
Уж очень ракурс понравился, на открытках такого не встре-
чал. Может для оформления стенгазеты в отделе пригодит-
ся? Сижу, рисую, Николай молчит, думу думает, следящую
сигарету разминает. Я уже и детали прорисовал, тени нало-
жил, пальцем растушёвываю штриховку для ровности. Ко-
ля ноль внимания, даже не взглянул на мои старания. Даже
обидно стало.

Показываю ему и спрашиваю: «Ну как?» Коля смотрит то в блокнот, то на монумент и выдавливая из себя: «Знаешь, Саша, я с искусством не дружу. Ну а так, в принципе похоже». «Ах, ты, валенок казенный!» – возмущаюсь про себя. Жену себе из Горького привез, пианистку, в Кировском театре служит. С искусством он, видите ли, не дружит! Удивляюсь, как такой тюфяк умудрился охмурить девушку. Посмотреть не на что, грудь впалая, зато спина колесом. Прокурен насквозь, пальцы и зубы жёлтые от табака.

Идем на остановку трамвая, движемся в сторону гостиницы. Молчим, каждый о своем думает. Я, заведённый Колиным безразличием, Абрека вспомнил. Вот, думаю, тот не такой варёный, знает, чего от жизни хочет. Жена – блондинка, красавица писанная, двое сыновей, школьники. Абрек в школу на родительские собрания всегда сам ходит. Вещи для детей и даже жене покупает. И вообще – порядок в семье и на работе. Попробуй с ним поспорить, всегда верх возьмёт. Один только маленький недостаток – бабник, каких не сыскать. Ни одной юбки не пропустит. И жалоб в профком на него по этому поводу нет.

Приехали, попросили у администратора ключи от комнаты, разводит руками, нет на месте. Значит Абрек роман дочитывает. Поднимаемся на свой этаж, ручку двери дергаем, закрыто. «Уснул, наверное», – объясняет Коля. Слышим, засуетились, женский шепоток доносится из-за двери. Переглянулись и тихонько удалились, сели на подоконник, ждем

развязки.

Минут через пять ключ в двери повернулся, выплывает. Фу-ты, ну-ты! Галина из сектора оборудования. Кофточку застегивает, прическу поправляет. Щеки горят, глаза блестят. Мимо нас идет, ресницами хлопает, каблучками цокает и шмыг к себе в номер.

Идем к себе. Абрек в спортивном костюме, лицо красное, хоть прикуривай. Следов разврата не наблюдается, все успели в порядок привести. Как ни в чем не бывало спрашивает: «Ну как погуляли?» Коля буркнул: «Устали, как черти, надо душ принять». Удалился в ванную комнату. Абрек по комнате ходит, вроде как бы оправдывается. «Ну баба, ну огонь! Правда на жизнь жалуется. Муж бросил, детей нет, подруги в семейных делах погрязли. Молодость уходит, в этом году тридцатник стукнет, хоть на стенку полезай от такой жизни». Я банально произношу: «Да! Жизнь-жестянка!» Николай с водными процедурами закончил, иду скорее под душ, пускай перед Колей оправдывается. Освежился, выхожу из душевой, Абрек уже с чайными принадлежностями возится. Принес литровую банку воды, сунул кипяtilьник. Стаканы, чашки готовит. Достал пачку индийского чая «Три слона». Заварку приготовил. Нас к столу приглашает. После душа за милую душу чайком побаловаться. Абрек не унимается, допытывается: «Так где вас носило? Прокатились по Волге-матушке?» «Мы тоже все больше по бабам с Сашкой ударяли», – шутит Николай. «Да ну! Давайте, делитесь опытом», –

просит наш Дон Жуан. Коля кивает в мою сторону и говорит: «Саша, покажи ему красотку, не чета твоей». Достая блокнот, протягиваю Абреку, тот смотрит на скульптуру работы Вучетича, наконец раскусил в Колину шутку. Хохочет, зубы скалит. Ну, Коля, ну, тихоня, такой прыти не ожидал от него. Разливаем заварку, мы с Колей – по казенным стаканам, Абрек – в свою походную чашку, емкостью стакана на полтора. Коля цифирь приготовил, я – средней крепости, чтобы цвет лица не испортить. Абрек налил себе покрепче моего, принес из холодильника треугольный бумажный пакетик сливок и коробочку со сливочным маслом. Разбавил чай сливками и кусочек масла туда же бросил. Из спичечного коробка взял щепотку соли, посолил напиток. Мы с удивлением наблюдали за его действиями. «Чай по-татарски называется этот напиток, кумыс напоминает. Рекомендую, очень полезен», – нахваливает татарин. Чувствую, пришла пора и мне пошутить, а то как-то не справедливо получается, даже Коля свои три копейки вложил. Говорю: «Конечно, после такого сеанса психотерапии кумыс – лучшее средство». Абрек сделал свою фирменную улыбку. Глаза-щелочки, зубы белые оголил, крупные, как у лошади (сейчас в моде такие). Довольный, кумыс отхлебывает, смакует. «Жалко мне вас, мужики, ничего вы в прелестях земной жизни не понимаете! Жить – это профессия!» – торжественно произносит Абрек.

Полет на аэроплане

Летом 1977 года наш институт разрабатывал проект по созданию мощностей для выпуска новой боевой машины пехоты БМП-2 на площадях Курганского машиностроительного завода.

Вот проект готов, и бригада технологов института собирается вылететь в Курган для защиты принятых решений. Прямых рейсов «Аэрофлота» из Ленинграда до Кургана нет. Заводское руководство предложило нам два варианта ускоренного прибытия. Самолетом до Челябинска, а далее они пришлют за нами заводской автобус, или от Челябинска до Кургана летают самолеты местных авиалиний.

Мы согласились на малую авиацию. В аэропорту Челябинска (Баландино), нас ждал представитель завода с билетами до Кургана. Переехали из одного аэропорта в другой, для местных авиалиний. Когда подошли к малой авиации, мы не ожидали, что она может быть настолько малой. Это был биплан АН-2, в народе называемый кукурузник. В детстве, в костромской области, мне приходилось сидеть в подобном, и он казался огромным.

Нас было пять человек, кроме того, килограмм сто проектной документации с нами. Груз компактно сложили у стенки, накрыв сеткой, пилот сам закрепил его. Сидения выглядели как в автобусе ПАЗ, хуже не бывает. Кроме нас в

полет собрались еще четыре пассажира. Как оказалось, двое из них летят до поселка Щучье, а другие до Кургана.

Пилот закрыл дверь, замок был неисправен, и он приоткрыл его алюминиевой проволокой. Аэроплан взлетел, впечатление от полета удручающее. С нами была женщина, Галя, по фамилии Лызгун, специалист по окрасочным работам. Ей было лет тридцать восемь, ниже среднего роста, не красавица, из-за формы лица подшучивала над своим внешним видом, сравнивая его с малахитовой шкатулкой. До переезда с мужем в Ленинград жила в Нижнем Тагиле, работала на УВЗ. По характеру бой-баба, потому ее часто брали в командировки для защиты проектных решений. В полете ее укачало, и она, зеленая, сидела с полиэтиленовым пакетом, изредка наполняя его. Здоровье характером не заменить!

Минут через сорок пилот пошел на посадку в поселке Щучье. На лугу паслись коровы и овцы, пилот начал их разгонять, освобождая посадочную полосу. Наконец приземлились рядом с каким-то деревянным сараем. Очевидно, местный аэровокзал. Из строений еще был колодец типа «журавль». Бежим к колодцу, деревянной бадьей зачерпнули воды и в первую очередь стали приводить в чувства Галю. Из сарая вышли двое: мужчина и женщина, наверное, муж и жена. Мужик нес бельевую корзину, завязанную сверху тряпичей. Слышалось хрюканье и повизгивание.

С трудом уговорили Галину Андреевну продолжать полет. Теперь ее лицо выглядело действительно как малахитовая

шкатулка. Взлетели, поросята от болтанки лайнера в полете повизгивают, двери, примотанные проволокой, хлопают – ну просто дискотека-авария. Минут через тридцать пять пилот пошел на посадку в деревне под названием Колупаевка. Небесный тихоход начало трясти, иной раз он резко проваливался вниз. Корзина с поросятами опрокинулась, они с визгом вылетели из нее и начали резво бегать по проходу.

Все дружно бросились их ловить. Я, воспитанный в деревенских условиях, поймал одного из них за задние ноги и держал его в объятиях. Свинья, она и в детстве свинья, от страха обгадила мой деловой костюм.

Наконец самолет приземлился. Супруги с поросятами вышли в Колупаевке. Я нарвал лопухов с летного поля и принялся отчищать поросячий помёт с делового костюма. Галя была в полубморочном состоянии, ко всему прочему в результате ловли поросят, ей порвали безумно дефицитные импортные колготки, стоимостью в половину месячной зарплаты, купленные в комиссионном магазине.

В итоге расстояние в двести семьдесят километров с учётом двух посадок наш кукурузник покрыл за три часа. От Ленинграда до Челябинска – две тысячи километров – мы тоже долетели за три. Граждане, летайте самолетами «Аэрофлота»!

Неисправный телевизор

После защиты дипломов в техникуме состоялось важное событие в жизни каждого выпускника – решение комиссии о направлении на работу для обязательной отработки трехлетнего срока на предприятиях нашей необъятной родины. У комиссии был список предприятий, куда необходимо было распределить выпускников. Этот список за неделю до распределения вывесили на доске информации для ознакомления с ним. Все толпились у списка, галдели, гадали, куда их могут выслать на три года. Выпускников делили на три категории: первая категория – отличники и хорошисты с ленинградской пропиской. Вторая категория – отличники и хорошисты иногородние. Третья категория – все остальные, но в этой категории были и выпускники с ленинградской пропиской, если повезет – останутся свободные вакансии на предприятиях города – они имели преимущество перед остальными троечниками.

В первую категорию попало два человека: Маша Мелкоян и я. Наташа Полякова и еще пять хорошистов попали во вторую, то есть имели право выбрать из списка любой регион. Наташа выбрала Каунас, в Прибалтике, остальным достались уральские заводы, их там хоть пруд пруди.

Везунчиками из третьей категории оказались Сашка Родионов и Смородина Валентина, у них ленинградская про-

писка. Были вакантные места в проектом институте, их направили туда. Я тоже выбрал проектный институт, уж больно красивую картину будущего нарисовал при отборе кадровик. Обещал интересную работу, заграничные командировки и все прочее.

Меня и Сашку Родинова направили в технологический отдел № 4, в группу сборочно-сварочных работ. Тезка мой был холостой, скромный, застенчивый парень, про таких говорят ведомый.

Он был старше меня на год, стройный, чуть выше среднего роста, с правильными чертами лица, словом, красавчик. Незамужние девушки в отделе, и не только в отделе, оживились, началась охота на новенького. На меня, разумеется, смотрели без интереса, я для них был птицей окольцованной.

Борьба среди хищниц за доступ к телу моего приятеля, велась не на жизнь, а на смерть. Он, как это ни странно, на них реагировал инфантильно (слово-то какое откопал), уж не знаю, поймет ли читатель мои мемуары? Комсомольские мероприятия, в которых участвовал Сашка, стали более массовыми за счет притока комсомолок. На одном из таких мероприятий (поездка на комсомольско-молодежном поезде, по местам боевой славы) на Сашку накинута свои сети Татьяна Левицкая из нашего отдела. Маленькая, шустренькая, палец в рот не клади, всем ярлыки навешивала. Сказать, что красавица, язык не повернется. Но я могу ошибаться,

поскольку представление о женской красоте у всех мужиков своеобразное, иногда диаметрально противоположное. Еще Аристотель говорил: «Красота в глазах смотрящего». Лицо, у нее было какое-то птичье, носик востренький, но щебечет – заслушаешься.

Проблема-то не в том, что она защебетала Сашку, а в том, что была замужем, правда, детей не было в браке. Вернулись из туристической поездки, Татьяна быстренько развелась с мужем, и нового бычка в загс повела, без веревочки. Девки как узнали, так и ахнули! Татьяну из списка подруг вычеркнули навсегда.

Сладкая парочка на работу и домой ходили под ручку, как два голубка, Татьяна щебечет, Сашка воркует. Вскоре и дочку родили, несмотря на пересуды все у них было тип-топ.

Шли годы, я вырос из коротких штанишек, перешел из отдела № 4 в бюро ГИПов, главным инженером проекта. На мое место в отделе назначили Сергея Феоктистова. Татьяна похлопотала и перевела Сашку в отдел технико-экономических обоснований, старшим инженером. Лет шесть спустя я уже сидел в кресле заместителя директора, Сергей Феоктистов вырос до начальника четвертого отдела, а Сашок все в старших инженерах отсиживался.

Приходит ко мне на прием как-то Татьяна Родина с каким-то вопросом, поговорили о дочке, о делах житейских. Она, как бы в невзначай, вспомнила, как мы в 1973 году на новогодней вечеринке выступали вместе, она в роли Де-

да Мороза, а я Снегурочки. Посмеялись дружно, было что вспомнить. Спрашиваю ее:

«Ну как вам с новым начальником отдела живется-может-ся?». Задумалась, а потом говорит:

«Как с неисправным телевизором. Вроде есть, а не работает!» Ну думаю, мать, ты в своем репертуаре, мастер ярлыки навешивать. В слух же, произношу:

«Да, Татьяна, не везет тебе с мужиками, у тебя такой же „телевизор“ уже много лет дома». Татьяна ерепенится: «Дома – это дома, дома даже хорошо, голова меньше болит. Другое дело – начальник, он вожаком должен быть, а не дремать за столом». А ведь права, думаю. Вопросы порешали, она к выходу идет. Я, вдогонку:

«Привет передавай Сашке». Она развернулась и говорит: «Ты бы вместо приветов оклад ему повысил. А то дочка подрастает, денег прорва уходит на нее». Я говорю ей:

«Так ты подбрось ему огонька, а то ходит, словно девица красная. От командировок отказывается, на совещаниях ресницами хлопает, краснеет». Махнула рукой и, закрывая дверь, процедила сквозь зубы: «Друзья называются!»

Ну вот и поговорили, вспомнили молодость! А сколько их таких друзей-приятелей, с кем приходилось играть в футбол, ходить в походы, есть из одного котелка макароны по-флотски, спать в одной палатке, да уж, чего греха таить, сколько выпито спиртного, явно не одна пинта. Но как говорят прагматичные американцы: бизнес есть бизнес, ничего личного!

Цирковая гостиница

Июль 1979 года. По постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР в институте шла полным ходом разработка проекта по созданию мощностей для выпуска новейшего танка Т-80У на площадях Омского завода имени Октябрьской революции.

Бригада специалистов разработала проекты цехов и участков нового производства и была готова выехать на завод для защиты проекта. Приходит правительственная телеграмма с вызовом нас в Омск. Вылетаем во главе с директором. В самолете объявляют: «В Омске тридцать семь градусов по Цельсию». Ну погреемся, шутим мы. Едем устраиваться в гостиницу. Директор по брони Обкома в «Центральную», нам дают направление в гостиницу «Цирковая».

Нас трое, кроме меня – главный технолог Лурье Владимир Исаевич (правда по паспорту он Иссерович, но для простоты общения просит называть Исаевич). Третий – Зейлерт Владимир Михайлович, главный специалист по штамповке. Заполняем анкеты проживающего, берем у администрации ключи, поднимаемся на третий этаж. Трехместный номер. Первое, что бросается в глаза, – дощатый крашеный пол, цвет травянисто-зеленый. Сразу посыпались шуточки по этому поводу. Мол, гостиница цирковая, вдруг артисты живут со своими питомцами. Поэтому пол напоминает им

лужайку. Справа в углу – эмалированная раковина и кран с холодной водой. Опять хохмим, как без водопоя. Бросили портфели рядом с панцирными кроватями, пошли искать удобства. Оказалось, в конце коридора, на весь этаж два унитаза и два душевых рожка. Сразу присвоили статус отелю «две звезды» – по количеству посадочных мест на этаж. Шутки шутками, но пора бы и перекусить, несмотря на жару. Буфет оказался на первом этаже, до открытия два часа. Идти в город нет желания по такому пеклу. Возвращаемся в апартаменты. Достаем домашние заготовки: колбасу, сыр, масло. Лурье говорит: «Если не съедим все сейчас, завтра выбросим в помойку. Холодильник в отеле „две звезды“ не полагается». Продуктов взяли с запасом, наученные прежними командировками в провинцию.

Достали кипятивильники, заварили чай. Володя Зейлерт достал бутылку армянского коньяка. Он по этой части профессионал. Мы замахали руками, мол, в такую жару, оставь, не испортится. Он налил себе полстакана, начал нас укорять: «Если не выпьем, командировка комом пойдет. Это стопудовая примета, проверено годами. Капните хотя бы для запаха в чай. Не одному же мне страдать». Уговорил, капнули и не только в чай. Давай съестные запасы уничтожать. Не зря говорят, аппетит приходит во время еды. Половину припасов одолели и коньяк докапали. Разделись до трусов, намочили под краном полотенца, лежим, пыхтим, обтираемся. Уж солнце скрылось, а жара не спадает. Мучились всю ночь.

Накрывались мокрыми простынями, не уснуть. К утру чуть попрохладнее стало. Народ в коридоре засуетился, очередь занимает за удобствами. Ну мужики, попали мы в ад! Интересно знать, в какие номера размещают соотечественников, прибывших в командировку без правительственных телеграмм? А на заводе нас ждут два заместителя министра и целая орава заводского руководства. «Врагу не сдастся наш гордый Варяг!» – запел фальцетом Володька Зейлерт. Мы бодро зашагали в сторону проходной завода.

«Бобер»

После успешной защиты Омского проекта в министерстве первый заместитель министра Махов Юрий Дмитриевич распорядился выделить институту кругленькую сумму на премирование отличившихся исполнителей проекта. Поскольку я был исполнителем и куратором корпусного цеха № 15 по изготовлению танка Т-80У, поэтому и делал основной доклад. По окончании докладов Юрий Дмитриевич дал указание директору института персонально мне выписать премию в размере семисот рублей. Юрий Васильевич бодро отрапортовал: «Есть! Будет исполнено!»

Приехали домой, руководство составляет списки, определяет суммы к выплате. Если Первый разрешил руководителю группы семьсот рублей, то директору института неприлично иметь меньше, чем у подчиненного. Ставит себе девятьсот, скромненько и со вкусом. Списки утрясли, едва вписались в выделенную сумму и передали в бухгалтерию для исполнения.

Не тут-то было, Тамара Викентьевна, главный бухгалтер института, нашла мою карточку учета выплат, выписала мой месячный должностной оклад у руководителя группы, он составлял сто девяносто рублей. Затем вытащила из верхнего ящика стола циркуляр по министерству, где черным по белому было написано: «одноразовая премия сотрудников не

должна превышать трехкратного месячного его должностного оклада». Поставила вместо своей замысловатой подписи под списком тоненькую точку напротив моей фамилии. Сложила в папку для докладов мою карточку, список на премирование и министерский циркуляр. Потрепала лохматую мордочку болонки и на прощание сказала ей, чтобы та не скучала, мама скоро вернется. Покинула кабинет, предусмотрительно закрыв его на ключ. (Тамара Викентьевна была дама одинокая, и декоративную болонку брала с собой на работу.)

В приемной дождалась, когда освободится директор, и как только от директора вышел очередной посетитель, протиснулась в кабинет. Почему протиснулась, спросит читатель? Да потому, что весила она далеко за сто килограммов. Уселась на привычное для докладов место, положив, как всегда, груди седьмого номера на столик для посетителей и начала издали. Рассказала случаи о наказании главных бухгалтеров за нарушение инструкции такой-то, номер пункта такой-то. Из папочки циркуляр достала и Юрию Васильевичу подсовывает. Директор начинает нервничать, отодвигает инструкцию и говорит: «Тамара Викентьевна, своими словами и покороче изложите суть дела». Та объясняет, что, мол, в списке опечатка, очевидно. Потому как руководителю группы отдела четыре – такому-то, по инструкции полагается премия не более пятисот семидесяти рублей, а в списке у него семьсот стоит. Юрий Васильевич объяснил ей, отку-

да ноги растут. Она аж вспотела, глазами-горошинками моргает и заявляет: «Нет, Юрий Васильевич, я такой документ подписать не могу». Юрий Васильевич попросил список, поставил в графе «главный бухгалтер» свою вторую подпись и дату. И со словами: «Посмотрите другую инструкцию, где сказано, что я имею право на вторую подпись вместо главного бухгалтера. И не тяните с выплатой».

Через неделю мне, копейка в копейку, как и завещал великий Ю. Д. Маслюков, выплатили семьсот рублей. Сумма приличная, трать, не хочу! Цветной телевизор уже есть, в прошлом году купил. Семья не бедствует. Долгов пока не накопил. А вот по городам и весям мотаюсь, а зимней шапки, приличной, нет. Надо присмотреться. Подхожу к Фрунзенскому универмагу, на улице очередь стоит.

Спрашиваю: «Что дают?» В ответ: «Кроликовые шапки с козырьком по двадцать два рубля выбросили» (Современный читатель подумает, что за жаргон: «дают», «выбросили», ведь правильно то: «продают», так вы ошибаетесь, мои молодые соплеменники, во времена нашей молодости, слово «продают» звучало вульгарно, как-то не по-социалистически.)

Поднялся на третий этаж, подхожу к отделу «Головные уборы». Очередь раскалена до предела, задние скандируют: «По одной в руки!!!» Посмотрел издали на образец. Ужас! Выглядит бесформенно, мех дыбом, словно кролика перед смертью пытали. А этот дурацкий козырек, типа огрызок

от арбузной корки. Сколько кроликов зря загубили? Ну теперь всех ленинградцев мужского пола можно будет по шапке узнать.

Присмотрелся, что-то приличное лежит на полке. Спрашиваю заведующую отделом: «А что это за экземпляр, вон на той полке?» Заведующая огрызнулась: «Гражданин, не мешайте работать и без вас тошно!» Я не отстаю, требую пропустить, примерять то, что на почетном месте лежит. Заведующая, гнусным голосом говорит: «Чего ее мерить, это же „бобер“. Вам на него год работать надо, судя по вашим очкам». Ну, думаю, торговка паршивая, на грубости нарываешься. Культурно, как и положено интеллигенту-очкарику, спрашиваю жалобную книгу. Глаза сощурила, на меня как на врага народа смотрит и кричат: «Маша, покажи гражданину „бобра“. Я протискиваюсь между контролерами за порядком в очереди и пытаюсь проникнуть к заветному образцу. В очереди слышали мою перепалку с продавцом, они молчат. Задние орут: «Опять блатные лезут. Не пущать!» Завидующая успокаивает особо нервных: «Да помолчите, хоть вы! Он за „бобром“, который стоит как вся ваша очередь!» Притихли, шепчутся, мол, наши люди таких денег на шапку не тратят. Явно сберкассу ограбил. Гастролёр!

Примеряю «бобра», Маша волнуется: «Осторожнее, пожалуйста». Успокаиваю: «Не волнуйтесь, Маша, я руки мыл сегодня с мылом». Надел, в зеркало любуюсь. Размер подходит, выглядит достойно, мех искрит.

«Беру, выписывайте чек». Маша, аж в лице переменялась, бегом к заведующей за чеком. Та Марусю вместо себя поставила и с бланками чеков ко мне спешит. Торопится, выписывает, сумму прописью ставит: пятьсот рублей, с улыбкой протягивает мне чек и ласково так, говорит: «Вот накоплю денег, зятю такую же куплю». Я беру чек и говорю: «Повезло вашему зятю с тещей, привет ему передавайте!» Оплатил в кассе чек, забрал «бобра» и домой обновку обмыть следует, чтобы не линяла. В остатке двести рублей от премии, жене и сыну на подарки.

Совершенно секретно

На очередной планерке начальник первого отдела Волгарев Владимир Павлович докладывал мне о результатах ежегодной плановой проверки состояния и хранения секретной документации в спецархиве института. Голос его дрожал, что было несвойственно для бывалого служаки. Спросил все ли у него в порядке со здоровьем.

«Здоровье в порядке», – ответил он. – ЧП в спецархиве, пропал совершенно секретный документ».

Повисла пауза.

– Что представляет из себя этот документ, и кто им пользовался до утраты?

– Инструкция по составлению отчета на мобилизационный период промышленных и оборонных объектов, – ответил Владимир Павлович. Затем передал мне формуляр документа со списком пользователей. Знакомились с документом всего двое.

– Объяснительные записки взяли у них?

– Пока нет. Ведем тщательные поиски документа, может завалился куда-то, бывали такие случаи в моей практике.

По инструкции мы обязаны срочно сообщить о пропаже в районный отдел КГБ и в режимный отдел министерства.

– Готовьте докладные, – распорядился я. – Если есть еще экземпляр документа, принесите мне для ознакомления.

Внимательно изучаю текст инструкции. Таблицы, вопросники, пустографки. Где же сведения, составляющие государственную тайну? Не нахожу. Начинаю повторно внимательно читать. В предисловии есть ссылка на приказ министра с грифом «совершенно секретно», однако, суть приказа не раскрывается. Изучаю инструкцию № 00116 «Перечень сведений, составляющих государственную тайну». Согласно этой инструкции, утерянный документ никак не тянет на гриф «совершенно секретно», в лучшем случае – «для служебного пользования». А это совсем другая мера ответственности за утрату.

Выяснил, кто автор злополучного документа. По положению гриф секретности документа определяет исполнитель. Им оказался старший научный сотрудник Московского НИИ Министерства оборонной промышленности СССР. Пытаюсь найти контакты с исполнителем по закрытой связи министерства. Нахожу, работает. Уже проще, надо встречаться для очной беседы. Попробовать убедить его изменить гриф секретности. Договорились встретиться на следующий день в ресторане «Пекин» на Маяковской площади рядом с министерством. В два часа дня встретил его у входа в ресторан, выбрали столик у окна и заказали обед. Василий Иванович, так звали старшего научного работника, был не против пшеничной водочки. Графинчик постепенно убывал, закуски исправно подносили. Разговор приобретал деловой характер. Василий Иванович согласился с моими доводами насчёт за-

вышнего грифа секретности и, смакуя котлетой по-киевски, пояснял мне суть дела. Оказывается, для того, чтобы получать тридцатипроцентную надбавку к окладу за секретность, он должен выпускать секретных работ не менее пятидесяти процентов от общего объема.

«Нет в этом ни чего удивительного, так делают все», – объяснял он. Я клоню в свою сторону – насчёт понижения грифа секретности. Он ищет причины почему это невозможно.

«Гриф секретности устанавливаю я, а снять или понизить его может только ПДТК (постояннодействующая техническая комиссия) под председательством директора института. Так что и рад бы помочь, но увы». Пытаюсь объяснить серьёзность сложившейся ситуации. И у меня нет других вариантов, как довести дело до логического конца. Вопрос стоит даже не о степени наказания, в конце концов не тридцать седьмой на дворе, переживем. Тебе же будет проще выкрутиться из создавшейся ситуёвины. Наш ученый муж мотает головой и разводит руками, мол, рад бы в рай, да грехи не пускают. Смотрел я на него и думал, как такие ограниченные люди могут дослужиться до звания старшего научного сотрудника? Похлопал на прощание его по плечу и добавил: «Эх, Василий, Василий, ловкий ты малый, но не мужик!»

Повернулся и пошел сдаваться в режимный отдел министерства. Доложил суть дела начальнику режимного отдела, полковнику КГБ. Он внимательно выслушал меня, рывкнул в микрофон селекторной связи, приглашая референта зайти

в кабинет. Дал команду принести из спецархива указанный документ. Мне буркнул: «Жди в приемной». Я вышел. Минут через десять референт принес документ. Сижу, жду. Референт то и дело подносил шефу какие-то бумаги. Наконец слышу: «Пусть зайдет». Захожу, начальник кивнул на стул, что означало «присядь».

«Пиши объяснительную записку. Гриф мы понизим, но ты свое получишь в приказе по министерству. За ослабление контроля с секретными документами. Жди комиссию с проверкой».

Вернулся в Ленинград, дым стоял коромыслом в первом отделе. Районный отдел КГБ развил бурную деятельность. Допрашивал начальника первого отдела и всех инспекторов и архивариусов. Беседовал с потенциальными пользователями пропавшего документа. Я рассказал о результатах поездки в Москву. Куратор КГБ визжал, как недорезанный поросенок: «Моли всех твоих богов, чтобы гриф понизили, в противном случае делом займется военная прокуратура!»

Через три дня приехала московская комиссия. Привезли протокол ПДТК Московского НИИ о снятии грифа «совершенно секретно» с проклятого документа. Установили гриф «для служебного пользования». Все выдохнули с облегчением. Комиссия копалась в спецархиве, выискивала недостатки, но это уже было не смертельно.

Дней через десять пришел приказ министра, в котором мне объявили выговор с лишением премии за квартал. Ди-

ректору НИИ объявили строгий выговор и сняли персональную надбавку за секретность до конца года. По институту выпустили приказ директора о наказании ответственных за этот участок работы с лишением премий. Начальник первого отдела Владимир Павлович написал заявление на увольнение в связи с переходом на пенсию.

Позднее я узнал, что автора утраченного документа, любителя секретных работ, уволили за несоответствие занимаемой должности. «Бедный Вася», – подумал я! С такой записью в трудовой книжке (в те времена) можно было устроиться только на плодовоовощную базу. Ну что же, будет как в кинокомедии «Гараж» вкладывать неистраченные визитки старшего научного работника в пакеты с расфасованной картошкой.

В конце апреля следующего года, в день Всесоюзного Ленинского субботника, сотрудники секретного архива делали генеральную уборку помещений. Очищая отопительный радиатор от пыли, обнаружили злополучный документ. Какие мистические силы занесли его туда? Знает только нечистая сила. Или тот добрый человек, который из зависти к чужим успехам, засунул его за батарею. Спасибо дедушке Ленину за субботник в честь его имени!

Перемен! Мы ждем перемен!

За окном фирменного поезда «Красная стрела» мелькали огни большого города. Обычно для меня возвращение из столицы в родные пенаты – явление приятное. Не люблю я этот суматошный, чванливо-горделивый мегаполис. Вероятно, эта неприязнь связана с частыми посещениями родного министерства оборонной промышленности? Утомительное хождение по обшарпанным коридорам власти (особенно когда оно размещалось в старом здании на площади Маяковского) с бесконечными отчетами, оправданиями, а то и того хуже – с протянутой рукой просящего дополнительных фондов и ресурсов для штатного расписания. В этот раз настроение было двоякое. С одной стороны – приятно, что покидаю Москву, и одновременно – мерзопакостное, после разговора с начальником главного управления по проектированию и строительству, товарищем Тупикиным. Фамилия, как говорится, не в бровь, а в глаз соответствовала её носителю. Министерские крысы бегали возбуждённые, с выпученными глазами, пытаясь отхватить лакомый кусочек от пирога, стремительно разваливающейся державы под громким названием СССР. Будучи заместителем генерального директора головного института, я находился в министерстве с поручением генерального директора, Усатого Юрия Васильевича, по двум вопросам. Первый из них касался наших ино-

городских филиалов. Второй – выборов генерального директора в связи с новыми веяниями и требованиями Верховного Совета РСФСР. По постановлению, в выборах должны были принимать участие представители вышестоящей организации, то бишь, Министерства оборонной промышленности СССР. Беседа с Туповицким носила трагикомический характер. На предложение участвовать в конференции по выборам генерального директора, он спросил: «Ты слышал поговорку: свинье не до поросят, когда её на бойню тащат? Это наш случай. Разбирайтесь сами. Относительно постановления – оно же касается структур РСФСР, а мы, как тебе известно, структура СССР». Ехидно улыбнувшись (изобразил подобие улыбки Мюллера Штирлицу), добавил: «Ну что, съел?» После чего шеф встал и молча покинул свой кабинет. У меня было два варианта: либо успокоится и пойти в ресторан, чтобы скоротать время до отправления поезда или пойти выше, что в нормальные годы правления не приветствовалось. Но это же был 1993 год, и этим всё сказано! В приёмной первого заместителя министра, Черновола Сергея Павловича, меня встретил его референт. Выяснив кто я и по какому поводу, вежливо сказал, что мне придется часик подождать, там идет важное совещание, кивнул он в сторону дубовой двери кабинета. «Хотите кофе или чаю?» – предложил он. Я отказался, сказал, что спущусь в буфет перекусить. Через час я вернулся в приёмную, референт развёл руками, сказав, что пока ещё совещаются. Минут через пятнадцать

из кабинета вывалила вся свора матёрых чиновников. Сергей Павлович был среди них, намеревался покинуть заведение. Увидев меня и узнав, подошел поздороваться. В восьмидесятых, будучи секретарём парткома Кировского завода в Ленинграде, он неоднократно посещал заседания партийного бюро института, на которых разбирали важные проекты бывшего Путиловского завода. Как правило, те, что были на контроле в ЦК КПСС. Я был тогда секретарём партбюро института, и также с ответными визитами посещал его епархию. Так что мы были хорошо знакомы, и всё же за десять лет он стремительно поднялся по служебной лестнице и мог бы пренебречь рукопожатием, но к моему удивлению и к его чести, он крепко пожал мне руку и спросил, как дела и какие проблемы привели меня к его кабинету. Я вкратце рассказал. Он задумался, потом произнёс: «Знаешь, если честно, то Туповицкий прав. Времена сам видишь какие, разбирайтесь своими силами. Передай привет Юрию Васильевичу, мужик он крепкий, что-нибудь придумает». Попрощавшись с земляком и оценив сложившуюся ситуацию, пошёл не солоно хлебавши в сторону Ленинградского вокзала. Всё, что было в моих силах, я сделал.

Мой попутчик по купе СВ вернулся из тамбура, где он курил. Бросив на столик пачку с американскими сигаретами Marlboro (признак состоятельного мужчины девяностых), он сказал: «Давайте знакомиться, меня зовут Валерием». Я назвал своё имя. Валера показался мне ровесником, лет сорока

с небольшим. Стильно одет. Я подумал, что он явно не по министерским коридорам мотался. Спросил его:

– Вы домой или из дома?

– Восвояси, – ответил он.

– Вы, я вижу, тоже к семье, не правда ли?

– Как вы угадали? – ответил я.

– Это видно по пакетам с московскими подарками и по белой рубашке с галстуком. В таком прикиде посещают начальственные кабинеты обычно.

Мне оставалось мимикой подтвердить его пронизательность. В дверь постучались. Перед нами стояла проводница, вся в красном, в унисон фирменному поезду. В руках красовались две симпатичные коробочки с ужином. Улыбнувшись, она спросила: «Вам сухое вино или рябину на коньяке?» Не сговариваясь, мы выбрали рябину. Девушка в красном достала из тележки два стограммовых шкалика и поставила перед нами на столик. Затем спросила: «Чай сразу или позже?» Мы попросили немного спустя. Теперь можно сбросить униформу, решил я и рассупонился. Валера тоже переоделся в дорожный костюм. Вскрыли коробочки с закуской, в бокалы вылили содержимое шкаликов. Выпили за знакомство. Рябина на коньяке развязала языки. Вагонные разговоры иногда заходят так далеко, что поражаешься собственной откровенности с незнакомым человеком. Мне много приходилось путешествовать по стране, и я не переставал удивляться этому свойству человеческой природы. Естествен-

но, если попутчик тебе симпатичен и соответствует твоему ментальному уровню. Валера оказался одним из таких. По жизни у нас оказалось много общего. Оба из глубокой провинции, в юном возрасте приехали грызть гранит науки, он закончил Военмех, я – Политех. Он по распределению работал на заводе «Большевик», я тоже в особо режимном предприятии оборонной промышленности. Женились, будучи студентами, у него сын, и у меня мальчик и ещё мальчик. По службе он вырос до заместителя главного инженера, и моя служебная позиция соответствовала его рангу. Правда, ему пришлось рисковать жизнью во Вьетнаме в качестве представителя завода, поставляющего пусковые ракетные установки вьетнамским товарищам. В общем, поговорить было о чём.

Валера достал плоскую бутылочку армянского коньяка, и беседа длилась до четырёх часов утра. Мы уже были на ты, философски разбирали ситуацию, в которой оказалась страна, разумеется, и мы, труженики оборонки, становились первыми заложниками в этой заварухе, под названием перестройка. Собеседник поделился мыслями по поводу дальнейшей жизни. «Надо успеть вовремя занять свою нишу в этой неразберихе, иначе окажемся на обочине истории. Я уже кое-что предпринял. Отец у меня – председатель совхоза в большой станице Краснодарского края. Предлагает напаях организовать дело. Он выкупил заводик по производству подсолнечного масла и готов поставлять его в Ленин-

град и Москву. В Москве я уже нашёл партнёров, которые организуют продажу. В Ленинграде я тоже кое-что организовал, если заинтересует мой бизнес – добро пожаловать на борт». Я поблагодарил Валеру, и мы обменялись домашними и служебными телефонами. Мобильная сотовая связь в Петербурге появится только год спустя, в июле 1994 года, при содействии американской фирмы Motorola. Вначале мобильники, размером с кирпич, приобрели чиновники высокого ранга и новые русские в малиновых пиджаках с золотой цепью на шее и прочие бандиты.

Вернулся в институт, доложил обстановку, которая вершилась в министерстве. Юрий Васильевич выслушал и слегка приуныл. «Дело швах! Но унывать не в моих правилах, давай готовиться к бойне». – сказал он. Страну трясло, волны перестройки поднимали на поверхность одиозные личности. Кто смел, тот и съел! Институт не исключение, обиженные и оскорблённые или просто недовольные требовали перемен.

В начале девяностых гимном звучала песня Виктор Цоя «Перемен! Мы ждем перемен!» Кстати, отец Виктора, Роберт Максимович, работал инженером в конструкторском отделе № 15 нашего института. У него был старенький «Москвич-412». Он приходил ко мне с просьбой разрешить ему заехать на охраняемую территорию института на его автомобиле, чтобы на подъёмнике в гараже подлечить своего издавшего виды скакуна. Нарушая министерские инструкции, я давал письменное указание начальнику охраны раз-

решить въезд, а начальнику гаража – оказать посильную помощь отцу восходящей звезды. Правда, в тот период отец ушёл из семьи, отношения отца и сына были прохладными, а потому просьба молодёжи института, пригласить Виктора с концертом в актовом зале не увенчалось успехом. В Московском проектном институте работал главным инженером родной дядя Виктора, и там концерт состоялся. Я был в командировке в Москве, наши институты соревновались между собой, и на подведении итогов соцсоревнования мне повезло присутствовать на живом прослушивании. Энергетика, исходившая от песен Виктора, заводила молодёжь, каждое выступление сопровождалось бурными овациями.

Выбрали Совет трудового коллектива (СТК), так учил нас плюрализму будущий Нобелевский лауреат премии мира Михаил Сергеевич Горбачёв. СТК сделал всё, чтобы действующего директора отправить на пенсию и избрать своего в доску претендента. Им оказался заместитель Ю. В. Усатого Зудкин Владимир Тимофеевич. Грамотный управленец советского образца, трудоголик, всесторонне эрудированный инженер-экономист. Казалось бы, куда лучше, знает практически всё о проектном деле и народ к нему лоялен. Избрали большинством голосов, однако, шапка Мономаха оказалась не под силу. Руководил менее года и слёг в госпиталь с нервными заболеваниями. Дикий капитализм требовал руководителей другой формации. Подробности дальнейших событий я освещал в книге первой, потому не буду останавли-

ваться по этому поводу.

Месяца через три позвонил мой попутчик Валера, предложил организовать доставку дефицитного подсолнечного масла в необходимом количестве для коллектива. Я пригласил к себе в кабинет председателя профкома Букину Людмилу и просил организовать сбор сведений от работников института о количестве желающих и объёме поставки. Народ на радостях заказывал и для своей семьи, и для соседей. Валера был доволен и обещал снабжать нас не только маслом, но и другими продуктами питания. Меня эта затея не привлекала, да и некогда было отвлекаться в те тяжёлые времена. Переадресовал предпринимателя напрямую в профком к Букиной. Дело у них шло гладко, профком набирал очки популярности. Полки в магазинах были пусты, а если что-то выбрасывали – мгновенно выростала километровая очередь с номерами, написанными химическим карандашом на ладонях жаждущих. Импортных продуктов подвозили недостаточно, а свои почему-то резко исчезли.

Пятнадцать лет спустя, будучи в командировке в Архангельске, после семинара, организованного фирмой Andritz AG, я сидел у окна за столом гостиничного ресторана, в одиночестве любовался северным сиянием. Терпеливо ожидал ужин. В зале было пусто, кроме меня сидели ещё двое мужчин, мирно беседуя. Один из них, сидевший ко мне спиной, повернулся в пол-оборота, чтобы позвать официанта. Мне показалось лицо его знакомым, я стал перебирать в памяти

варианты возможного знакомства с ним. Когда он заговорил громче, давая поручения официанту, по интонации и тембру голоса я узнал в нём Валеру. Я гадал, стоит ли вмешиваться в их компанейский разговор? Минут через пять мой знакомый встал и направился к стойке бара. Поравнявшись со мной, он взглянул в мою сторону. Я кивком поприветствовал его. Он остановился, прищурил взгляд, и вдруг радостно произнес: «Неужели! Какими судьбами, не зря говорят, мир тесен!» Мы дружески обнялись, похлопывая друг дружку по спине. Он решительным тоном заявил:

– Скажи бармену, чтобы перенесли твой ужин за наш столик.

– Удобно ли, у вас деловой разговор?..

– Не возражай, я познакомлю тебя с моим партнёром по бизнесу, для деловых разговоров место в кабинетах.

Он купил пачку сигарет Marlboro. Я заметил: «Джентльмен своих привычек не меняет?», на что он рассмеялся и сказал:

– Жене, Marlboro и армянскому коньяку я никогда не изменяю!

– Ой ли! А как насчёт рябины на коньяке?

Валера опять расхохотался и добавил: «Всё ты помнишь, шельмец, когда это было? У тебя шевелюра была, да и я седым ещё не был».

Мы сели за его столик, он познакомил с партнёром. Это был представитель его фирмы в Архангельске. Фирма Вале-

рия Васильевича выросла значительно, он опутал сетью своих представительств более двадцати крупных городов. Фирма процветает, занята оптовой торговлей продуктами сельскохозяйственного кластера. Миллионные обороты в долларовой валюте. Налажены надёжные связи с импортными поставщиками.

– Да ты олигарх, оказывается! – пошутил я.

– Куда нам, мы своим трудом и смекалкой живём, а те, о ком ты говоришь, сильны залоговой приватизацией или близостью к телу вождя нации. Ты лучше о себе расскажи.

Я вкратце поведал грустную историю о судьбе проектного института. Рассказал, что вместо танков и ракет занимаюсь проектированием комбинатов целлюлозно-бумажной промышленности.

– Так ведь их все за бесценок скупили иностранцы?

– Твоя правда, так ведь и я теперь горбачусь на них, в финской компании.

– Ну ты даёшь стране угля! Я всегда знал, кто школу оборонки прошёл, тому сам чёрт не страшен.

Мы долго сидели, попивая армянский коньяк, обсуждали этот изменчивый мир, под который прогибаться не стоит, и судьбы людей, вынужденных в нём выживать.

Знакомство с заграницей

Первая поездка за границу у меня состоялась в начале января 1996 года, сразу после новогодних праздников. Это была Чехия, так, после бархатного развода со Словакией, 1 января 1993 года стала называться бывшая Чехословакия. Поездку оформили как командировку членов совета директоров проектного института, теперь уже ОАО «Инжиниринг». Организовал её «Новый» банк, он же оплатил все расходы на авиабилеты и за проживание в отелях. В то перестроенное время создавались новые частные банки, они, конкурируя, завлекали владельцев крупных организаций в круг своих клиентов. Нашу фирму с советских времен обслуживал «Промышленно-строительный банк», и он тоже пытался удержать наш расчетный счет у себя, но «Новый» предложил более привлекательные условия, и мы перешли под его опеку. Руководящему составу института выдали кредитные пластиковые карты visa, чтобы мы потренировались и оценили все прелести и удобства электронных денег, а в последствии, по возвращению из командировки, перевели всех сотрудников на зарплатные пластиковые карты. Для советских людей пластиковые карты были в диковинку, и они относились к ним недоверчиво, особенно упиралось поколение за пятьдесят. Они всяческими ухищрениями стремились отказаться от пластика, предпочитая привычные хрустящие ас-

сигнации.

На тот период в институте работала примерно одна тысяча специалистов. Были хорошие заказы на проектирование расчётно-кассовых центров на территории Санкт-Петербурга и Пскова для Центрального банка России. Кроме того, мы имели приличную сумму на валютном счете, полученную от иностранных заказчиков за выполненные проекты танковых заводов в Хайдарабаде (Индия) и Иране, и поэтому наша фирма была лакомым кусочком для любого банка.

Цель командировки звучала примерно так: выездной совет директоров по изучению опыта ведения инжинирингового бизнеса в Чехии. Длительность командировки – одна неделя, четыре дня в Праге и три дня в Карловых Варах. В состав группы, кроме меня, входили другие руководители института: генеральный директор Петропавловский Алексей Сергеевич, председатель совета директоров Горохов Евгений, заместитель генерального директора по производству Зудкин Владимир Тимофеевич, заместитель генерального директора по строительству и общим вопросам Шагин Валерий Павлович, главный архитектор института Рассохин Игорь Иосифович, главный бухгалтер Архпрова Светлана Васильевна и ее заместитель Протасенко Елена.

В Прагу прилетели во второй половине дня. В аэропорту нас встречал представитель филиала банка «Новый» в Праге. Город был завален снегом, это нас удивило. Автомобили стояли в сугробах, тротуары и проезжая часть расчище-

ны кое-как, мы с удовольствием шутили по этому поводу, мол, не только у нас в Петербурге проблемы с небесной канцелярией и коммунальными службами. Наверное, немалую роль в этом беспорядке играли только-что отшумевшие рождественские и новогодние праздники, и народ еще не очухался от застолий.

Нас разместили в отеле класса «три звезды плюс». На счет «плюс», после беглого знакомства с отелем, закрались большие сомнения. Поселили в двухместных номерах. Не избалованные советским сервисом мы не роптали. Приключения начались с первых минут заселения. Меня поселили с Шагиным Валерием Павловичем в один номер. Валерий Павлович первым делом направился обследовать ванную комнату, совмещенную с туалетом. По первой своей специальности он был инженером по водопроводу и канализации и до нашей организации работал в проектном институте «Водоканал», и, естественно, разбирался в этих делах неплохо. Со знанием дела начал проверять сантехнику. Не успев переодеться с дороги, минуты три спустя, я услышал знакомое урчание спускаемой в унитазе воды, а затем характерное шипение и свист вырывающейся из крана воды, сопровождаемый воплями Валерия Павловича. Бросился выяснить обстановку, открыв дверь в ванную комнату, увидел такую картину: Валера навис всем своим могучим телом, центнера полтора весом, над раковиной умывальника и, заткнув большим пальцем правой руки отверстие сорванного шарового крана,

в левой руке держал никелированный рычаг крана, шаря по стенам очумелым взглядом, пытаюсь найти полотенце чтобы заткнуть им фонтанирующую струю. Модная белоснежная сорочка, приобретенная специально для заграничной командировки, намокла и прилипла к его могучему торсу. Вид был весьма нереспектабельный. По его совету я обшарил все углы в ванной комнате, пытаюсь найти контрольные краны для перекрытия воды в случае аварии, но оказалось по нормативам бывшей братской республики, такой роскоши не предусмотрели. Отплёвываясь и проклиная все чешские СНиПы и нормативы строительства этой страны, а заодно и тот день, когда согласился на эту поездку, Валера отчаянно боролся с напирательной на него водой, затем внезапно замолк и жалобным голосом попросил меня позвонить администратору отеля, вызвать дежурного сантехника. Администраторша внимательно выслушала мою просьбу по внутреннему телефону и подбирая нужные русские слова, выученные в Чехословацкой школе, с приятным акцентом спросила: «У вас что-то случилось?»

Стараясь как можно спокойнее, внятно выговаривая слова, я ответил: «Да! Случилось! В ванной комнате вода фонтанирует, скоро затопит ваш трехзвёздочный отель».

В трубке спокойным голосом произнесли: «Не волнуйтесь, скоро исправим». Я передал ответ дежурной Валерию Павловичу. Он, как Самсон, укрощающий льва, продолжал бороться с фонтаном. Переважив сказанное, взвыл как ране-

ный вепрь: «По-чешски скоро – это сколько в часовом выражении?»

Оказалось – недолго, минут через пять, походкой вразвалочку, в фирменной яркой спецовке и с красивым ранцем в руке появился сантехник. Оценив ситуацию, мастер прищелкнул и произнес: «Оля ля!», развернулся и вышел из номера. Я последовал за ним с криком: «Уважаемый, вы хотя бы воду перекрыли!» Он обернулся и с улыбкой человека, проживающего в свободной стране, которая, кстати, с нетерпением ожидала вступления в Евросоюз, что-то ответил, естественно, на его родном языке. Хотя наши языки имеют общие славянские корни, но я ни черта не понял и пошёл к администратору искать подмоги. Она, хоть и с акцентом, но вполне понимает ненавистный для чехов язык оккупантов. Особенно после событий Пражской весны 1968 года.

У стойки уже стояли наши коллеги, ожидая нас для того, чтобы пойти в ресторан на ужин. Увидев меня одного, удивились, спросив, почему я в одиночестве и не случилось ли чего с Валерием Павловичем? Я сказал, что Валерий Павлович уже приступил к выполнению командировочного задания и перенимает богатый опыт чешских коллег по вопросам водоснабжения и водоотведения. Коротенько обрисовал ситуацию и предупредил, что с ужином придётся повременить до устранения аварии и приведения в надлежащий вид нашего исследователя. Народ почему-то развеселился, кроме Рассохина. Тот не хотел ждать ни минуты, у него горели

трубы после вчерашних проводов за границу в кругу семьи. Заразительно хохотал Женя Горохов, хотя то же выпить не дурак, но он был вечным оппонентом Шагина и ради такого весёлого случая готов был потерпеть. Кроме того, среди нас он был самым молодым, по характеру циником, скрывать эмоции радости чужому горю ему не привычно.

В ресторане Валерий Павлович выглядел самым свежим среди нас, ему невольно пришлось принять душ, после чего нарядиться во все новое, предусмотрительно приготовленное супругой. Голубой свитер и джинсы были ему к лицу. Женщины оценили его гардероб и отпускали комплементы. Валера довольный ворчал: «А я ещё наорал на жену, не хотел брать лишнее барахло с собой. Но её разве переспоришь».

Горохов, приняв на грудь сто пятьдесят граммов французского коньяка «Хеннеси», продолжал веселиться и подтрунивать над Валерой: «Не послушал бы жену, сидел бы сейчас в спортивном костюме с лампасами, как новый русский». Кредитная карта visa теперь у тебя есть, осталось золотую цепочку на шею и можно продолжать опыт перенимать». Первый совместный ужин Совета директоров ОАО «Инжиниринг» проходил в тёплой и дружеской обстановке. Но приключения в отеле не закончились. На утренний завтрак к шведскому столу не явился Игорь Рассохин. Выяснилось, что вечером после ресторана они с Гороховым решили полирнуть, то есть добавить градус в баре. Они квартировали в одном номере. Вернувшись после полуночи, наш

Растрелли (так мы его величали в неофициальной обстановке) решил перед сном посидеть в кресле. Пытаясь поудобнее устроиться, кресло вдруг развалилось, да так, что попытки собрать его не увенчались успехом. Ремонт отложили до утра, но и утром усилия оказались неудачными. Сообщили администратору. Та взвыла, узнав о случившемся: «Ох, эти русские! У них всегда руки чешутся. За один день умудрились разломать половину отеля! Вам придется заплатить и за кран, и за кресло. Кран стоит двадцать пять долларов США, а кресло – сто пятьдесят долларов. Как будете платить – кэш, или выставить счет на фирму?» Игорь стоял молча, моргая покрасневшими глазами, соображая, что ответить. Кто бы мог поверить, глядя на его растерянный вид, что по проектам этого маленького росточком, невзрачного человечка в Ленинграде и других городах Советского Союза построены и красуются около сотни прекрасных зданий. Наконец он выдавил из себя: «Да за сто пятьдесят долларов, тем более из США, можно всю мебель этого номера обновить! Ничего платить не собираюсь, я не наследник Рокфеллера. Это раздолбанное кресло уже было сломано и держалось на соплях! Я здесь ни при чём!» Администраторша резко развернулась и, уходя, зло сказала: «Это мы ещё будем посмотреть! И вообще, пить меньше надо, вы не в России!»

Первые два дня, проведенные в Праге, пролетели незаметно, по программе организаторов поездки мы посетили полдюжины промышленных предприятий, познакомились с про-

изводством. Ничего особенно нового мы для себя не обнаружили. Чутьочку почище в помещениях, меньше слоняющихся на производстве, все заняты своим делом, а главное – все в униформе с лейблами фирмы.

За ужином делились впечатлениями. На каждом предприятии нас угощали пивом во время короткого ланча, и это, пожалуй, больше всего понравилось мужской половине нашей делегации. Пиво действительно было отменным, и пьют чехи его в огромных количествах, и только Валерий Павлович выручал нашу команду и не уступал по количеству выпитого заядлым чешским гурманам пенного напитка. Утром третьего дня за нами прислали микроавтобус, и мы поехали в Карловы Вары.

При выписке из гостиницы руководитель делегации Петропавловский расплатился за причинённый ущерб картой *visa* и международный скандал не состоялся, вопрос был закрыт по обоюдному согласию. Электронных денег было не жалко, тем более за счет банка «Новый», он себе ещё нарисует. Довольная администраторша на прощание забила свой последний гвоздь в крышку гроба российско-чешской дружбы, сказав: «Американцы никогда не заплатили бы, и затыкать пальцем воду тоже не стали, даже если бы затопили весь отель!» Мы приняли к сведению на случай если перед вылетом разместят в этом отеле. Про себя подумали, что американцев в подобный отель канатом не затащить.

В Карловых Варах нас поселили в каком-то санатории, по

своим условиям проживания он напоминал советский дом отдыха средней паршивости. Кровати были металлические, панцирные и очень высокие. Такие кровати я видел у бабушки в деревне, чтобы взобраться на неё надо было постараться даже при нашем выше среднего росте. Мы с Валерой долго смеялись, представляя, как Рассохин при его метре шестидесяти сантиметрах устраивается на ночлег. Единственный плюс, что сломать эту мебель без кувалды невозможно. Ночью проснулись от шуршания. Когда включили свет, мурашки поползли по всему телу от увиденного количества тараканов невероятного размера. В те годы и в наших городских квартирах водились эти твари, но такого размера мне лично не приходилось видеть. Кроме того, от выпитого в огромных количествах фирменного пива приходилось часто вставать и ходить в туалет по этим мерзким насекомым. Во время ходьбы хруст слышался на протяжении всего пути туда и обратно. Идёшь словно по пляжу из гальки в Сочи.

Утром вместо шведского стола нас накормили яичницей-глазуньей с мелконарезанными кусочками бекона. Вспоминая ночные кошмары, аппетита ни у кого не наблюдалось. Каждый с осторожностью копался в яичнице вилкой, отыскивая среди кусочков поджаренного мяса ночных гостей, уж больно они были схожи. Валерий Павлович уплетал за двоих, попросил даже добавки. Над нашей брезгливостью смеялся и говорил: «Ничего вы не понимаете в еде. В Китае жаренные тараканы – деликатес и стоят дорого». Светлана Васи-

льевна после услышанного резко бросила вилку, встала из-за стола и быстро удалилась из буфета. За ней семенила её заместительница Лена.

В Карловых Варах мы посетили один из банков, ознакомились с помещениями и аппаратурой банка. Это была полезная экскурсия, так как половина портфеля наших заказов состояла из контрактов на проектирование коммерческих банков в Санкт-Петербурге. Вечером познакомились с достопримечательностями знаменитого курорта. Горохов все фиксировал на видеокамеру. Не обошлось и без посещения супермаркетов и, естественно, ресторанов. В отель «Три таракана» (так скромно мы его окрестили после первой ночи) возвращаться не торопились. Один день посвятили экскурсиям по старинным замкам. Впечатляет увиденное, но зима не лучшее время для экскурсий, единственный плюс – отсутствие назойливых туристов из Европы. Покидая без сожаления жемчужину санаторно-курортного лечения российской знати и советской партийно-правительственной номенклатуры, мы по пути в Прагу посетили старинный фарфоровый завод. Там в специальном магазине и началась наша главная цель поездки. Изголодавшиеся по импортному дефициту, мы активно скупали всё, что было можно привезти домой. Сервизы и отдельные предметы из фарфора и хрусталя, а также прочие сувениры. Надо честно отметить, все покупки за свой счет, на деньги, заработанные непосильным трудом на родине. Оставшиеся два дня мы провели в Праге. Это

был уже другой отель, о котором мы могли только мечтать. Каждый жил в отдельном номере с изысканной обстановкой, ежедневной сменой белья, шоколадкой на убранной кровати, тапочками (кстати о тапочках, выяснилось, что почти все из нас захватили их с собой на родину в качестве сувенира) и белым махровым халатом в ванной комнате, там же рядом с унитазом стоял прибор под названием биде, вот только как им пользоваться не каждый знал. Больше всего удивил мини-бар, вот он то, проклятый, и подвел наивных поселенцев из России. Те из нас, кто был в подобных отелях впервые, ринулись сначала изучать, а затем и опустошать их содержимое. При выписке из отеля мы очень пожалели о таком сервисе, он оказался платным и с наценкой в пять, а то и более раз дороже, чем такие же продукты в магазине, но за учёбу тоже надо платить.

За два дня до отлёта бродили по столице нового государства, знакомились с достопримечательностями красавицы Праги. На Карловом мосту, на огромном панно, красовалась карикатура объятий двух генеральных секретарей компартий СССР и ГДР. Леонид Ильич Брежнев, в засос целующий Эриха Хонеккера.

Эта влюблённая парочка была самой ненавистой для каждого чеха после разгрома мирной демонстрации 1968 года. Теперь, когда Горбачев освободил восточную Европу от советской оккупации, чехи задним числом потешались всласть над обидчиками.

Кроме обзорных экскурсий один день уделили шопингу. Все накупили чешского хрусталя. Моя семья недавно переехала в квартиру на проспекте Авиаконструкторов, надо было обустраивать её быт, и я тоже приобрел комплект: хрустальную люстру и два бра в большую комнату, где и по сей день они служат исправно.

За обедом наши дамы, смущаясь, рассказали о неудачном походе в магазин нижнего белья. На узенькой тихой улочке их привлекла витрина с манекенами в нижнем белье необычно красивого фасона. Решили заглянуть и прибарахлиться. Оказалось, это был секс-шоп. Такого чуда у нас, в колыбели трёх революций, еще не наблюдалось. Приглядевшись внимательнее к товарам на прилавках и полках, наши дамы не первой свежести выскочили пулей из чуда-магазина и, оглядываясь, не приметил ли их кто из своих, быстренько ретировались. Рассказ заинтересовал и мужскую половину совета директоров, кто-то предложил сразу после обеда отменить намеченный поход в магазин «Оружие» перенести на потом и сходить в оазис капиталистического разврата. Тем более, за компанию как-то надежнее, не так стыдно бывшим коммунистам знакомится с новыми нравами постсоветского общества. Отказался один Растрелли, заявив, что лучше за кружкой пива посидит.

Поход в магазин секс-товаров увенчался приобретением искусственного фаллоса необычного размера. Приобрел его Валерий Павлович. На нескромный вопрос Горохова: «На

какой ляд он тебе?» Валера ответил: «Хочу сделать подарок своему бывшему шефу из „Водоканал“. У него на днях юбилей, шестьдесят лет исполнится. Наслышан, что собирается пышно отметить. Мы с ним расстались неспортивно, я при увольнении послал его куда надо, но если он не понял куда именно, то этой штукой я и напомню ему наше расставание. Пошлю бандеролью с уведомлением». Так он и сделал, упаковал эту штуковину, в подарочную коробку и прямо из Праги отправил адресату, не жалея иностранной валюты. Значит, достал Валерия Павловича бывший шеф не на шутку.

Так закончилась наша первая заграникомандировка. Затея банка «Новый» в итоге достигла своих ожиданий, пластиковые карты мы с трудом, но все же вручили каждому сотруднику института. Первое время было смешно и горестно наблюдать такую картину: в день выдачи зарплаты весь институт бежал к ближайшему банкомату, установленному в фойе станции метро «Технологический институт», создавая очереди длиной на полквартиры вдоль Московского проспекта. Народ негодовал, профком заседал на директора с остервенением, требуя отмены банковских карт, или, по меньшей мере, установить банкомат в институте. Вскоре банкомат установили в фойе, и проблема пластиковых денег уже не стояла так остро.

Командировка в Пекин

В начале марта 2006 года по приглашению китайской корпорации «МСС», мы вдвоем с главным технологом В. В. Просвиряковым вылетали в Пекин через Хельсинки. Для продолжения переговоров по проектированию целлюлоза-бумажного комбината в Забайкалье, под Читой, в городке под названием Хор. Хитрые китайцы решили построить комбинат рядом со своей границей. Всю грязь от технологического процесса оставить на нашей стороне, а к себе вывозить чистый товар. Используя наше сырье, дешевую электроэнергию, газ и рабочую силу.

В аэропорту Хельсинки по чьей-то рекомендации обменяли рубли на юани. Там был курс более выгодный, чем в России и Китае. Через восемь часов беспосадочным рейсом широкофюзеляжный «Боинг-777» удачно приземлился в Пекине. Аэропорт приятно удивил размахом и новинками. Даже хельсинский в сравнении с ним выглядел провинциальным.

Представитель фирмы с табличкой встречал нас на выходе. На представительской машине привезли в гостиницу. Гостиница была не ниже четырех звезд. Сопровождающий помог устроиться в шикарные номера и, подозвав водителя, сказал, что завтра в 9:00 он будет нас ждать в холле и доставит в офис.

Захожу в номер. Выглядит роскошно, есть все необхо-

димое для командированного. Плазменная панель, Интернет, мини-бар, стол для работы и прочие атрибуты. Решил принять душ с дороги, захожу в туалетную комнату, все цивильно. Поднимаю крышку унитаза: ба! начинается! Полный унитаз воды. В чем дело? Наверное, не исправен. Смотрю на душевую, кранов нет вовсе. Какое-то табло светится на стенке на уровне глаз. Ну вот и помылся. Звоню Просвирякову, спрашиваю: «В туалет заходил?» – «Нахожусь в нем, разбираюсь. С унитазом я знал, что у них так принято, а вот с душем засада». Иду к нему в номер, вызываем дежурного администратора. Приходит, увидев нас в туалете, смеется. Видимо, мы не первые. Жестами объясняем. Она говорит по-английски: «Easy». Берет душевой рожек, над ванной поворачивает кольцо у основания рожка, вода заструилась. Сенсорным табло выставила сорок градусов. Тепленькая пошла. Мы, радостные, как два папуаса, поблагодарили дежурную и дружно смеялись своей беспомощности.

Переговоры освещать не стану, не интересно. Китайцы переговорщики еще те. Все жилы вытянут, и все с улыбочкой. И всё зеленым чаем угощают. Дважды прерывали совещание, уходили на партийное собрание. Сильна компартия Китая!

Вечером – ресторан. Опять удивили роскошью интерьеров и количеством залов. Разместили нас в отдельном кабинете. С китайской стороны было пять человек, включая переводчика. Круглый стол, на столе вращающийся круг с боль-

шим количеством блюд. Выбрал понравившееся, поворачивай круг и бери. Все свежайшее. Рисовая водка, одна бутылка со змеёнышем на дне. Закуски, много зелени. Нам принесли вилки, ложки, у местных – палочки. Сидим вкушаем. Первый раз попробовал суп из лягушки. На куринный похоже. Дошло дело до песен. К нашему стыду, китайцы запели «Катюшу», мы подпевали.

На следующий день опять переговоры. В результате составили протокол о намерениях. Впереди два выходных и наш отлет. Пригласили китайянку, звать Дэнни. Сказали, что она будет нашим гидом на выходные. Дэнни изучает английский, так-то поболтаете, мол, с ней. Показали программу экскурсий. Великая китайская стена и запретный город – обязательно. Остальное – по усмотрению.

Утром Дэнни встретила внизу, и мы полетели смотреть Великую китайскую стену. Мчимся по платному шоссе, шесть полос в каждую сторону. Над Пекином висит смог. Лондон отдыхает. Кругом высотки и суперразвязки.

Добрались до цели. Очередь на фуникулер, как у нас в разгар сезона в Эрмитаж. Поднялись, идем, обзираем, фотографируемся. Вдоль стены устроились торговцы сувенирами. Продают китайские гравюры. Говорю Дэнни, что у меня сын художник, хочу привезти ему гравюру. Она просит не торопиться. Купим на обратном пути. Мне понравилась одна из картин. Спрашиваю продавца: «How much does it cost?» – «Thousand dollars», – отвечает китаец. Не хило, за штуку бак-

сов. Дэнни тянет за рукав и говорит: «Later». Ну ладно, потом так потом, ей виднее.

На обратном пути, подходя к торговцу искусством, Дэнни говорит: «Give me hundred dollars, please». Я даю ей столик баксов. Она подходит к продавцу, и они долго балакают на своем наречии. Минут через пятнадцать китаец свернул трубочкой гравюру и подходит ко мне. Улыбается, протягивает картину.

«Руси, руси», – бормочет он. Дени объясняет: «Он вас за американца принял, а когда я объяснила, что вы из России, он сделал скидку». «Хороша скидка в девятьсот баксов. Короче, не родись красивым, а родись в России», – сделал вывод для себя. Поблагодарил обоих участников торга, и мы продолжили экскурсию.

После экскурсии поехали пообедать в ресторан, пообедав, направились в Запретный город. Вылет завтра вечером, так что поход за сувенирами намечаем на завтра.

Погода теплая для марта, градусов семнадцать, солнечно, кругом цветы. Обошли все уголки Запретного города, а он, кстати, по площади семьдесят два гектара занимает, сделали несметное количество фото. Всё-таки история, в 1420 году основан. Будет, что дома показать.

Утром Дэнни повезла нас на громадный рынок в центре города. За день не обойдёшь. Потеряться – пара пустяков. Держимся кучкой. Сувениров – пруд пруди. Мы ничего не смыслим в них. Объясняем Дэнни, что бы хотели приоб-

рести. Она сразу сориентировалась и повела нас на третий этаж. Там спокойнее и товары выглядят приличнее. Накупили по два пакета: бронзовых драконов, колокольчиков, фонариков, оберегов и прочей китайской мишуры для раздачи родственникам. Просим что-нибудь из фарфора. Купили чайные сервизы. Обидно, что во время разгрузки багажа не все уцелело из хрупкого, почти прозрачного фарфора

Глава пятая. Казусы взрослой жизни

На скорость не влияет

Летом 1989 года пришла открытка из автомагазина. В открытке сообщалось, что я должен явиться в магазин, имея при себе девять тысяч семьсот рублей и необходимые документы, удостоверяющие личность, для оформления покупки автомобиля марки «Москвич-2141».

На открытой площадке сиротливо сбились в стайки автомобили отечественного автопрома. На почетном месте стояли новенькие «Волги ГАЗ-24» – мечта состоятельных граждан СССР. За ними ряд моделей завода «АЗЛК» – «Москвичи» всех модификаций, кроме 2141. За «Москвичами» – ярко желтые «Запорожцы», в народе их называли ушастые, так как заборные сопла для воздушного охлаждения двигателя размещались сзади, на месте багажника, и напоминали оттопыренные уши.

Где же «сорок первый»? Продавец ведет меня в самый конец площадки. Вот они, всего два, цвета «арахис». Выглядят необычно, смахивают на иномарку. Продавец объясняет, что это первая партия в Ленинграде. Показывает на один

из них «Это твой», – говорит он. – Другой уже продан администрации Октябрьского района, на нем будут возить прокурора района. Так что тебе повезло – гаишники реже будут останавливать».

Сажусь за руль. В салоне просторно, приятная обивка, удобные кресла, необычный дизайн, мягкий руль и стационарный радиоприемник. В углублении для мелких вещей лежат какие-то детали и бумажки. Читаю: «М8 не пошла, крепеж воздухозаборников – сорвана резьба», и тому подобные записи. Подпись – контролер ОТК № 56, фамилия и подпись. На дне – горсть крепежа и деталей непонятного назначения. Спрашиваю продавца, что за прикол. Тот улыбается и успокаивает, мол, на скорость не влияет, разберёшься. Можешь, конечно, отказаться от покупки, деньги-то не уплачены. Шутку продавца оставляю без комментариев.

Вставляю ключ в замок зажигания. Поворот ключа, мотор сразу заурчал. Уже приятно. Работает устойчиво, стрелка тахометра не прыгает. Двигатель жигулевский! От «ВАЗ-2106». Тоже плюс, я знаю его, как свои пять пальцев. Предыдущая машина была «шестёрка». Сделал круг по площадке. Продавец предупредил, бензина – два литра, смотри, до заправки не дотянешь, глуши мотор.

Идем в кассу, килограмм ассигнаций выкладываю кассиру в окно. Жду минут двадцать. Наконец, в ответ из окна «Справка-счет» документы о покупке авто и ПТС. Срочно на заправку, а затем в ритме вальса на шоссе Револю-

ции. Новые автомобили регистрировали только там. Очередь человек тридцать. Окно оформления документов всего одно. Часов через пять получаю свидетельство о регистрации транспортного средства и государственные номера. Уставший, голодный, как бродячая собака, но счастливый и гордый. Слава богу все позади! Прикручиваю номера. Вокруг собралась толпа автолюбителей. Все желают пощупать новинку «АЗЛК». Цокают языками, одобрительно хвалят внешний вид. Просят открыть капот и посидеть в салоне. Ну как тут откажешь изголодавшимся по новинкам согражданам. Находятся среди них и скептики, ехидно отпускали шуточки. Мол, слизали устаревшую французскую модель «Симка». «Завидуют», – про себя подумал я. А ну, мужики, расступись! Мне еще предстоит дальняя дорога. Надо было вернуться на дачу в Черницы, а это двести шестьдесят километров пути.

Еду по Измайловскому проспекту в сторону Обводного канала. Подъезжаю к перекрестку, у светофора стоит трактор «Кировец»: желтый силуэт, знакомый до боли. У меня в салоне звучит приятная музыка. За мной выстроилась очередь из легковушек, ждем зелёного светофора. Замигал желтый свет, все приготовились. «Кировец» то же включил передачу и почему-то плавно откатывался назад. Я посигналил. Трактор остановился, но прицепное устройство повисло над моим капотом. Взревел трёхсотлошадиный мотор тягача, он слегка присел и шарнирное прицепное устройство

вонзилось в тело капота моего новенького красавца. Проклятое устройство вернулось в исходное положение. Тягач, набирая скорость, скрылся за поворотом, не обратив внимания на инцидент. Сзади гудели авто, требуя освободить проезжую часть дороги. Эх! Блин горелый!!! А ведь все так хорошо начиналось! Отъехал, остановился у обочины. Осмотрел вмятину. Величиной с куриное яйцо. Обидно, досадно, ну да ладно! На скорость не влияет, вспомнил я фразу продавца и поехал на дачу.

Не имей сто рублей, а имей сто друзей

Ранним солнечным утром еду на работу по Проспекту Стачек. В салоне автомобиля звучит бодрящая музыка. Про себя отмечаю, чем сложнее времена, тем веселее музыка. Интересно знать, как у других народов? Проспект еще не перегружен транспортом. Попадаю под зеленую волну светофоров. Лечу без остановки. Вот и улица Трефилова, проскочил, успеваю под зеленый у Кировского исполкома. Надо добавить газу, чтобы у Ивана Черных успеть проскочить. Жму на педаль газа. Вижу, горит зеленый, до светофора метров пятьдесят. Заморгал предупреждающий желтый. Добавил газу. Замечаю, из-за угла справа, с улицы Иван Черных летит «Копейка» на полной скорости. За рулем такой же любитель острых ощущений. Оба по тормозам. Но законы физики не обманешь, момент инерции стыкует нас на перекрестке. Мой «2141» въехал в левое переднее колесо «ВАЗ-2101». Колесо наклонилось под сорок пять градусов, наверное, сорвало шаровые опоры. «Жигуль» слегка наклонился в пострадавшую сторону. Вот и встретились два одиночества.

Включаю сигналы аварийной стоянки и иду выставить красный треугольник сзади автомобиля. Все, как учили. Из салона «ВАЗ-2101» вылезает водитель. О! Боженька! Что с ним? По лицу и с ушей стекает какая-то желеобразная сту-

денистая жидкость. На голове в волосах что-то ярко желтое с белыми включениями. Первое, что приходит на ум, – пробита голова и мозги вытекают. Час от часу не легче! Смотрю, парнишка достал из кармана носовой платок, утирается. Слава богу, не мозги, а что-то другое. С пассажирского сидения сзади водителя вылезает тетка, килограмм сто живого веса, с воплями и причитаниями начинает бегать вокруг машины. Я предлагаю парнишке вызвать ГАИ. Он уговаривает разбежаться по-тихому. Я осмотрел своего красавца. Трещина в пластмассовом бампере сантиметров двадцать пять и согнутый госномер. Вроде бы легким испугом отделался.

«Как ты себе представляешь разбежаться на своем трехколесном. Без эвакуатора тебе не обойтись, а это полдня займет. Мы же не в Америке.

Тетка бежит, продолжая верещать. Прошу парнишку успокоить свою мамашу. Он объясняет, что это теща. Вынула его, с утра пораньше, по торговым точкам проехаться за продуктами. Купила по случаю клетку яиц, из бережливости держала в руках перед собой. Когда машина экстренно затормозила, вся эта яичница у меня на голове оказалась. У жигулевских моделей первых выпусков подголовников не устанавливали.

Я обращаюсь к его теще: «Мамаша, вы бы лучше в салоне посидели, а еще лучше шли бы домой, а то не дай бог под машину попадете. Здесь у нас надолго». Женщина заверещала еще громче, обвиняя меня во всех земных грехах.

Я закрыл машину на замок и пошел к телефонной будке. Набрал служебный номер соседа по лестничной площадке, Владимира Петровича. Он работал в ГорГАИ на улице Попова в звании полковника. Изложил ситуацию и попросил совета, что делать. Петрович сказал, что позвонит в Кировское ГАИ, попросит ускорить процедуру оформления аварии.

Действительно, минут через пятнадцать подкатила с проблесковыми маячками машина ГАИ. Вышли два лейтенанта, составили схему аварии, рулетками замерили расстояния от тротуара до объектов аварии. Дали нам расписаться, предварительно забрав наши документы на авто и на право управления транспортным средством. У парнишки не оказалось доверенности на автомобиль, принадлежащий тестю. Потому-то он и предлагал разбежаться по-тихому. Лейтенант выписал мне квитанцию для уплаты штрафа за обоюдное нарушение правил вождения и подсказал, где находится ближайшая сберегательная касса (ныне именуется «Сбербанк»).

Оплатил штраф, забрал документы и скорее на работу. За мной теперь должок Петровичу. В обеденный перерыв сходил в гастроном «Стрела», купил поллитровку грузинского коньяка в качестве презента за ускорение процесса. В противном случае, без помощи соседа, освободился бы только к вечеру. Поговорка «не имей сто рублей, а имей сто друзей» в советское время была весьма актуальна.

Кстати, о нравах доперестроечного времени. Петрович наотрез отказывался взять коньяк и только после настойчи-

вых уговоров согласился распить у него на кухне совместно. Надька, его жена, еще и «Сибирскими» пельменями накормила. Семейный автомобиль полковника стоял под окнами и назывался «Горбатый запорожец», это еще один сравнительный штришок по поводу коррупции тех времен.

Засада

Едем с Леной на дачу. В поселке Мшинская с Киевского шоссе поворачиваем в сторону садоводства с тем же названием. Путь в деревню Владыкино, где была наша дача, лежал через садоводство. Путепровода через железную дорогу в то время еще не было. Был переезд, не оборудованный шлагбаумом. Садоводство самое большое в Ленинградской области. Сто тысяч участков. Естественно, поток автомобилей, даже для того времени, был плотный. Лакомый участок для гаишников из Луги.

Подъезжаем к ж/д переезду. Метров за двадцать до переезда на обочине стоит «Запорожец». Поскольку обочина узкая, часть «Запорожца» выступает на проезжую часть. Включаю указатель поворота – предупредить следующих за мной водителей о маневре. Разметки на дороге нет. Подъезжаю к переезду, боковым зрением замечаю, в кустах сидит гаишник с прибором для определения скорости движения. Тихонько переезжаю железнодорожные пути. Метров через пятьдесят асфальтированная площадка, на ней стоит автобус с логотипом ГАИ. Рядом пара автодачников и офицеры ГАИ. Проверяют документы. Останавливают и меня. Подаю документы для проверки, сам остаюсь в салоне. Гаишник морщится, глядя на мою наглость и идет в сторону автобуса. Сижку, проходит минут двадцать, сижу, жду.

Дачников постепенно отпускают. Заметил, как все заискивающе улыбаются, суют сотенные купюры проверяющим.

Останавливают через одного, тормозят в основном крупняк на иномарках или на навороченных отечественных «Ладах».

Наконец, лейтенант с моими документами подходит ко мне, просит открыть капот и багажник. Приходится выйти из машины, продемонстрировать содержимое, а главное – лояльность к власти. Бюститель законов все проверил и говорит: «Что же вы, Александр Викентьевич, грубо нарушаете правила дорожного движения?» Прошу объяснить, какой именно пункт правил я нарушил. Лейтенант чеканит, пункт такой-то: «обгон транспортного средства перед ж/д переездом запрещается. Наказание – лишение прав до полугода или штраф пятьсот рублей». Я ему говорю, что обгон не совершал, вынужден был сделать объезд неисправного транспортного средства при отсутствии водителя в нем.

«У нас все зафиксировано, будете штраф платить или протокол оформлять?»

«Протокол», – говорю я. Идем в автобус. Там сидит напарник в лейтенантских пагонах. В два голоса, сочувственно уговаривают заплатить, а то проблем не оберёшься. В сберкассу можно не ехать, мы сами все оформим. От такой наглости до тошноты противно стало. Говорю: «Оформляйте протокол, напишу свое мнение».

Еще полчаса морочили мне мозги, забрали права, выпи-

сали временные на три месяца.

«Закончатся сроки, приезжай в Лугу, мы продлим. Путь ты выбрал тернистый, так что дерзай», – ехидно улыбаясь, объявил законник.

Они были, к моему сожалению, правы. Гоняли мои права служебной почтой по всем районам города. Даже при моих связях удалось получить их только через пять месяцев в Ленинском отделении ГАИ, на двенадцатой Красноармейской улице. Это район, в котором я когда-то был прописан, работал и избирался депутатом. Подводя итоги моих мытарств, вспомнил спектакль по пьесе А. Н. Островского «Правда – хорошо, а счастье лучше». Это были годы с романтическим названием лихие девяностые.

Земляки

Закончился рабочий день, на улице еще светло. В начале марта день заметно увеличился. Еду по Обводному каналу в сторону торгового порта. День-то увеличился, а зима не сдается, дворники нагрести огромные кучи снега вдоль тротуаров. Ночью снегоуборочные машины займутся вывозкой снежных пирамид. Вспомнилась поговорка «Март, марток – надевай трое порток». На перекрестке у Старо-Петергофского проспекта стою жду зеленого сигнала. Выдержка там большая. В зеркало заднего вида замечаю быстро приближающую белую «шестёрку». Водитель пытается тормозить, но не получается. Перед перекрестком все притормаживают, и проезжая часть обледенела, словно каток.

Мужик и охнуть не успел, как на него медведь насел. От удара мою машину, как бильярдный шар, на середину перекрестка выбросило. Чудом на перекрестке никого не оказалось. Включаю аварийную сигнализацию, выхожу, осматриваю место поцелуя. Бампер треснул, болтается на соплях, задняя дверца багажника хэтчбека открыта, но не помята. Стенка багажника вдавлена внутрь сантиметров на десять, естественно, изуродован регистрационный номер и трещина в блок фаре стоп-сигнала.

Подхожу к возмутителю спокойствия. Номера, смотрю, не питерские, незнакомого региона. У «шестёрки» разбита ле-

вая фара, помят бампер, вылетела решетка радиатора. Двигатель работает, тосол не подтекает, значит повезло парню.

Вылезает из машины спортивного вида крепыш, кожаная куртка нараспашку, на голове вязанная шапочка. Шея, как у быка толстая, на шее золотая цепь, толщиной с палец. На вид парню лет двадцать пять.

Спрашиваю:

– Из каких краев будете? Номера-то не местные.

– Из Иркутска. – буркнул он.

– Ба! Земляк значит! Что же ты, земля, в меня въехал, а не в сугроб? Вон их у обочины до дуры. Тебе помягче бы было и мне не столь хлопотно.

– Не успел. – ответил сибиряк.

– Ну раз не успел, пойдем ГАИ приглашать.

– Слышь, батя, может без ментов разберемся?

Вот, блин, еще один сынок нашелся, а что, я раза в два старше его.

Пан спорен не унимается, предлагает оценить ущерб, нанесенный мне, и он компенсирует. О времена, о нравы!

Пытаюсь объяснить, что это не так просто сделать, мол, тебя грабить не хочется, земляк всё-таки, а тем более себя обижать не с руки.

Замечаю на трамвайной остановке, пропуская пешеходов, стоит знакомый микроавтобус УАЗ «Буханка» из нашего гаража.

Предлагаю гастролеру остановить независимого экспер-

та для оценки. Сибиряк соглашается. Помахал рукой Лехе, который сидел за рулем «Буханки». Показываю жестом припарковаться. Леха вышел из машины и пытается что-то сказать. Я подмигнул ему и громко кричу: «Уважаемый, не сможете разобраться в ситуации?» Леха, парень сообразительный, игру принял. Подходим к моей машине. Спрашиваю Алексея:

– У вас, наверное, есть опыт в ремонтных работах, в какую сумму вы бы оценили этот геморрой?

– Кое-что в этих делах соображаю. Всё-таки начальником гаража работаю. – входя в роль, заливает Леха. Пнул ногой бампер, тот, в ответ, жалобно скрипнул. – Вот эта штуковина на черном рынке полторы штуки стоит. – Нагнулся в багажник, постучал кулаком зачем-то вдавленную во внутреннюю стенку и сказал: – Кузовных работ, тоже на полторы потянет. – Поковырял ногтем большого пальца треснувший фонарь стоп-сигнала и заявил: – Блок фары придется заменить обе, чтоб не отличались. Ну и крепеж разный и прочие шалобушки, с работой еще на полторы потянет. Итого, в четыре с половиной, наверное, можно уложиться.

Я поблагодарил эксперта и попросил у него номер телефона, в случае чего, выступить свидетелем в ГАИ. Алексей продиктовал, я записал номер в блокнотик. Пожал ему руку, извинившись за беспокойство начальника гаража. Леха, едва сдерживая приступ смеха, поскорее удалился.

Во время экспертизы мой земляк молчал, нервно играя

желваками.

– Ну так, что, разбежимся, однако? – спросил он.

Я медлил с ответом, потом сказал:

– А если гаишники остановят, начнут мозги компостировать?

– Я накину тебе пятьсот рублей за хлопоты, так что разберёшься.

– Неси свои серебряники. – сказал я.

Он быстро зашагал к машине, порылся в спортивной сумке «Адидас», вернувшись, вручил мне пачку пятидесятирублевых, стянутых резинкой. Словно на паперти собирал.

– Здесь сто листов, можешь не проверять. – процедил сквозь зубы бизнесмен.

Я расправил веером купюры, на предмет не «куклу» ли мне вручили. Это часто практиковалось в девяностых.

Он скорчил ехидную гримасу и выдавил из себя: «Обижает, отец, „куклами“ не занимаемся».

Я спрятал деньги во внутренний карман куртки и сказал сибиряку: «Пока, сынок, будь осторожнее, дороги в марте очень коварные», – и пошел прикручивать крышку багажника к кузову. Проволокой примотал бампер, чтобы не потерять по дороге и поехал парковаться в гараж.

А мой теперь знакомый бизнесмен, отбросив ногой в сторону отвалившиеся детали, сел в авто и поехал собирать дань с ларечников. (Но это всего лишь мое предположение, возможно, я ошибаюсь.)

В субботу с дефектовочным списком поехал на проспект Энергетиков, где размещался громадный рынок автозапчастей. Закупил все, что требовалось, кроме бампера. Решил отремонтировать своими силами. Стоил он действительно полторы тысячи. Еще успею заменить, а то вдруг еще какой ни будь земляк захочет познакомиться.

После покупок оставалось три с лишним тысячи, и это моя зарплата за труды, успокоил себя я.

Воскресенье провел в гараже, снял бампер, трещину заварил паяльником, отремонтировал места крепления, винтовыми распорками исправил заднюю стенку багажника, подогнал замок задней двери, заменил блок фары стоп-сигнала на новые, отрихтовал регистрационный номер. Любо-дорого посмотреть, если особенно не придирааться, мой труженик выглядел, будь то только что сошел с конвейера.

Топорная работа

Весной 1972 года мы переехали в новую трехкомнатную квартиру. Она размещалась в четырехэтажном старинном доме на шестой Красноармейской улице. В царские времена и до 1923 года улицы назывались ротами, их было тринадцать и там каптировались офицеры и солдаты лейб-гвардии Измайловского полка.

После капитального ремонта были заменены деревянные перекрытия на железобетонные, коммуникации оборудовали согласно современным требованиям и была сделана современная, на тот период, планировка помещений. Высоту потолков оставили прежнюю: три метра двадцать сантиметров. (Для сравнения по СНиПу могли бы сделать два с половиной метра, как в новостройках.)

Первый этаж заняли под пельменную с названием «Сибирь». Тесть шутил, что это, наверное, в честь тебя Саша. Я не спорил, пусть будет так.

Наша квартира располагалась на третьем этаже. Лифта, естественно, не было. Когда заселились, кроме стен с простенькой отделкой ничего не было, правда, полы паркетные и кухня пятнадцать метров в два окна. Начали обживать. Женская половина забеспокоилась: нет шпингалетов ни ванной комнате, ни в туалете. Надо сделать, на тестя надежды нет, с утра и до позднего вечера на работе, приходит только

спать.

Купил в хозяйственном магазине пару шпингалетов, крепежа в комплекте советский сервис не предусматривал для такого рода изделий, ищите сами. Купил сто граммов гвоздей, так как шурупы тогда были ужасного качества. Продавщица завернула все в газету, гуляй, Вася, радуйся жизни. Скорее домой, исполнять желание любимой тещи. Из инструментов дома я обнаружил только набор столовых ножей и молоток, на разболтанной рукоятке. Приколотил шпингалеты под свой рост, попробовал закрыть, закрываются. Жидковато конечно, но в конце-то концов, не от бандитов запирайтесь.

Банный день в субботу. Теща первая шнырк в ванну, воду набирает. Слышу, дверь на защелку закрыла, ворчит чем-то, недовольная. Водные процедуры закончила, шпингалетом щелк, из ванной выходит с воплями: «Маткин берег! (это ее самое страшное ругательство) Топорная работа!» – держась за палец, не унимается она.

Так, думаю, ну сейчас развлечемся, обновим обстановку. Тесть пытается сгладить назревающую бурю. (Теща была полтора метра ростом, и он называл ее Малыш.) Тесть говорит: «Малыш, да у нас даже и топора то в доме нет. Все инструменты на даче или в гараже. Так что даже ума не приложу, как Саша умудрился закрепить шпингалеты?» Теща возится с аптечкой, заклеивает ссадину на пальце пластырем. Морщит верхнюю губу. Чувствую громоотвод сработал, взя-

лась за тестя: «А ты не защищай, адвокат нашелся, мог бы и сам сделать, а не сидеть в гараже, ляды точить!» Постепенно буря затихает, у тещи характер отходчивый.

На следующий день Александр Алексеевич притащил из гаража фибровый потертый чемоданчик с инструментами. Я переделал топорную работу, получилось прилично и удобно. Павла Дмитриевна сделала верхнюю губу скобочкой, что означало, она довольна работой, но хвалить не собирается.

При наличии инструмента я продолжил благоустраивать квартиру. Смастерил антресоли в прихожей, высокие потолки позволяли. Из дубовых шлифованных реек сделал вешалку для верхней одежды, тумбочку для вещей и обуви. Над тумбочкой – зеркало в полный рост. Прихожую закончил, взялся за кухню, работ непочатый край. Слышу, теща по телефону нахваливает подругам мои изделия. Ну, думаю, психолог хренов, ни разу комплемента, глядя в глаза, не сделала. «Топорная работа! Маткин берег!» – передразниваю тещу.

Нашествие насекомых

Примерно через полгода жизни в новой квартире случился коллапс. Появились клопы. Откуда они могли взяться прясле такого капитального ремонта? Лезли из всех щелей, ползали по потолку, совершая ночью прыжки на новеньких поселенцев. Накупили разной отравы, хлорофос, дихлофос, дуст и прочую химию. Спрячутся на время и опять кровь пить. Говорят, клопы по триста лет живут. Здоровенные паразиты попадались, давлею такого и думаю: «Вот ты, гад, наверное, двести лет назад какого-нибудь поручика лейб-гвардии Измайловского полка жрал, теперь и до меня добрался!» Шутки шутками, а делать что-то надо. Соседи по площадке – еврейская семья, муж и жена, оба врачи, с ними еще два сына студента и бабушка жили, но суть не в этом. Я их спрашиваю:

– Вас клопы не беспокоят?

– Ой! Что вы, уже совсем зажрали. Спать-таки невозможно!

Опросили остальных жильцов, та же картина. Сосед, что справа, предлагает заявление в санитарно-эпидемиологическую станцию (СЭС) написать, по одиночке с бедой не справиться. Составили бумагу, все подписались, и я снес ее на четвертую Красноармейскую улицу, где размещалась районная СЭС.

Дня через два пришла сотрудница СЭС, собрала всех пострадавших и выдала памятки с планом действий. Предупредила, что бы в указанное время были дома и имели место, где можно переночевать пару дней, у родственников, друзей или на даче. «А иначе нам удачи не видать!» – заявила она и удалилась.

После дезинфекции все шло отлично года два. Следующая беда пришла из пельменной «Сибирь». Поперли толпами тараканы. Внизу травят, они к нам. Оставят потомство и когда в пельменной дух отравы вывернется, обратно на пельмешки потянуло. Молодёжь усатая у нас резвится. Мы, теперича, не то, что давеча, – стреляные воробьи, знаем алгоритм борьбы с насекомыми, чуть что – сразу в СЭС. Так вот и воевали, пока в продаже не появились импортные ловушки с генными хитростями. Сожрет таракан приманку в такой ловушке, а она ему ниже пояса хрясь! И он евнух. Наследников не будет, некому завещание оставить! Прогресс! Наука не дремлет!

Норковая шляпка

Третьего февраля Павла Дмитриевна обычно отмечала свой день рождения. Хотя по паспорту и метрикам значилась другая дата, что-то ее родители нахимичили. Родилась она до революции в 1915 году, при царствовании Николая II. Но суть не в этом. Был очередной день рождения, шестьдесят четыре года исполнилось. Пригласила родственников. Собралась в основном ближняя родня, пришли нарядные, с гвоздиками. Наташка, племянница виновницы торжества, только что норковую шапку-шляпку купила. Дорогушая, всю учительскую зарплату за месяц работы вбухала за «норку». Ходит по квартире, не снимает, хвастается. Гости уже за праздничным столом собрались, руки потирают, под ложечкой урчит. Наташке мать кричит: «Да садись ты, уж все заждались!» Наташка шляпку аккуратно сняла и смотрит, куда бы ее положить, чтобы не помять. Сдвинула, на полке у зеркала, в сторону заячьих головные уборы гостей, свою с краю положила.

Тесть за новорожденную тост произнес, тостующий пьет до дна! Загудел народ, покраснелся, фирменный салат оливье по тарелкам разобрали, холодец с хреном подают. В общем, дым коромыслом, графинчики с наливочкой, да казенной водочкой, знай, меняются. Самый трезвый из гостей возню в коридоре услышал и говорит: «Там еще кто-то при-

шел». Павла Дмитриевна мужу говорит: «Коти, (так она называла мужа, хотя котяра был еще тот), сходи посмотри, может Дунай из маленькой комнаты выбралась?» Дунаем звали щенка охотничьей породы «лайка». Тестю кто-то подарил, и щенок жил в квартире. При слове Дунай, не успел тесть выбраться из-за стола, вот и он. Радостный, хвостом крутит, хозяину добычу в зубах несет, «норку», естественно. Не на кролика же размениваться, чай не дворняга бездомная. «Норку», предварительно, пожевал, на зуб попробовал и вот тебе, хозяин, добыча первая моя. Гости так и обмерли. На Наташку смотрят, та в предобморочном состоянии, ресницами хлопает, слезы, с горошины величиной, по щекам кататся. Что тут началось! Ольга Дмитриевна, мать Наташки, поклялась придушить эту псину. Остальные, кто во что горазд, кто Наташу успокаивает, кто в адрес тестя ругательства шлет, кто улизнул на кухню перекурить это дело.

Тесть Дуная за шкуру, «норку» под мышку и в маленькую комнату шмыгнул.

Погоуляли! Справили именины! Женщины поспокойнее шапку забрали, пытаются придать ей в приличный вид. Остальные гости по домам засобирались. Именинница пообещала Наташе расходы за ремонт компенсировать. Наталью обещание не успокоило. Все разошлись. Ну, Александр Алексеевич, берегись!

Когда буря стихла, на семейном совете постановили отвезти Дуная в деревню к брату тестя в Новгородскую об-

ласть. Но судьба распорядилась по-своему и перепутала все карты.

На следующее утро тесть повел Дуная на прогулку. Прицепил на поводок, намотал поводок покрепче на руку, чтоб не убежала, собака молодая, резвая. Вышли из подъезда, а там кошачья свадьба. Дунай такого безобразия безнаказанно оставить не мог, рванулся в сторону кошек. От неожиданного рывка Александр Алексеевич упал коленкой на кромку канализационного колодца и расколол коленную чашечку (мениск). Скорая увезла в больницу им. 25 Октября, что у Троицкого собора. Больница старинная, открытая Анной Иоановной как лазарет для солдат Измайловского полка. А в наше время предназначалась специально для пострадавших с различными травмами, пациентов везли сюда со всего города.

Мы, когда пришли навестить пострадавшего, были поражены. В коридорах на носилках лежали бомжи с различными травмами. Заходим в палату – мать моя женщина! – пятнадцать кроватей с одной стороны и столько же с другой. Все в гипсе и бинтах, в одинаковых пижамах. Стоит гомон и стоны. С большим трудом находим нашего пациента. Ему уже наложили гипс. Обрадовался нашему приходу, лыбится. Теща закусок с праздничного стола накрутила, в тумбочку раскладывает. Попросил костыли на прокат взять и принести ему, а то в утку неловко ходить. Попрощались.

На следующий день его Наташка навестила, она рядом с

больницей в школе работала. Принесла два апельсина, но уходя, сказала: «Это тебя, дядя Саша, Бог наказал!» Дядюшка ей в след: «Наташа, не я же твою шапочку жевал!» Она повернулась и говорит: «Лучше бы ты ее пожевал, чем твой кобель!» Развернулась и пошла спортивной походкой, зарабатывать деньги на новую «норку».

Золотые руки

Не знаю, когда и какому мудрецу пришла в голову эта метафора «золотые руки». Лично мое отношение к ней негативное. Это выражение, по меньшей мере, должно обижать настоящих мастеров, которым обычно предназначено данное выражение. Потому как руки могут быть хотя бы брильянтовые, но если вместо мозгов опилки, то результат от стараний будет плачевный. Но я не об этом, сказанное выше – просто преамбула.

Мне приходилось встречаться с породой людей, которых я характеризую как хитрованы, хотя мой отец называл таких нелитературным словом, оно более ёмкое по смыслу. Философия таких людей начинается с фразы: «У меня руки не из того места растут». Далее следует банальная просьба: «Слушай, Саша, ты мастер на все руки, посмотри, у меня почему-то электричество вырубил?» Естественно, спрашиваю: «В сеть подключал что-нибудь?» Отвечает: «На работе сверлильный станок выбросили, так я его привез, тяжеленный, не поднять одному». Уточняю: «Почему выбросили?» – «А пес их знает, станок-то хороший, в хозяйстве пригодится, я его в розетку включил и все погасло». Понятно, короткое замыкание. «Из розетки вытащил вилку?» – допытываются я. «Если вытащил, то иди, на входе перед счетчиком стоит автоматический выключатель, посмотри, если рычаг в нижнем

положении, переключи в верхнее. И не пытайся снова включать в сеть свое чудо. А то неровен час, деревенскую подстанцию отрубешь». Не унимается просит включить АВС. Объясняю, что это проще пареной репы. Он продолжает калячить: «Я электричества боюсь, еще шибанет». Ну думаю, дачник, хренов. «А если меня шибанет, и я лапы склею?» – шучу я. «Не склеишь, у тебя руки золотые», – подхалимничает хитрован.

Чисто из спортивного интереса иду посмотреть, что за станок притащил хозяйственный сосед. По пути включил АВС, подхожу к станку. Осматриваю электродвигатель, оказывается трехфазный на триста восемьдесят вольт. Пытаюсь выяснить, как ему удалось трехфазный двигатель в однофазную сеть подключить. Он объясняет, что очень просто, провода были отрезаны у станка, и он, экспериментатор, от старого кипятильника провод с вилкой позаимствовал и прикрутил к обрезкам у станка. Объяснил ему, что двигатель для твоей сети не подходит, и если он будет продолжать эксперименты, то наверняка лапы склеит.

Но я заметил, нужда и время хитрованов лечит. Смотрю, дорожки плиткой выложил, строгальные станки и циркулярная пила заработали. Ну, думаю, у соседа руки позолотой покрываются, теперь дела пойдут в гору.

«Крот»

В конце девяностых и начале двухтысячных один за другим ушли в мир иной представители старого поколения, проживавшие по соседству с нами дачники деревни Владыкино. Наследниками, а значит и собственниками домов и приусадебных участков стали их дети нашего возраста, плюс минус десять лет. Взаимосвязи укреплялись, ходили в гости друг к дружке, праздновали вместе важные даты и события. Помогали выживать друг другу в тяжелые времена, давали деньги в долг, разрешали пользоваться инструментами, садовой техникой и обменивались саженцами. В общем, все, как и должно быть в порядочном российском общезитии. Со временем среди ближних соседей выработалась устойчивая фраза: «Сашка все знает, у Сашки все есть». Они уже не спрашивали к примеру: «Саша, у тебя есть то-то и то-то?», а сразу говорили: «Саша, дай мне метров десять двухжильного кабеля сечением полтора квадрата». Дело житейское, почему бы не выручить?

Как-то приходит сосед слева и говорит: «Викеньтич, я смотрю, твой брус у моего забора валяется, я заберу его? Хочу сыну качели сделать». Действительно, у меня от строительства бани остался шестиметровый сосновый брус 150 на 150. Я отвечаю: «Ну, во-первых, не у твоего забора, а у моего, а во-вторых, брус не валяется, а складирован по

всем правилам и дожидается своего применения. Ну коли ты просишь для сынишки, дело святое, забирай!» Радостный бежит к брусу, забрать его, пока я не передумал. Хиловат, мужичонка! Не справиться одному. Подхожу, предлагаю помочь, одобрительно кивает. Взялись с двух сторон, перебрали через забор на его территорию. Я ему говорю: «Дальше сам справляйся, ты моложе меня и спина, надеюсь, в порядке». Смотрю, жена нарисовалась, на помощь спешит. Взялись дружно, как два муравья, потащили. Дармовой-то груз не в тяжесть.

Купил я как-то культиватор «Крот» с итальянским двигателем и двумя скоростями движения вперед и одной назад, отличная штука для огородника. Вспахал все грядки, привел в порядок технику и на место, в сарай, до осени поставил.

На следующий день смотрю, идет соседushка. В защитной униформе, тельняшка поддета, берет на голове. Ну прямо десантник из Псковской дивизии. Он действительно родом из тех краев. Начинает разговор:

– Вижу, ты трактор приобрел?

– Не трактор, а культиватор, – отвечаю ему.

Десантник мнетса, значит, что-нибудь просить будет. И точно, спрашивает:

– Дай на время твоим «Кротом» попользоваться, а то задолбался вручную копать.

Ну как откажешь соседу? Идем в сарай, выкатываю, объясняю, как пользоваться. Покатил «Крота» со двора на бар-

щину. Весь день тарыхтел, упирался мой культиватор на соседском огороде. Чужого не жалко, паши хоть круглые сутки.

На следующий день ко мне в гости приехал Андрей, старший сын. Сидим беседуем. Слышим, затарыхтел культиватор, продолжает рыхлить грядки. Вдруг что-то хрякнуло и «Крот» заглох. Ну, думаю, кирпич или булыжник попал в лемеха, заклинило редуктор и двигатель заглох, так у меня случилось.

После обеда сидим у гостевого домика с Андреем, разговоры разговариваем. Смотрим, тащит за рога труженика. Спрашиваю: «Почему тягловым способом, а не на своем ходу?» Робко начинает объяснять: «Хотел грядки порыхлить, там узко, не развернуться. Я решил, что, если есть задняя передача, почему бы не воспользоваться. Вперед на второй скорости до конца грядки доехал и заднюю врубил, а он возьми, да и заглохни. Кожух снял, ремень привода в порядке. Двигатель завел, как часы работает, а вот лемеха не вращаются. Парадокс какой-то!»

Андрей с нетерпением дождался завершения монолога и говорит: «Я проезжал мимо твоего дома, заметил крутой автомобиль марки „Опель“ стоит. Так ты, когда в город поедешь на ней, перед Сорочкино, установлен знак «60 км» в час. Возьми и переключись с четвертой передачи на заднюю, хороший способ скорость гасить. Вот тогда о парадоксах и побеседуем». Пахарь стоит, наивный такой, лыбится и говорит: «Скажешь тоже, что я дурак что ли?» Ну, думаю,

после такого содержательного ответа и сказать нечего. Однако говорю ему: «Ну раз не дурак, тогда ставь коня в стойло». Сосед неловко потоптался и ретировался, а мы с Андрюшей пошли «Крота» разбирать, причину неисправности искать. Пришлось редуктор вскрывать, оказалось, шпильку срезало. Ремонту подлежит, времени до осени достаточно.

Сейчас, когда пишу этот рассказ, все уже разбогатели, накупили всякой китайской техники. Трещат с утра до вечера в выходные, хоть в лес убегай. Так и там спасу нет, черные лесорубы японскими бензопилами лес валят деревья. Куда бедному пенсионеру податься?

Дураков нет

Позвонил сосед по даче:

– Викеньтич, привет! Почему на даче не появляешься?

Объясняю:

– В командировке был, в следующие выходные буду.

– Слушай, у меня к тебе просьба. Серёга в университет

Герцена поступает на платное отделение. Немного не хватает денег. Не выручишь?

Учеба – святое дело, спрашиваю: «Сколько не хватает?» Называет сумму в рублях, перевожу в доллары по курсу ЦБ РФ, получается восемьсот долларов США. Рубль в то время был очень неустойчив. Спрашиваю Николая: «Тебе на дачу привезти или ко мне подъедешь? Я приготовлю восемьсот баксов». На том конца провода пауза, слышу, шепчутся с женой. Пошептались продолжаем разговор: «Викеньтич, дураков нет, мне в рублях надо!»

Я даже оторопел от такой наглости, про себя думаю, тебе не денег не хватает, а мозгов, но в трубку говорю:

«У меня такой суммы деревянных нет в наличии». Он мне советует: «Так ты разменяй баксы».

Ну это выше моих сил, даже при моей интеллигентности, нервно говорю ему: «Николай, я вижу, действительно, дураков нет, остались одни идиоты! Подумай на досуге, кто же это?» Бросил трубку. Какое-то время мы не здоровались.

Потом, наверное, дошло до него, что был не прав. В апреле я был на даче один, было Пасхальное воскресенье. Смотрю, идут с Галькой христосоваться, поцеловались троекратно, Бога пославили. Угостили меня освещенным куличом, крашеных яиц принесли. Теперь соблюдаем добрососедские отношения. С соседями, особенно по даче, скандалить – последнее дело.

Но наш разговор о дураках не прошел зря, подтолкнул Олега заняться бизнесом. Он взял в аренду ассенизаторскую машину и неплохо зарабатывал, обслуживая дачные коттеджи. «Деньги не пахнут», – говорил еще в первом веке римский император Веспасиан, когда ввел налог на общественные туалеты. Зато Серёга смог закончить педагогический университет им. Герцена. Для семьи купили в кредит внедорожник синего цвета марки «Форд». Вот и сработала поговорка: «Хочешь помочь другу, дай ему не рыбу, а удочку».

Правда, когда грянул финансовый кризис в стране и с работой стало хуже, Николай жаловался, что бизнес глохнет, заказов мало, все, что заработаю, все за аренду автомобиля отдаю. Я ему говорю: «А что ты хочешь, денег на продукты тратят меньше, значит и в туалет ходят реже. Капитализм. Жди тучных времен». Не выдержал сосед конкуренции, сдал кормильца арендодателю. «И правильно, дураков нет, ищи другую работу!» – посоветовал я Николаю. Он шутку понял, на меня не обиделся, знает, что я незлопамятный, просто память у меня хорошая.

Туалетный вопрос

Когда я работал в проектном институте оборонной промышленности СССР, в котором трудилось тысяча семьсот человек только в головном офисе, и все с высшим или среднетехническим образованием. Большинство из них – коренные ленинградцы, культурные, воспитанные, с хорошими манерами. Идешь по коридору – стоят группами по интересам, высокое искусство обсуждают во время проветривания помещений. В курилке шёпотом стихи Бродского и Мандельштама декламируют, ну прямо от гордости в грудь распирает, вот думаю, среди каких мэтров повезло мне поработать.

Но обратная сторона медали в поведении сослуживцев в моей голове никак не укладывалась. Скажем, к примеру, Булгакова волновал квартирный вопрос, ну, конечно, он же гений. Меня, рядового обывателя, обескураживал туалетный вопрос.

Обычно я приходил на службу рано, когда никого нет. Захожу в туалет, руки помыть после транспорта. Уборщица туалет надраила, все блестит, в каждой кабинке рулон туалетной бумаги, у раковин свежее туалетное мыло, красота. Храм культуры, да и только!

Доложил директору о делах, думаю, надо зайти в этот храм, чтобы потом от дел не отвлекаться. Всего минут сорок

прошло после первого посещения. Зашел в кабинку, гляжу, рулон бумаги исчез. Ну, думаю, диарея у кого-то. Заглядываю в соседнюю кабинку, мать честная, и там пусто! Знать кого-то сильно пронесло. Иду мыть руки, мыла, два куска, импортных, за сорок минут успели смылить чистюли, полностью, даже мыльница сухая.

Заглянул в кабинет заместителя директора по хозяйственной части, обрисовал картину. Валерий Васильевич улыбается, мол, для него это не новость, так всегда. Воруют! Ну, думаю, наговаривает на инженерную братию. Говорю ему: «Что-то надо делать, искать варианты. Это же болезнь какая-то!» Валерий Васильевич сквозь хохот: «И болезнь эта называется дефицит. В продаже туалетную бумагу только по случаю можно купить, вот и тянут с работы». На том и расстались. Осадочек у меня остался.

Через неделю встретил Валеру и предлагаю: «Видел я на Уралвагонзаводе в заводском туалете емкость с жидким мылом, попробуй заменить, а бумагу по норме раздай секретарям в отделы, пусть сами регулируют». Так и сделали. С жидким мылом прижилось, а вот с бумагой в отделах пришлось отказаться. Профком бучу поднял, Люда Букина (председатель профкома) от лица общественности заклеила руководство позором, мол, нельзя не доверять сотрудникам. Я хотел было ее в бухгалтерию послать (как раз на экраны вышел фильм «Служебный роман»), но сдержался, вдруг она уже успела посмотреть кино и обидится на меня, а ведь

профсоюзы – это школа коммунизма. Спрашиваю ее: «Люда, скажи честно, в дамском туалете, бумагу и мыло воруют?» Она краснеет, но признается, что та же картина, но говорит, что она должна реагировать на жалобы трудящихся. Оказывается, эта проблема была актуальна по всей Стране советов, от Калининграда до Камчатки. Валерий Васильевич через знакомых (Интернета тогда не было) нашел устройство для крепления туалетной бумаги с замком. Оборонный завод на Урале в качестве ширпотреба выпускал это нехитрое устройство. С трудом закупили десятка два, на всякий случай. Установили в кабинках. Уборщица утром зарядит устройство бумагой, язычок вытянет и на замок. И что вы думаете, помогло? Не тут-то было, народ-то технически грамотный. Мужчины научились канцелярской скрепкой вскрывать. Замок-то, чай не в банковском сейфе. Ну а дамы, те еще проще, они же рукодельницы, все вяжут шапочки для зим. Сообразили, сидит себе на унитазе, песенки мурлычет, а сама за кончик бумагу вытягивает и в трубочку мотает. Глядишь, полрулона и отмотала. Следующей оставила, справедливо. Я всегда говорил, что женщины справедливее мужиков.

Вот на этом социалистическом прошлом я и хотел поставить точку, но вспомнил, когда позже я работал в известной в России инжиниринговой компании, похожая тема всплывала. К тому времени, уже всюду свирепствовал капитализм в России. Туалетной бумаги в каждой торговой точке до трид-

цати сортов, выбирай на любой вкус. И однослойная, и трех-
слойная, и гладкая, и в пупырышек, с цветочками и без, всех
цветов радуги, даже подарочная с американскими долларам-
и в натуральную величину, а на днях даже с портретом
Трампа видел. Цена – копейки. Но парадокс – из туалета этой
уважаемой фирмы так же регулярно исчезала, и заметьте,
не подарочная с баксами, а самая обыкновенная туалетная
бумага. Дефицитом эту болезнь уже не назовешь, значит –
хроническая форма болезни под названием пережитки со-
ветского прошлого. Кто-то спросит почему советского? Чи-
тая книги о декабристах или о ссыльных дворянах в рома-
нах Достоевского и других известных писателей я ни разу не
встроил намека на поведение тех людей, испытывающих ку-
да большие потребности в бытовых вещах, чтобы кто-то из
них решился на подобный проступок. Мне опять могут воз-
разить, ишь, куда хватил, они же дворяне, сливки общества!
Извините, я-то тоже пишу о сливках нашего общества. Дама,
которая отматывала от рулона бумагу, уж наверняка счита-
ла себя интеллигентной, воспитанной на стихах Анны Ахма-
товой. А тот взломщик туалетных приборов совершал свое
гнусное дело, бубня под нос стихи Иосифа Мандельштама:
«Я вернулся в мой город, знакомый до слез, до прожилок, до
детских припухших желез», и далее по тексту. Я уверен, мой
отец, малограмотный, в рабочей семье воспитанный, возвы-
шенных стихов не читал и театры не посещал, но до такой
низости не опустился бы ни при каких обстоятельствах. В

результате размышлений, эти метаморфозы подтверждают – образованность и начитанность не есть порядочность.

Константиныч

Когда мы начали стройку в деревне, первым к нам подошел сосед из дома наискосок от нас. Звали его Константин Васильевич. Было ему лет шестьдесят пять. Он до войны родился и жил в деревне. В конце войны 1941–1945 годов служил летчиком. После смерти родителей, дом достался им со старшей сестрой пополам. Разгородили перегородкой, каждому по справедливости, аккуратно по середине среднего окна, получилось у каждой семьи по полтора окна, открывать неудобно, зато по-честному. Первая жена у него рано умерла, женился на соседке по коммунальной квартире, которая была на двадцать лет моложе его, совместных детей не было. Летом они с Ниной Николаевной жили в деревне, зимовали в городе.

Знал он все грибные и ягодные места и с готовностью знакомил нас. Особенно любил брать по ягоды молодых женщин. Видимо в молодости был любвеобильным перцем. Всю эту женскую ватагу вел тайными тропами. На пути к месту сбора ягод протекала речка Малая ящера. Через нее он знал брод, чуть меньше метра глубиной. Чтобы не замочить одежду, молодкам приходилось слегка раздеться, по крайней мере, подвязать подол платья до самого не балуй. Девки особенно не стеснялись, что со старика взять, за свою жизнь и не такие виды видывал. Так-то оно так, но Константиныч (так

мы звали его за глаза, для простоты произношения, почему не Василич, уже не помню) подзаряжался этими картинками. После брода усталость как рукой снимало, шел ходко, молодухи едва поспевали за ним. На обратном пути опять положенную дозу допинга получал. Вот тебе и дед устроился, дай бог каждому. Дома жена на двадцать лет моложе его ждет, волнуется, как там сердечко у папочки? А у папочки все чики-рики!

Еще была у него одна затея: как только солнышко греть начинает весенними лучами, девки в купальные костюмы облачаются и на грядки. Приятное с полезным совмещают. Константиныч тут как тут, вопросик у него есть. А где вопросик, там и беседа завяжется. А девки что? А че, жалко, что ли, не убудет. Дедок-то безобидный.

Принес он как-то Лене, жене моей, рассаду или что-то вроде того. Сидят, балакают, об истории деревни разговаривают. Говорит-то, в основном, Константиныч, Лена слушает, поддакивает, старожил всё-таки. А дело было в пятницу, я на работе в городе был. Константиныч на свои часы, подаренные командиром лётного полка за боевые заслуги, взглянул и говорит: «Ну ладно, скоро семь часов, я полетел до хаты, а то скоро Сашка с работы приедет, чего доброго приревнует». Лену аж в жар бросило, ну хрен старый, мне в дедушки годится, а все туда!

В деревне легковушек было мало, все добирались на электричке до Мшинской, там садились в автобус и доезжали до

домка лесника, что в садоводстве. Далее на своих двоих через садоводство «Яблонька» идти километров пять. Поэтому всё ближайшее окружение соседей старалось забронировать плацкартное место в моем трудяге, «сорок первом Москвиче». Константиныч был вне конкурса. А как иначе, подарил нам шикарный куст крыжовника, «Черный Негус» называется, а жёлтые сливы, пальчики оближешь, да много еще чего полезного. Например, капканы для кротов и ловушки для мышей. После всего этого попробуй откажи.

Едем как-то на дачу, двигатель барахлит, у каждого столба останавливаюсь, свечи меняю. Наконец на проселочную дорогу свернули, до дома пять километров, но дорога после дождя разбита, жижуха брюхом цепляем. Вот и ручей проехали, до дома с гулькин нос, километра полтора осталось. Машина глохнет! Константиныч облегченно вздыхает и на полном серьезе говорит: «Ну теперь-то я и пешком дойду!» Хотел я ему сказать пару ласковых, но сдержался и говорю: «Не суетитесь, Константин Васильевич, посидите в тепле, с Леной побеседуйте, а то дорога грязная, ноги промочите, чихать начнете. Хотя я вижу, вам и без простуды на нас начхать». Вылез, помесил глину городскими штиблетами, свечи заменил. Доставил ветерана прямо до калитки родного дома.

Инь и ян

К нам на дачу приехали навестить брат Тамары Василий с женой Соней. Приехали на денек, так-как встречаемся редко, а связи родственные надо поддерживать.

Так случилось, что накануне мы поссорились с Тамарой и играли в молчанку. Каждый считал себя несправедливо обиженным и продолжал накачивать себя, вспоминая все негативные случаи из прожитых совместно тридцати лет.

Разговор за обедом не клеился, Василий пошел покурить на улицу, я следом за ним подышать кислородом. Дамы остались пить чай.

Сидим с Васей у гостевого домика, беседуем о жизни, вспоминаем случаи из прошлых лет. Вася все больше о рыбалке, это его конек. Приходит спустя какое-то время Софья. Присаживается рядом и начинает меня воспитывать. Я понял, что она откровенно побеседовала с Тамарой, во время чаепития, там они промыли мне косточки и осудили мое черство-сердечное поведение.

«Саша, ты же образованный человек, большой начальник, у тебя руки золотые, а вот с характером справиться не можешь. Внимательнее надо быть, ласковее, ты же Тамару старше на девять лет, уступать во всем ей должен!» Ну, думаю, понесло коней на переправе. Соня хлопает ресницами, ждет оправданий с моей стороны.

Так, решаю я, пора переходить в круговую оборону, применять старинную китайскую философию. Спрашиваю нападающую: «Соня, тебе приходилось встречаться с символом мироздания? В идеальном круге, в соитии вписаны два головастика, черный и белый. Инь и ян по-китайски называются». Соня удивленно смотрит на меня и отвечает: «Ну вроде что-то видела по телевизору, и что из того?» – «А то, что в каждом из нас, в тебе и во мне, и во всех живых существах два начала, две противоположности, которые уравнивают наше бытие. Белые – положительные качества, а черные – отрицательные. Все, что ты перечислила в первой части своего нравоучения и есть мой белый головастик, а мой скверный характер – это черный его собрат». У Сони мозги начинают закипать, но стойко выслушивает мои бредни, в её понимании. Я продолжаю атаковать: «Приходилось мне встречаться с индивидуумами мужского пола, у которых наоборот, характер в белой зоне. И ласковый и обходительный и приятные слова говорит, полный букет нежностей, а в черной зоне: лодырь, каких свет не видывал, гвоздя в стенку не вобьёт. Бабник, Донжуан отдыхает. Жена, естественно, боготворит его. Пашет без устали, как пчелка Майя. Кормит, поит его, из последних сил выбивается. Так что, Соня, все люди разные, кому как повезет с начинкой». Набрал полную грудь воздуха и продолжаю: «К тому же, есть такое русское слово, СУДЬБА называется. Она, плутовка, такие кружева нам вяжет, что никакой паук не способен повторить. Вот тебе,

скажем, повезло, она тебя с Васей свела, а Тамаре выходит не очень повезло. Ну и что делать? Тридцать лет узелки развязывали, сына вырастили. Бог даст, внуков успеем понянчить. Не резать же эту косичку, сплетенную судьбой? Так что Соня, иди смотри свое реалити-шоу „Дом-2“, там скандалов хватает для поддержания адреналина. А мы как-нибудь еще помучаемся, будем развязывать узелки хитросплетений на изнанке нашей семейной паутины». Ну, думаю, опять меня понесло, наговорил лишнего насчет «Дома-2», еще одну оби-дел.

Света посмотрела на меня, как на человека окончательно конченного, взяла свою постоянную спутницу – кинокамеру – и пошла по участку снимать мотыльков и козявок, поднимать себе настроение. Валера во время нашего философствования сидел молча, выкурил полпачки сигарет и только подххыкивал от першения в горле табачных паров.

Когда Соня удалилась, он сказал: «Не бери в голову нра-воучения, будто у нас все идеально». На том и закрыли тему.

Сидим, смотрим друг на друга, удивляемся. Один седой, как лунь, другой и того хуже, лысый.

– А помнишь какая шевелюра у тебя была? – продолжает Вася.

– Да, были и мы когда-то рысаками, все зубы свои были. Не то, что ноне, зубной протез на ночь в стакан с водой, утром почистил, и опять Голливуд. Удобно!

Василий сетует:

– Оно, конечно, удобно, но вот в прошлом месяце на рыбалку поехали с Сонькой. Спали в палатке. Я свою искусственную желваку снял и под изголовье, утром хотел надеть, нету. Все обыскал, не нахожу. Ну, думаю, наверное, снежный человек взял поносить. Правда потом Соня в кустах нашла, скорее всего крыса стащила ночью».

Я поддерживаю тему:

– Хорошо, что нашлась, а то вон, видишь, баня Левы, соседа. Большой любитель попарится. Выскочит из бани, разгоряченный, голышом, и в пруд, бултых! Недели две назад, попарился, нырнул, естественно, без трусов, а вынырнул и без трусов, и без верхнего зубного протеза. Нырял, нырял, пытался найти, но дно илистое, где там найдешь.

Лет через пятьсот раскопки будут делать, археологи, поглядят на своих предков, какие дремучие мы были в XXI веке. У них то теперь, в XXVI веке, зуб удалили, отсканировали его и на 3D принтере изготовили новенький из композитных материалов. В свежую дырку его чпок, и вечный зуб на месте удаленного. На раненую десну заживляющий луч лазера направят, через пятнадцать минут аппарат пик-пик, и гуляй, Вася, жуй свои ананасы.

Сидим, хохмим, обоим за седьмой десяток перевалило, а мы все, как пацаны, хихоньки да хахоньки. Может это первые признаки старости? Вот, она, какая, философия жизни!

Глава шестая. Взгляд из Эпохи перемен в Эпоху застоя

Нравы семидесятых и восьмидесятых

«Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большой пошлости на свете
Нет, чем клянчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке, поменять».

Александр Кушнер

Что это было за время? Кто-то называет этот период, годами Брежневского застоя, кто-то годами Железного занавеса, а кто-то скажет – эпоха грандиозныхстроек и освоения космоса и создание атомной энергетики. Обыватель упрекнёт – время сплошных дефицитов, жители провинции вспомнят колбасные электрички, политик скажет – эпоха двухполярного мироустройства СССР – США. Болельщики вспомнят «Красную машину» сборной страны по хоккею и золотой бросок Александра Белова в корзину американской сборной

и стремительный бег трехкратного олимпийского чемпиона Валерия Борзова. Театральная публика взгрустнёт по спектаклям БДТ. И, конечно, русский балет!

Пенсионеры заворчат, вспоминая бесплатные квартиры, медицинское обслуживание, доступную работу и достойную пенсию. У каждого на то будут свои законные основания – стыдиться, обижаться или гордиться своей страной.

А ты, мой молодой, или не очень молодой, читатель, сможешь сегодня с гордостью сказать: «Это наше, российское достижение!» Ах, да, извините, я совсем забыл про наше достояние – «Газпром», только хочу огорчить тебя, все месторождения и основная инфраструктура для добычи транспортировки природного газа и нефти были открыты и построены в советский период. Хотя, если честно, тебе и задуматься некогда, после перестроечное поколение зомбировано Интернетом, кстати, тоже американский продукт, созданный в далёком 1969 году. Гениальный инструмент для воспитания общества потребителей. Бесспорно, Интернет сегодня играет огромное значение, без него и без мобильной связи трудно представить сегодняшнее существование, но ещё раз напомню, что не наша в том заслуга. Мы гордились учёными и конструкторами, космонавтами и актёрами, имена которых знали и уважали на всей планете Земля. Курчатов, Сахаров, Капица, Патон и нобелевским лауреат Ж. Алферов (без фундаментальных открытий которого вряд бы мы пользовались и Интернетом, и мобильной связью), Королев, Юрий Гагарин,

Ростропович, Вишневецкая и Солженицын, и Андрей Тарковский. Этот список нашей гордости можно было бы продолжать на десятках страниц. Список гордости представителей нашей страны за последние тридцать лет уместится на одном листе, список долларовых миллиардеров ежегодно публикует рейтинг «Forbes», он, правда, стремительно растет по мере обнищания российского населения. За тридцать послевоенных лет Советский Союз освоил космос, разработал и внедрил лучшую в мире атомную энергетику, создал надёжную военную технику. Всё за те же тридцать лет! Об этом лучше и правдивее всех написано в трудах писателя Михаила Веллера, читайте и вы поймёте, где она, правда!

Основная масса людей того времени, несмотря на бытовые сложности, вспоминает тот период с ностальгией и не только потому, что мы были молодыми, а потому, что нам есть с чем сравнить. Если положить трудности и недостатки семидесятых на одну чашу весов, а на другую сложности сегодняшних, двухтысячных, даже без учета лихих девяностых, то сегодняшние неприятности значительно перевесят. Особенно это касается справедливости по отношению к значительной массе людей. С моими рассуждениями, естественно, не согласятся счастливики залоговой приватизации, нынешние долларовые миллиардеры, особы к ним приближенные и диссиденты, а также непонятые поэты и писатели семидесятых, но речь не о них, они, и к ним примазавшиеся хамелеоны, за последние тридцать лет всё наболевшее вы-

сказали в адрес ими свергнутой власти. Господа-миллиардеры, посчитайтесь сколько вас на теле многострадальной России? Вместе с Чубайсом вы затеряетесь, как сопля в фартуке, среди трудового народа. Все ваши миллиарды создавались трудом и потом наших родителей, всеми гражданами Страны советов.

Перекосы семидесятых никто не отрицает, но не надо забывать условия существования государства после Великой Отечественной войны, забравшей более двадцати миллионов наиболее работоспособного населения страны, а также наследия предыдущих поколений и сталинских репрессий. Главной бедой того периода стали последние годы правления Брежнева. Великовозрастное окружение не хотело отпускать его на пенсию, чтобы самим удержаться у власти до траурного марша при погребении. Не подготовили достойную смену и в предсмертной суматохе передали власть человеку, который моментально развалил Советский Союз. Хотя варианты были, пример тому – успехи Китайской Народной Республики.

Теперь, что касается некоторых перекосов, с моей точки зрения, с которыми приходилось столкнуться в жизни.

Например – один из перекосов того времени – чтобы вступить в ряды КПСС, рабочему было достаточно желания и приличного поведения. Для того, чтобы стать членом партии инженеру, библиотекарю, артисту или прочему интеллигенту надо было очень сильно постараться и показать свою ло-

альность к постулатам партии. В нашем институте работала тысяча семьсот инженеров и техников, коммунистов среди них – двести двадцать человек. Естественную убыль поддерживали за счет приема новых через комсомол. Но было условие сверху – для приема кандидата из ИТР требовали второго претендента их рабочих (в нагрузку), а где же их взять, всех водителей и слесарей уже приняли в КПСС, остались одни уборщицы неохваченными, так они или старые, или больше года не работают на одном месте. У нас ведь не завод или чулочная фабрика, пролетариев меньше одного процента. А без партийного билета инженеру, даже с красным дипломом, пробиться в светлое и счастливое будущее очень проблематично.

Второй перекосяк – зарплата инженера, научного работника или представителя творческой интеллигенции в два раза ниже зарплаты рабочего. Как можно стимулировать творческую молодёжь стремиться к светлому будущему, если отбросить идеологию? Но на одной идеологии долго не протянешь, времена Павки Корчагина канули в лету!

Третий перекосяк – инженера государство бесплатно обучало пять лет, тратило средства, чтобы он, получив диплом, мог создавать станки и машины, заменяющие ручной труд, повышать производительность труда. Но придя в конструкторское бюро или научно-исследовательский институт, инженер вынужден был треть своего рабочего времени заниматься общественными, сельскохозяйственным и прочи-

ми вспомогательными работами. То есть выполнять работу неквалифицированных работников. Поскольку девиз партии «Диктатура пролетариата», и на полях необъятной родины гегемон редко участвовал в качестве шефской помощи колхозникам. Это высокое доверие было оказано инженерно-технической и творческой интеллигенции, а также ее резерву – студенчеству.

Можно долго перечислять перекосы тех лет и той системы, но об этом столько книг и статей написано, что продолжать смысла нет. Все перечисленное выше является преамбулой к дальнейшим эпизодам из моей жизни того периода времени.

В начале семидесятых, поступив на работу в проектный институт, первое время удивлялся количеству разнообразных общественно-полезных обязанностей, возлагаемых на сотрудников. То были и сезонные работы на полях подшефных совхозов, и работа на плодовоовощной базе, работа на комсомольско-молодежных стройках. В засушливое лето – дежурство в лесах Карельского перешейка, предотвращая лесные пожары. Кроме того, постоянное дежурство в добровольной народной дружине (ДНД) по охране общественного порядка. Были и другие, менее значимые, или эпизодические, например, добровольное общество содействия армии и флоту (ДОСАФ), встреча делегаций высокопоставленных иностранных гостей, не говоря уже о праздничных демонстрациях и Ленинских субботниках. Разумеется, все пе-

речисленные прелести жизни ложились на плечи молодёжи, аксакалы свое отпахали и учувствовали в редких случаях.

Сезонно-полевые работы

Наиболее массовой из всех мероприятий была работа на полях подшефного совхоза. За коллективом института был закреплен совхоз «Победа» в Горелово. Весной занимались подготовкой рассады, летом – прополка, осенью – уборка урожая. Основные культуры – капуста и морковь. Для организации этих работ в штате института был специальный работник, который занимался только полевыми работами. Такого человека не так-то просто было найти, дело на любителя. У нас занимался отставной майор, военный летчик, Антонов Владимир Васильевич.

На поля в пиковых сезонных ситуациях выезжали до пятисот человек ежедневно, не так-то просто было их рационально организовать и мобилизовать на выполнение установленной нормы. Дома у многих инженеров хранилась спецодежда и необходимый инвентарь для этих целей. Ножи, топоры, тяпки и прочие приспособления, облегчающие крестьянский труд. Следует отметить, что в каждом отделе находилась группа энтузиастов, желающих поработать на свежем воздухе, и к тому же с удовольствием. У них был свой ритуал и распорядок. У нас в отделе для этих целей Олег Березин, выпускник Военмеха, завел специальную каску, в которую любители агрономических работ вносили ежедневно по двадцать копеек, формируя таким образом фонд

для банкета после трудового дня на полях. В основном этот фонд тратился на спиртное, так как бутерброды и соленые огурчики им собирали дома заботливые жены или мамы.

Если взглянуть на проблему с другой стороны – с точки зрения того времени – все сотрудники имели возможность запастись бесплатно свешавшими овощами на всю зиму. Овощи привозили на грузовике во двор института, и люди набирали мешками морковку и капусту, предварительно позвонив мужьям, имеющим автомобили, чтобы развести добро по квартирам.

Зимой нас уже ждали на «Невской плодовоовощной базе». Переборка картофеля, моркови и квашение капусты. Промышленный процесс квашения капусты на базе меня удивил. Цепочка бетонных ям глубиной два метра и размером в плане три на три метра. В яму спускались два мужика в резиновых сапогах с высокими голенищами, такие сапоги в народе называются «болотные», в руках вилы. Сверху, у края ямы, стоит промышленная шинковочная машина, которая за секунду распускает кочан капусты в мелкую лапшу. Кочаны в машину загружают две женщины. Те, что внизу ямы, с вилами, распределяют шинкованную капусту ровным слоем, утрамбовывая ее сапогами, и каждый слой посыпают солью и шинкованной морковью. А что тут странного? Челентано в известном фильме «Укрощение строптивого» тоже давил виноград ногами, к тому же босыми.

Бывали и вкусные участки – разгрузка арбузов, яблок, ви-

нограда и других фруктов. На этих участках народ отводил душу сполна, это действие называли праздник живота на месте работы, ешь сколько влезет, никто не запрещал. Взять с собой для семьи было не так просто, но наш народ не такие загадки разгадывал, и всегда находилась щель в заборе, чтобы через нее принести домой отборных, а иногда и экзотических, по тем временам, фруктов.

А че, если мы интеллигенты, пусть даже вшивые (так пренебрежительно рабочий класс называл прослойку общества, члены которой вышли, в основном, из рабочих семей), хуже других, что ли? Вон, у рабочих на заводе, девиз тоже себе ничего, содержательный: «Ты здесь хозяин, а не гость! Тащи с работы всякий гвоздь!»

Выполнение продовольственной программы, обеспечение населения овощами и фруктами строго контролировалось партийными органами. В каждом райкоме КПСС был инструктор, который курировал данный вопрос. Составлял разнарядку для предприятий и строго следил за ее исполнением. Если нет конкуренции, как-то надо было сводить концы с концами. Социализм! Можно ностальгировать, можно критиковать, можно удивляться или возмущаться, но мы другой жизни не знали. Да, жили бедно, но для основной массы советских граждан в главных житейских вопросах справедливости было гораздо больше, чем при диком капитализме в течение трех последних десятилетий.

Охрана общественного порядка

На каждом предприятии по всей стране существовали добровольные народные дружины (ДНД). Они формировались из сотрудников предприятия, дежурство осуществлялось после рабочего дня и в выходные. Активные члены ДНД поощрялись материально и имели дополнительно три оплачиваемых дня к отпуску.

В 1972–1973 годах главный офис института находился на Невском проспекте, рядом с Аничковым мостом, в доме № 80 (ныне Дом творчества), наш участок дежурства начинался от перекрестка Невского с Литейным проспектом и заканчивался у Гостиного двора, у Садовой улицы. Включая обе стороны проспекта. Команда была из шести дружинников, в сопровождении участкового милиционера.

Делилась на две группы, по три человека в группе, одна из них фланировала по четной стороне Невского, другая по нечетной. На рукаве каждого дружинника красная повязка, при себе удостоверение установленного образца.

Главная задача – следить за порядком. Дебоширов, пьяниц, фарцовщиков и проституток забирать и доставлять в отделение милиции, где на них составлялся протокол и принимались меры. Пьяных отправляли в вытрезвитель, дебоширов в обезьянник, фарцовщиков и девиц легкого поведения в камеру предварительного заключения, до выяснения

личности и прочих подробностей.

На нашей территории, особенно в подземном переходе Невского с Садовой, чаще всего попадались фарцовщики и девушки древнейшей профессии, но не валютные, конечно, тех пасли сотрудники КГБ в гостинице «Европейская». Наши были более доступные, на языке валютных – шелупонь.

Помню, как одну из таких жриц любви притащили наши коллеги с другой стороны Невского. Добровольно идти к участковому она отказалась, плевалась, пиналась, крыла матом очкариков и пердунов в шляпах. Так называемые пердуны для приличия, пока на них смотрел народ, несли ее под ручки. На ней был плащ длиной до щиколоток, одетый на голое тело. Дотащив ее до двора на Литейном проспекте, где размещалось отделение милиции, дружинники расслабились, и зря. Шелупонь укусила одного из них за руку, попыталась вырваться, упала на мостовую. Не тут-то было, ребята схватили ее за ноги и потащили в сторону отделения. Плащ задрался на голову, и голыми сосками проститутка шлифовала мостовую. Жуть!

Наша группа отдыхала в дежурной комнате, и все характеристики в свой адрес получила сполна на понятном жаргоне от запертой в обезьянник девицы.

Когда переехали на Измайловский проспект, нам выделили участок в районе кинотеатра «Космонавт», включая сад «Олимпия» и дегустационный зал «Дубок». На этих территориях в основном велась борьба с пьяницами, тех, которые

не шумели и могли идти самостоятельно, как правило, не брали. Чаще всего были неприятности семейного характера в коммунальных квартирах.

Запомнился случай: идем по переулку у кинотеатра, из окна слышим истошный крик: «Помогите, убивают!!!» Виз из квартиры на первом этаже, входим в подъезд, на двери шесть кнопок. Значит коммунальная, все как в песне Высоцкого: «на все двенадцать комнаток – всего одна уборная». Жмем на все кнопки, открывает седая старушонка, показывает на дверь скандалиста. Бабка предупреждает, чтобы были осторожными, там, мол, пьяный психопат, с ножом. Сашка Рязанов, бугай здоровый, взял на всякий случай из прихожей табурет. Открываем дверь, оказалась незапертой. Нам навстречу, со звериным рыком и самодельным столовым ножом в руке бросается возмутитель спокойствия. Я мгновенно снял фетровую шляпу с головы и бросил в лицо рычащему (старый приемчик, в училище Бобик научил), далее последовал тупой удар табуретом по голове придурка, тот присел, но не упал. Ногой Сашка выбил нож из его руки, и мы навалились. Тут и соседи на подмогу пришли, принесли бельевую веревку. Связали буяна, связали руки за спиной и повели в отделение. Жертва разбоя вся в синяках и в кровище верещала без устали. Попросили соседей привести ее в чувства и вызвать скорую.

Когда привели садиста в отделение и засунули его за решетку обезьянника, участковый прочитал нам назидатель-

ную лекцию. Объяснил, чтобы впредь без него в подобные семейные перепалки не ввязывались: «Ваше счастье, что этот припадочный не успел кого-нибудь из вас пырнуть ножом. Последствия были бы печальными и для вас, и для меня». Лейтенант приступил к оформлению протокола, мы отдыхали перед следующим рейдом.

Минут через двадцать появляется красotka, голова забинтована, один глаз заплыл, губы разбиты. Милиционер глянул на нее и произнес: «Вера, ну что сегодня случилось?» Та подсела к столу и говорит: «Начальник, отпусти Петьку, это наши семейные дела». Он понял, что Петька это тот, что за решеткой зубами скрежещет и говорит: «Так у тебя сегодня Петька в мужьях, а две недели назад на его месте Колька сидел, тоже мужем был, не многовато для одной будет?» Вера ерепенится: «Не гони волну, мент, мое личное дело, с кем хочу с тем и живу». «Ну-ну! Живи, пока очередной Вася на тот свет не отправит», – продолжая писать, сказал участковый. И продолжает: «Иди, Вера, домой, проспись, а завтра с заявлением об освобождении Петруши придешь, а мы пока проверим, может он и не Петя вовсе, а Григорий, к примеру, от алиментов скрывается, а может с Пряжки² убежал. Ты то бдительность не проявила, в паспорт ему не заглянула. Налил тебе полстакана бормотухи, и ты и разомлела. Иди, не мешай работать, а то скорую вызову!».

Вера похабно выругалась, и, не взглянув в сторону Пети,

² Пряжка – психбольница св. Николая на берегу речки Пряжка.

ушла восвояси.

«Ну что, убедились, что были не правы? Делайте выводы и другим урок передайте», – улыбаясь, подвел итог нашего дежурства участковый.

жизнь.

«Губит людей не пиво, губит людей вода!»

Характерная особенность тех дней – пивные точки, они стояли повсюду в городах и поселках нашей Родины. Треск костяшек домино во дворах и заводских курилках, а также распитие пива на разлив – это неотъемлемая часть культуры семидесятых. Пивных баров в городах было ограниченное количество, а любителей пенного напитка, как в стихах Александра Блока: «Миллионы – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы...». Потому на каждом перекрестии стоял ларек «Пиво-воды», и вот к нему то, уж точно никогда не зарастала тропа, натоптанная любителями.

Ларек назывался «Пиво-воды», хотя в них продавали исключительно пиво, его частенько разбавляли водой, наверное, потому и добавляли в название второе слово. Гурманы поднимали градус, добавляя в него водочки по вкусу. Зимой пиво подогревали. Продавали и с собой: в выходные дни в трехлитровые стеклянные банки и эмалированные бидоны, в будние дни, после рабочего дня, наливали в полиэтиленовые пакеты. Зрелище с пакетами было на грани фола. «Лопнет пакет или выдержит?» – с улыбкой гадали встречные граждане страны развитого социализма, глотая слюну вожделев. У каждой точки были завсегдатаи, они бурно обсуждали новости дня, результаты игры футбольных или хоккейных

матчей. В общем, жизнь текла в накатанном русле, то были своего рода клубы по интересам. Случались и ссоры, даже драки вплоть до убийства.

Так погиб один из сотрудников нашего института, в отделе механизации отметили день Красной Армии, 23 февраля, в те годы этот день не был выходным. Разошлись, с подарками от дам по своим домам. Подходя к родным апартаментам, решил отполировать принятое на работе шампанское пивком. Встал в очередь, подошла группа молодых, тоже отметивших мужской праздник, терпения стоять в очереди не хватало и нагло полезли к окну разлива. Наш, спорен-разрядник, сделал справедливое замечание. Под напором очереди возмутители спокойствия отошли за угол и дождались паренька, ему исполнилось на днях двадцать четыре года. Завязалась потасовка, вчетвером завалили на землю и пинали, один удар в висок оказался смертельным. Суд приговорил всех четверых к тюремному заключению сроком от трех до пяти лет, но жизнь потерпевшего уже не вернешь. Так устроен мир, от радости до печали всего один случайный шаг.

Кроме любителей пива, в годы застоя были и другие ценители спиртных напитков, более высокого градуса. Они делились на три категории.

Первая – граждане с высоким статусом или достатком, такие как: известные артисты, директора предприятий, генералы, признанные творческие личности, товароведы и зав-

маги, а также фарцовщики, барыги и прочие любители красивой жизни. Они посещали немногочисленные рестораны.

Вторая – граждане среднего уровня: офицеры от капитана до полковника, начальники отделов КБ и НИИ, главные инженеры проектов и служащие верхнего звена. Эти посещали рюмочные. В городе их было достаточно и в шаговой доступности. Рюмочные были намного демократичнее ресторанов и не отнимали много времени. Выпил у стойки свои сто грамм, закусил бутербродом с килечкой и яйцом и быстренько домой на семейный ужин.

Третья – самая массовая категория – это все остальные: рядовые ИТР, офицеры от прапорщика до старшего лейтенанта, а также приличные заводские работяги. Для этой категории существовала развитая сеть котлетных, пельменных и закусовых. Распитие спиртных напитков в них официально запрещалось, но руководство этих заведений закрывало глаза на этот запрет ради плана. Посетители на троих изображали бутылку водки, покупая в винном отделе гастронома, приносили ее с собой. Уборщица в обмен на пустую бутылку приносила три пустых стакана, и все были довольны. (Пустую бутылку принимали по двенадцать копеек за штуку.) На закуску брали порцию пельменей или котлету с яичницей, дешево и сердито.

Так делилось мужское общество на касты по интересам в свободное после звонка время, особенно это практиковалось в дни полочки, аванса, памятных дат и прочих событий, ко-

торами Россия-матушка славилась всегда.

Была и четвертая группа мужского населения – трезвенники и язвенники, но их было так мало, что и десять процентов навряд ли наберется.

Было бы нечестно не упомянуть еще одну прослойку любителей выпить – неприличные работяги. Они покупали бутылку бормотухи (портвейн типа «Три семерки»), плавленный сырок и устраивались на пустыре или в подворотне, расстелив газету «Правда» вместо скатерти, раскрывали складные пластиковые стаканчики, ломали плавленный сырок на равные части, начинали долгожданную трапезу. Эту прослойку общества можно было бы отнести к пятой категории, но рука не поднимается унижать гегемона. Они и так себя обделяли во всем. Темы для разговоров обычные: кто сколько выпил, где очнулся после бодуна, как облевал пассажира в трамвае и как после этого ему расквасили матюгальник. Смешно, обхохочешься! Нет, нам не смешно, нам просто стыдно!

Максим Горький назвал бы эту часть общества дном, но то было при царизме, другое дело в эпоху развитого социализма, за такие рассуждения можно было и схлопотать. Хотя с этим злом беспощадно боролись. Были доски позора, вытрезвители, товарищеские суды и прочие общественные и государственные структуры.

Современник меня раскритикует, и скажет, что плохо боролись, сейчас же нет этих безобразий? Ребята, так ведь и

рабочего класса нет, остался один персонал. Сколько процентов рабочих трудится в стране? По закону больших чисел все они попадают в категорию приличных, а речь шла о не очень приличных. Все лучшие силы из пролетариев ныне в «Росгвардии», в охранных структурах, в обслуживании и службе доставки. Насчет безобразий, так они стали более изощренные, обман на каждом шагу, кража с электронных карт денежных средств, встряхивание пенсионеров из квартир. Чего стоит один только супермаркет «Народный», где пенсионеры в драке раскупают подешевле гнилую картошку, чтобы не умереть с голода, отдав родине сорок лет трудового стажа. А где медицина и лекарства по доступной цене? И это только одна слезинка в море слез семидесяти процентов населения. Так что, критикуя прошлое, мы не должны забывать заглянуть в зеркало настоящего.

Мораль к сей басне такова: у всякой эпохи, свои характерные прибаамбасы. Особенно нелепо они смотрятся спустя три десятилетия.

«Не дай вам бог жить в эпоху перемен!»

Любимая поговорка американцев «За всё надо платить» сегодня понятна каждому россиянину, но не все к ней смогли привыкнуть. Поколение, сознательная жизнь которого прошла в советское время, болезненно воспринимает новшества системы капитализма. Мы, которые родились и выросли, когда образование, медицина, жильё и прочие социальные блага предоставлялись нам бесплатно (если не брать во внимание налоги и низкую оплату труда), с ностальгией вспоминаем те времена Брежневского застоя, хотя эта избитая фраза придумана идеологами перестройки, фактически это был период Косыгинских реформ. Экономика росла на сорок процентов за год, а не один или полтора, как сейчас. Несмотря на рост экономики мы забываем про обратную сторону закрытого государства, прежде всего – дефицит потребительских товаров. Все импортные или приличного качества отечественные изделия были в дефиците. Однако мы не унывали, выкручивались кто как мог, был даже азарт или драйв, как говорят сегодня. По этому поводу в народе ходили анекдоты, более того, в театре эстрады и по телевидению показывали сатирические номера, раскрывающие эту тему со всех сторон. Публика, слушая Аркадия Райкина, умирала со смеху, слушая в его исполнении юмореску «Дефицит».

«Чему смеётесь? Над собой смеётесь!», – писал Н. В. Гоголь в пьесе «Ревизор».

Что характерно, в магазинах редко можно было увидеть в свободной продаже сервелат или чёрную икру, а в холодильнике практически в каждой семье к новогодним и прочим праздникам эти лакомства были. Кто работал на заводах или в институтах имели столы заказов и там могли отовариться вкусняшкой. В те годы крылатые выражения «где достал?» (что на современном языке означает «где купил?») и «что выбросили?» (то есть – «какой товар продают сегодня?»), звучали вполне естественно для нас. Подобные вопросы мы задавали счастливицам, которые шли по улице нам навстречу с гирляндой туалетной бумаги на шее или с авоськой зеленых, невызревших бананов. Практиковали также торговлю из-под прилавка или из-под полы, что означало одно и то же, то есть для избранных, знакомых, родственников и важных персон. «Ты мне, я тебе!» – это расхожее выражение соответствовало своего рода бартеру. Я тебе билет в БДТ, ты мне банку икры и палку сырокопчёной колбасы, и тому подобные безобразия. В крупных городах, особенно портовых, как Ленинград, Калининград, Одесса, Владивосток, Мурманск и прочие портовые города, с этой проблемой справлялись через комиссионные магазины и магазины системы «Берёзка» (магазин для моряков, торгующий за боны), а также «Елисейский гастроном» на Невском проспекте. Там можно было купить всё, чего желает ваша душа,

но цены были, мама не горюй.

Когда я приехал в Ленинград в 1969 году, мне показалось, что в продаже есть всё. В гастрономе «Стрела», что на Измайловском проспекте, в шаговой доступности от нашего дома, прилавки ломились от продуктов. Была даже чёрная икра в деревянных лотках, не менее пяти видов варёных колбас и даже сервелат, и охотничьи колбаски. Мясной отдел тоже не пустовал. В рыбном была живая рыба и пять-шесть сортов мороженой, хек, например, стоил пятьдесят четыре копейки за килограмм, его покупали в основном для кошек. А уж если проехать пару остановок на трамвае номер два до Сенной площади, да заглянуть в магазин «Океан», глаза разбегались от разнообразия рыбной и прочей морской продукции. Молочные продукты всегда были в ассортименте. По субботам тёща, Павла Дмитриевна, ездила с утра пораньше на «Кузнечный рынок» и баловала нас свиной отбивной на косточке или стейком из телятины, иногда делала цыплёнка-табака. Колхозный рынок ломился от продуктов, фруктов и овощей. Да, они стоили раза в полтора дороже, чем в магазине, но зато первой свежести. В конце восьмидесятых снабжение стало чуть хуже, но жить было можно, особенно в крупных промышленных городах и населенных пунктах, которые снабжались по первой категории. В первой книге я уже отмечал, что Чуна, где жили мои родители, снабжалась по первой категории, так как градообразующее предприятие – ДОК (деревобрабатывающий комбинат) – входило в группу предпри-

ятий, обеспечивающих ВПК (военно-промышленный комплекс). Поэтому в Чуне тоже было всё, что пожелает труженик. А вот в командировки на Алтай (Рубцовск) или в Курган, мы собирали с собой полные портфели колбасы, масла и сыра. В этих городах в магазинах было скудно. Однако, когда заводские коллеги приглашали в гости к ним домой, на столах было всё необходимое. Выкручивались кто как мог, российский народ смекалистый. Ездили по соседним деревням, покупали на двоих теленка или поросенка, кур, уток, гусей. Крутили сотнями пельмени, вывешивая их за окном, благо зимы холодные. Главная проблема – уберечь от бомжей. Бывало, те срезали авоськи с мясом и пельменями. Все есть хотят, что поделаешь, какие-никакие, а всё же люди, человеки. Морозильных камер в продаже тогда не было. В общем, нужда заставит изворачиваться.

Что касается меня лично, так свой первый дефицит в виде джинсов фирмы Wrangler (что означает в переводе с английского погонщик лошадей, пастух, по-нашему) я приобрёл в 1975 году у сотрудницы нашего проектного института, муж которой работал механиком на судах торгового флота. Пришлось заплатить за них сто восемьдесят рублей, при месячной зарплате в сто пятьдесят рублей. Радости от покупки не было конца. Настоящие американские джинсы! Качество исключительное, служили мне многие годы. Более того, когда Виталику исполнилось три года, Лена выкроила из них и сшила ему классный джинсовый костюмчик. Так что они

стоили той цены, просто нам платили незаслуженно мало. Молодое поколение с завистью смотрело на мои американские штаны. Не одобрили покупку только мои родители, когда я приехал в гости из Ленинграда в Сибирь. Отец спросил: «Что сынок, плохи дела твои в городе, на костюм денег не хватает? Написал бы, я прислал бы рублей сто на костюм». Пришлось раскрыть тайну приобретения мечты советской молодёжи. Когда мама услышала сумму, уплаченную за это чудо, она всплеснула руками и запричитала: «Боже мой, это же почти как наша Бурёнка стоила! Я бы тебе за десятку справила не хуже этих». Я долго пытался переубедить стариков, но они не сдавались. Мать попросила: «Ты уж, Саша, не ходи в них в люди, не позорь нас. Вон хоть свои старые, лавсановые одень, они в шифоньере висят, со стрелочками отпаренные, куда приличнее». Спорить не стал, дело бесполезное. Оставалось для полноты картины брючки в носочки заправить, да сандалики надеть.

Следующий дефицит в виде плаща из болоньевой ткани я купил во Фрунзенском универмаге, отстояв за ним очередь пять часов. Это был писк моды семидесятых, даже Владимир Высоцкий упомянул об этих плащах в своей песне на слова Визбора «Диалог у телевизора»:

Мои друзья хоть не в болонии,

Зато не тащат из семьи.

А гадость пьют – из экономии,

Хоть поутру – да на свои!

Честно говоря, вещица эта из искусственной ткани была не практична, даже можно сказать не гигиенична. Ткань не пропускала воздух, не грела, а главное от дождя тоже не спасала, пропускала влагу через швы, шуршала и т. д., и т. п. Чего только не наденешь ради моды!?

В рассказе «Бобер» я описал ещё один дефицитный товар того времени – головные уборы, то есть меховые шапки-ушанки.

Можно долго перечислять, что являлось дефицитом и как мы боролись с этим злом, а в то же самое время наслаждались приобретённым. Как говорил Аркадий Райкин в своей юмореске «Дефицит»: «Слушай, пусть будет изобилие, пусть всё будет, но пусть чего-то не хватает!» Жаль, что для того, чтобы справиться с этой проблемой, прежде всего, не хватало ума. Продолжать не буду, после слов Райкина это будет звучать скучно, да к тому же об этом с наслаждением рассказывают либеральные средства массовой пропаганды на всех перекрёстках. Особенно меня поражают историки, родившиеся в девяностых, они так убежденно рассказывают мне, как плохо мне жилось в Советском Союзе. И что характерно, их никогда не переспоришь, у них на всякое возражение припасена цитата из мемуаров опальной личности того времени. Ну да бог с ними, у каждого времени есть свои недостатки и преимущества. Мы свое время не вычеркнем из памяти, мы жили и были счастливы, влюблялись, женились, вас, наше юное поколение, вырастили и дали образо-

вание, и это гораздо важнее чем отсутствие некоторых потребительских товаров! Вперед пятками не ходят, жить надо настоящим, но прошлое не забывать. Пролетит время и сегодняшних историков будут критиковать их внуки. Диалектика!

Есть дефицит – появляются очереди, народ штурмом берёт прилавки. Проблемы начались в перестроечный период правления М. С. Горбачёва. Особенно это позорное явление было в девяностых, когда Союз развалили в один миг, а на рынок бывшей Страны советов иностранные поставщики ещё не пришли, а своих почему-то не стало. Верхним эшелонам власти было не до народа, боролись за место во всё той же власти. Пока сильные мира сего дрались, пассивная часть страны жила в оцепенении, активная прибирала к своим рукам всё, что плохо лежало. А лежало, как выяснилось позже, всё плохо: газеты, заводы, пароходы и прочая государственная утварь, включая недра. Бери – не хочу! И они брали, а мы безмолвствовали! Кто-то из читателей скажет: так у них же совести нету! Правильно, а вам от этого легче? Вопрос, конечно, риторический, но задуматься над ним стоит.

В девяностых очереди были повсеместно, и не только за дефицитом, без которого можно было обойтись, а буквально за любым товаром и в Москве, и Ленинграде, и по всей огромной стране. Стояли по пять-шесть часов, чтобы купить мясные консервы, полученные по линии гуманитарной помощи из США. Списанные из-за срока годности армейские

запасы американцы присылали нам, и народ в драке рвался к прилавку, чтобы купить эти позорные подачки. Лена отстояла в очереди за ними часов пять.

Самую длинную очередь по времени я отстоял в 1992 году на бензозаправке на улице Народного Ополчения. Двенадцать часов, чтобы заправить бак бензина, отпускали только в бак и не больше сорока литров. Народ негодовал и готов был записываться в ополчение, чтобы валить эту власть. Но храбрые мы, чаще всего, только у себя на кухне, или перед женами и несовершеннолетними детьми, потому как старшие могут и послать.

Эпилог

Настал судный день! Стою в парадном костюме перед вершителями Страшного суда. Волнуюсь, естественно, как на выпускном экзамене, ну или как на вступительном.

Перед моим взором серьёзная комиссия: в верхней части, охваченной огнём, восседает Христос-судья. Правой рукой он благословляет праведников, левой – отстраняет грешников.

Сзади Христа Богоматерь и Иоанн Предтеча молятся о спасении душ.

В роли присяжных двенадцать апостолов, шестеро с левой стороны и столько же справа от председательствующего. За апостолами по правую руку от Христа – ангел-хранитель в роли адвоката. По левую руку – служитель Сатаны – падший ангел в роли обвинителя.

В центре Архангел Михаил, он отделяет праведников от грешников.

Председательствующий спрашивает ангела-хранителя: «Расскажите нам, как вновь представившийся блюдил мои заветы на земле?»

Ангел достаёт из голубого кейса своё досье и оглашает: «Сей раб Божий – крещённый, православный!»

«Для начала неплохо. Водятся ли какие грехи за ним?», – спросил Пророк.

Белый ангел продолжает: «Отче наш, конечно, водятся, а то как же на земле, да без грехов прожить? Но врать не буду, смертных грехов на нём нет!»

Я облегченно выдохнул и смахнул пот со лба.

Падший ангел засуетился, из чёрной папки бумажку вытащил, трясет ею перед лицом Председателя и гнусаво произносит: «В отрочестве бесовские танцы: твист и шейк танцевал, частенько дрался, по чужим огородам лазил с друзьями, за девчонками подглялвал на речке, а в церковь не ходил. Комсомольцем грешил и в партии безбожников состоял, парторгом работал. Отдайте его нам, это наш клиент! Мы из него всю дурь на раскалённой сковородке выплавим! У нас для него множество развлечений припасено».

От таких слов у меня под ложечкой похолодело.

Иисус посмотрел в сатанинский кляузник и спрашивает: «Водятся ли ещё какие грешки за аттестуемым?»

Представитель Сатаны подленькую улыбку раскорчил, очередную гадость хочет высказать, нетерпеливо выкрикивает: «Так он же разведённый, сына Андрея, подростка одиннадцати лет отроду, оставил на содержание мамаше!»

Христос нахмурился, бровями шевелит, а сам в сторону белого ангела вопросительно смотрит.

Защитник говорит: «Что было, то было. Насчёт брака так скажу: брак был гражданский, клятву верности перед богом не давали, в церкви не венчались и развелись по обоюдному согласию. Фраза моего аппонента – бросил – несправедлива. Во-первых, мой подзащитный помогал сыну материально, они вместе часто проводили свободное время, христианские отношения поддерживал с ним до Судного дня. А во-вторых, и это главное, покался и осознал свой грех».

Иисус одобрительно кивнул и молвил: «Да, воистину, не согрешишь – не покаешься». Посмотрев в сторону чёрных сил, спросил: «Ну что еще ваши мерзавцы накопили на эту грешную душу?»

Искуситель бумажками зашуршал, ищет убойный компромат. Сценка, ну прямо из телешоу «Что, где, когда». Только что музыкального сопровождения нет.

«Нательный крестик не носит, в церковь ходит от случая к случаю, да и то, начал посещать после пятидесяти лет жизни. Характер у него неуравновешенный, накричать на ближнего может, обидеть божьего человека способен и вообще неласковый, иногда грубит жене», – громко выдохнув, заключил обинение преспешник Сатаны.

Судья пристально посмотрел мне в глаза и говорит: «Ну что скажешь в своё оправдание?»

Я задумался, потом говорю: «Отче наш, ну что я могу сказать. Жил, как все, грешил, конечно, спору нет. Бывало и заповеди твои нарушал, особенно четвёртую заповедь часто нарушал, в выходные и праздники работал. Господи, а как не нарушить-то, когда Сатана в ухо постоянно нашёптвал, искушал: „Не слушай никого, будь счастливым на земле, живи сегодняшним днём, наслаждайся жизнью земной“, – ну я и малодушничал. Правила дорожного движения нарушал и прочие мирские законы...»

Тут Учитель не выдержал, ударил крестом дубовым об пол и говорит: «Ты мне зубы не заговаривай, на счёт законов и

правил мирских. Отвечай, как на духу, мои заповеди нарушал?»

Я вздрогнул, как от грома небесного, и поспешил ответить: «Отец небесный, ты был единственным моим божеством, других кумиров у меня не было. Не убивал, не воровал, чужих жён не соблазнял, ну и далее по списку», – признался я.

Послышался шепоток слева: «Хи-хи-хи, кумиров у него небыло, а партийным боссом работал, идеи атеизма в народные массы вещал с высокой трибуны?»

Тут вмешался ангел-спаситель: «Царь небесный, как я уже отмечал, не безгрешен мой подзащитный, но за земные грехи он и наказан был там же. В огне горел, в воде тонул, в переплётах жизненных неоднократно страдал, нервное истощение имел, едва удалось выкарабкаться, болезней у него целый букет, на каждый грех по два недуга. Но к его чести соблюдает твою заповедь «не отчаиваться» и последние годы боролся с искушениями Сатаны достойно».

Создатель почесал затылок и говорит: «Послушайте, может на компромис пойдём? Не вашим и не нашим, отправим его обратно на землю обитованную. Для исправления?»

Ну вот, подумал я, опять в этот ковидный ад: маски, перчатки, «Спутник-Лайт» и QR-код. Всё придётся заново проходить! А с другой стороны, что уж душой кривить, лет десять с удовольствием бы помучился.

Тут уж не выдержал Иоанн Предтеча: «Вы что, Вседержи-

тель, не в себе? Он же подорвёт всё наше двухтысячилетнее учение, а за одно ваш личный авторитет! Его, воскресшего, за Миссию могут принять! Пусть уж лучше в Ад, чем на землю. Хотя, я лично за то, чтобы дать ему возможность исправиться в Раю. Человек он работающий, на все руки мастер. И нам польза будет, а главное авторитет сохраним».

Апостолы одобрительно закивали седыми головами, типа того, мол, дело говорит Иоанн. Мать Божья тоже утвердительно кивнула. Только Архангел Михаил неуверенно замахал крыльями и всем своим видом показывал: мне, конечно, всё равно, только решайте поскорее, а я уж своё дело сделаю.

Христос одобрительно хлопнул дланью по дубовому подлокотнику престола и уверенно заключил: «Быть по сему, предложение принимается, пусть потрудится в Раю, но непременно на самых тяжёлых работах».

Вот думаю, дела небесные, всё как у нас, в России-матушке, на черновые работы гастарбайтеров им подавай.

Присяжные облегчённо вздохнули и стали расходиться. Падший ангел недовольно ворчал, злобно зыряка на ангела-хранителя.

Вдруг раздался истошный вопль, это над моим ухом тре-

бобательно кричал наш кот Марсик. Я открыл глаза, посмотрел на часы – ровно восемь утра, пора вставать.

Марсик повёл меня к кормушке, в ней было пусто. Насыпал корма, Марсик одобрительно замурлыкал и принялся аппетитно хрустеть.

«Значит, всё-таки вернул меня Христос на нашу прекрасную грешную землю?», – подумал я, продирая сонные глаза. Ну что же, будем дальше грешить и каяться.